

18+

Валентина Вануйто

**Очерки истории
и культуры народов
Обдорского Севера
Березовского края XVIII –
XX вв.**

Валентина Вануйто

**Очерки истории и культуры
народов Обдорского Севера
Березовского края XVIII – XX вв.**

«Издательские решения»

Вануйто В.

Очерки истории и культуры народов Обдорского Севера
Березовского края XVIII – XX вв. / В. Вануйто — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-44-987663-8

Обдорский Север являлся одной из самых больших территорий Березовского края, соединявшей Березовский уезд, Мангазею и Урал. В силу исторических и экономических условий Обдорский Север сформировался как единая историко-культурная зона. Здесь издавна расселились русские, ненцы, ханты, манси, селькупы и коми.

ISBN 978-5-44-987663-8

© Вануйто В.
© Издательские решения

Содержание

Глава V. Материальная культура населения Обдорского Севера – Поселения и жилища..... –	6
Одежда..... –	
Орудия труда и средства передвижения..... –	
Пища.....	
Введение	9
Глава I. Историография и источники	17
Дореволюционный период	21
Постсоветский период	68
Глава III. Обдорский край в составе Российского государства	103
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Очерки истории и культуры народов Обдорского Севера Березовского края XVIII – XX вв.

Валентина Вануйто

© Валентина Вануйто, 2020

ISBN 978-5-4498-7663-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В. Ю. Вануйто

**Очерки истории и культуры народов Обдорского севера
Березовского края XVIII – XXвв.**

**Ответственный редактор доктор
исторических наук Н. А. Миненко**

Содержание

Введение.....
Глава I. Историография и источники	
– История изучения культуры народностей, проживающих на территории Обдорского Севера.....
– Источники исследования.....
Глава II. Территориально-хозяйственное заселение и освоения Обдорского края коренным и русско-зырянским населением	
– Путешествие во времени.....
– История расселения северных народов на территории Березовского края....
– История колонизации русскими и коми-зырянами территорий коренных народов.....
ГлаваIII. Обдорский край в составе Российского государства	
– Роль северных городов в развитии Обдорского края.....
– Политика администрации по отношению к коренным народам.....
– Торговое и промышленное освоение Севера.....
– Этнокультурные связи и взаимовлияние культур населения.....
– Обдорская ярмарка.....
Глава IV. Хозяйственные занятия и быт населения Обдорского края	
– Развитие оленеводства у населения.....
– Традиционная хозяйственная деятельность народов, населяющий Обдорский край	

Глава V. Материальная культура населения Обдорского Севера – Поселения и жилища.....	–
Одежда.....	–
Орудия труда и средства передвижения.....	–
Пища.....	–

Глава VI. Накопление рациональных и эмпирических знаний населения Обдорского края	
– Народная медицина.....	
– Эмпирические знания.....	
– Здоровоохранение.....	

Глава VII. Семейная обрядность и брачные отношения населения Обдорского края	
– Брачные отношения.....	
– Свадебный обряд.....	
– Приданное и калым.....	
– Родильный обряд.....	
– Похоронная обрядность.....	

Глава VIII. Семейные ценности населения Обдорского Севера	
– Семейные ценности – целомудренность.....	
– Этические традиции.....	
– Этнопедагогика.....	
– Игры – шаг к взрослой жизни.....	

Глава XIX. Семейные и календарные праздники населения Обдорского Севера	
– Праздники и увеселения северных народов.....	
– Календарные праздники и вечера русско-зырянского населения.....	

Глава X. Просвещение, краеведение, библиотеки	
– Школы на территории Обдорского Севера.....	
– Библиотеки и круг чтения северян.....	
– Краеведение.....	
– Просветительская деятельность миссионеров.....	

Глава XI. Традиционная духовная культура северян Обдорского края	
– Религиозные верования северных народов.....	
– Николай Чудотворец.....	
– Устройство космоса и божеств в мировоззрении народов Обдорского Севера.....	
– Социальный статус шамана.....	

Глава XII. Развитие миссионерской деятельности на севере Обдорского края	
– Расцвет миссионерской деятельности.....	

- Обдорская миссия в просвещении коренных народов.....
- Знание языка – ключ к сердцам коренных народов.....
- Обдорская миссионерская школа-интернат.....

Заключение.....

Список использованной литературы.....

Посвящаю моей маме,
Вануйто Нине Ивановне, из древнего и
благородного рода Окотэтто,
Тамбейской тундры седого Ямала.
Дорогому и моему великому Учителю Миненко Нине Адамовне,
д.и.н., профессору

Обдорский Север являлся одной из самых больших территорий Березовского края, соединявшей Березовский уезд, Мангазею и Урал. Он был щедро наделен природой – лесами, животными, полноводными реками и обилием рыбы ценных пород. На ее обширных пространствах проживали различные народы, находившиеся на разных ступенях хозяйственного и культурного развития. На протяжении веков складывалась традиционная культура, общественный строй, религия коренных народов, которая была приспособлена к природным условиям Крайнего Севера.

В силу исторических и экономических условий Обдорский Север сформировался как единая историко-культурная зона. Здесь издавна расселились русские, ненцы, ханты, манси, селькупы и коми. В этой зоне определенное исключение составляют русские — выходцы Европейского Севера и Центральной России, которые проживают несколько обособленно. Процесс их формирования на этой территории охватывает время с XVII в. Он проходил параллельно освоению коми-зырянскими северными пространствами и отличался большей или меньшей интенсивностью в различные периоды этнической истории края. Исторические судьбы северных народов становятся общими в XV – XVI вв. после вхождения их в состав Московского государства. Именно с этого времени начинается новый этап этнической истории народов Крайнего Севера. Русские сыграли роль цивилизующего элемента, сохранив самобытное лицо этих этносов, и, в то же время, заимствовав самое ценное из их хозяйственно-культурных традиций. Остальные народы обнаруживают много сходных черт в культурном развитии. Но, несмотря на различия в своей исторической судьбе, они имеют много общего. В результате взаимодействия друг с другом, а также длительных контактов с русским населением зырянами и татарами произошел процесс обмена культурными ценностями, взаимное обогащение культур. Поскольку освоение и заселение Севера происходило в форме массовой народной колонизации, заложившей уже на начальных этапах мирные отношения этносов, здесь никогда не происходило межэтнических распрей. Такой феномен — мирное сосуществование народов — характерен и для настоящего времени.

Автор выражает искреннюю благодарность д. и. н., профессору Ю. П. Прибыльскому, оказавшему помощь ценными советами и указаниями в процессе всей работы над рукописью; д.и.н. профессору Н. А. Миненко за ее тактичность, за ценные советы, помощь над рукописью; члену Союза писателей России Л. Д. Гладкой. Глубокую признательность выражаю супругу Л. А. Лару за предоставленные полевые материалы, собранные во время научных экспедиций по Ямальскому, Тазовскому и Пуровскому районам.

Выражаю сердечную признательность сотрудникам Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Тобольского филиала государственного архива

Тюменской области, государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, Салехардского краеведческого музея.

Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости...

А. С. Пушкин

Введение

Тема культурного развития Березовского края в современном мире представляет особый интерес, т.к. культура северян – это яркий пример взаимного обогащения нескольких различных культур, в результате которого каждый народ, несмотря на численность, сохранил свою неповторимость как особая отдельная историко-этнографическая величина, и в то же время возникло единое целостное культурное пространство со своеобразными правилами поведения, обычаями и другими признаками, свойственными только этому региону.

Наши исследования ограничиваются Обдорским Севером Березовского края, включающим лесотундровую и северо-таежную зоны Нижнего Приобья, в административном отношении входившим в Обдорскую и Куноватскую волости Березовского округа Тобольской губернии. Обдорский Север являлся многонациональным краем Березовского уезда, местом проживания представителей трех языковых групп: финно-угорской, славянской, самодийской. Здесь соседствовали группы северных хантов, ненцев, коми-зырян, русских из разных регионов России, каждая из которых обладала древней и самобытной культурой, уникальным историческим опытом, пронесенным сквозь столетия.

Объектом исследования являются народности, проживающие на территории Обдорского края.

Предмет исследования – их культурное развитие, процессы, отношения, деятельность, направленная на производство, потребление, сохранение, распределение ценностей культуры, и сами эти ценности. Для проведения сравнительного анализа привлекаются данные, характеризующие культуры восточных хантов, коми-зырян Коми края, русских всей территории Березовского округа. Полиэтничность исследуемой территории является существенным фактором, оказывающим непосредственное влияние на основные тенденции общерегионального развития.

Сложность исследований в области «культурного развития» и освоения ее результатов состоит в том, что само понятие «культура» весьма многозначно, имеет различное содержание и разный смысл не только в обиходном языке, но и в разных науках и философских дисциплинах. Термин «культура» (лат. «Cultura») имеет множество определений. Этимологически он восходит к словам латинского языка «возделывать», «обрабатывать». В ходе длительной эволюции от Цицерона («культура ума есть философия») до немецкого идеолога XVII в. И. Гердера,¹ относившего к культуре язык, семейные отношения, искусство, науку, ремесла, государственное управление, религию, произошло изменение его содержания. Их идеи образовали теоретическое ядро того гуманистического понимания культуры, которое послужило предпосылкой и исходным пунктом для формирования современного понимания культуры. В истории и в современную эпоху в мире существовало и существует огромное разнообразие видов культур как локально-исторических форм общностей людей.

В научном сознании понятие культуры приобрело столько толкований, что стали появляться труды, посвященные классификации его различных определений. С последней трети XIX в. изучение культуры развивалось в рамках антропологии и этнографии. Одним из первых подходов в изучении культуры является антропологический, формирование его началось теориями ранних эволюционистов (Г. Спенсер, Э. Тайлор и Д. Морган). Затем сформировался культурно-антропологический подход, разработанный в трудах Б. Малиновского, К. Леви-Строса, Э. Фромма, А. Кребера, Ф. Клакхона и др.² При этом складывались различные подходы к культуре.

¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. 1977

² Кребер А. Клакхон С. Культура. Критический анализ концепции и дефиниций. М. 1992; Кребер А. Л. Конфигурация

Положив начало культурной антропологии, английский этнолог Э. Б. Тайлор определял культуру путем перечисления ее конкретных элементов, но без уяснения их связи с организацией общества и функциями отдельных культурных институтов.³ Американский ученый Ф. Боас в начале XX в. предложил метод детального изучения обычаев, языка и других характеристик жизни примитивных обществ и их сравнения, позволявший выявить исторические условия их возникновения.⁴ Американский антрополог А. Кребер перешел от изучения культурных обычаев к понятию «культурного образца»; совокупность таких «образцов» и составляет систему в культуре.⁵ В функциональных теориях культуры, ведущих свое начало от английских этнологов и социологов Б. К. Малиновского⁶ и А. Р. Радклифф-Брауна⁷, основным становится понятие социальной структуры, а культура рассматривается как органическое целое, анализируемое по составляющим его институтам. Структуру социальные антропологи рассматривают как формальный аспект устойчивых во времени социальных взаимодействий, а культура определяется как система правил образования структуры при таких взаимоотношениях. Функции культуры состоят во взаимном соотношении и иерархическом упорядочении элементов социальной системы.

Культурное развитие – это результат взаимообогащения культур, процесс обмена способами деятельности, информацией, позволяющей передавать и усваивать социальный опыт и определяющей рост высших духовных ценностей. Контакты между народами и распространение элементов культуры в рамках культурных кругов рассматривались представителями диффузионистской школы. Диффузионизм как способ изучения культур появился в конце XIX в. Представители этого направления считали главным содержанием исторического процесса диффузию, контакт, столкновение, заимствования, перенос культур. В их исследованиях отрабатывались приемы анализа, сравнения, поиска сходных моментов в частях, составляющих культуру. Понятие «диффузия», заимствованное из физики, означает «разлитие», «растекание», «проникновение». Именно «диффузионисты» исследовали вопрос о пространственно-временных характеристиках культур,⁸ что обозначает распространение культурных явлений через контакты между народами – торговлю, переселение, завоевание.

Ф. Ратцель считал, что ведущую роль в формировании той или иной культуры играет географическая среда, к которой приспособляются, адаптируются человеческие общества. В передвижениях народов он видел основополагающий фактор истории человечества. Сходные элементы в культурах разных народов Ф. Ратцель объяснял их общим происхождением, относящимся к глубокой древности. Основным источником изменений в культурах он видел во взаимных контактах между ними. Он выделял два способа перемещения элементов культуры: 1) полный и быстрый перенос не отдельных вещей, а всего культурного комплекса; этот вариант, используя терминологию американских ученых, он называл аккультурацией; 2) перемещение отдельных этнографических предметов от одного народа к другому. Он делал акцент на взаимовлиянии культур, их изменении путем заимствования; выдвигал идею об одном или нескольких центрах, из которых началось развитие человечества. Главный предмет изучения

развития культуры. // Антология исследований культуры. Т. 1, Интерпретация культуры. СПб., 1997; Леви-Строс Структурная антропология. М., 1983; Малиновский Б. Научная теория культуры. М. ОГИ, 1999; Фромм Э. Психоанализ и религия. // Сумерки богов. М., 1989 и др.

³ Тайлор Э. Б. Первобытная культура, М. 1989

⁴ Боас Ф. История и наука в антропологии: ответ / Пер. Ю.С.Терентьева // Антология исследований культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – Т.1.

⁵ Кребер А. Клакхон С. Культура. Критический анализ концепции и дефиниций. М. 1992; Кребер А. Л. Конфигурация развития культуры. // Антология исследований культуры. Т. 1, Интерпретация культуры. СПб., 1997;

⁶ Малиновский Б. Научная теория культуры. М., 1999

⁷ Радклифф-Браун А. Р. Историческая и функциональная интерпретация культуры и практическое применение антропологии в управлении туземными народами // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб. 1997. С. 633—635.

⁸ Кребер А. Клакхон С. Указ. Соч.

Ф. Ратцеля – географическое распространение предметов материальной культуры и соответственное распространение народов – носителей этих предметов.⁹

По мнению Г. Спенсера, развитие культур в целом идет в направлении их интеграции, объединения в некую целостность. Он ввел в научный оборот понятия «структура» (общества, культуры), «функция», «культурный институт», полагая, что культуры (или общества), развиваются под влиянием внешних факторов (воздействие географической среды и соседних культур) и внутренних факторов (физическая природа человека, дифференциация рас, разнообразие психических качеств). Его считают также предшественником функционализма в изучении культур.¹⁰

Анализируя контакты культур индейцев, К. Уисслер пришел к выводу, что путем диффузии распространяются не только материальные и нематериальные элементы культуры, но и соматические (телесные, организменные) характеристики. В качестве критериев для определения ареала он использовал главные характеристики природной среды и отличия, черты материальной культуры, наметил регионы распространения и адаптации некоторых культурных черт.¹¹

Специфика этнических процессов исследуемого региона объясняется этнокультурной общностью, глубокими историческими контактами и связями народов, создавших благоприятные условия для сближения, ассимиляции и внутриэтнической консолидации. Предложенная модель складывается из четырех основных подсистем (сфер) культуры: производственной, жизнеобеспечивающей, соционормативной и познавательной, которые основываются на деятельностном подходе к их изучению. В ней есть взаимопересечение подсистем, внутренние уровни абстракции, эволюционно-историческая изменчивость, которые в совокупности отражают рельеф культуры, способы изучения культурного пространства конкретного региона. По мнению С. А. Арутюнова, в условиях длительного существования этносов в рамках сформировавшихся историко-культурных областей между ними складываются симбионтные отношения, основанные на различиях в направлениях хозяйства и углублении культурной дивергенции (расхождение признаков).¹²

Согласно отечественной научной традиции XX в., изучение культуры происходило в рамках философской мысли, стремящейся выработать целостный, системный подход к анализу культуры как социального явления. В итоге перед нами философское обоснование культуры, когда ее сущность рассматривается как универсальное свойство общества. В границах такой методологии возникло искусственное деление целостного культурного процесса на материальный и духовный уровни. В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов.

Культура оределенного народа, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области (сферы): нравы, обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, религия и др. Наиболее распространено деление культуры на материальную и духовную – соответственно двум основным видам общественного производства. Под материальной культурой понимают все то, что создается людьми в утилитарных целях. Это также способы, технологии производственной деятельности, необходимые для ее осуществления знания и умения. Понятие духовная культура более сложное, многогранное. Это познавательная (в широком смысле слова) и интеллектуальная деятельность, этические нормы и эстетические представления, религиозные убеждения. К духовной культуре относится также ряд аспектов педагогической деятельности, правовых представлений.

⁹ Ратцель Ф. Народоведение (Антропогеография) // Геополитика: Хрестоматия / Сост. Б. А. Исаев. СПб. 2007.

¹⁰ Культурология XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб. Университетская книга. 1998; Краткая философская энциклопедия. М. 1994

¹¹ Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М. 1998.

¹² Арутюнов С. А. Адаптивное значение культурного полиморфизма. // Этнографическое обозрение. 1993. №4. С.44.

Э. С. Маркарян выделяет природно-экологическую культуру, основой которой выступает культура материального производства; общественно-экологическую, т.е. способ упорядоченного взаимодействия обществ посредством институционализированных мирных и военных средств; и социорегулятивную культуру, фундаментом которой является человеческая детальность, направленная на поддержание социальной системы в качестве интегрированного целого.¹³ По мнению Ю. В. Бромлей, составными частями культуры являются общественное сознание людей, проявление его в поведении и действии, а также «опредмеченные» результаты деятельности (как материальные, так и духовные).¹⁴

В целом же провести четкую границу между материальной и духовной культурами нельзя. Например, одни и те же предметы могут играть роль утилитарных и эстетически ценных, являясь, по сути, произведениями искусства (например, ковры, посуда, архитектурные сооружения). Очевидно, в одних случаях такие предметы будут удовлетворять преимущественно утилитарные, в других – преимущество духовные (эстетические) потребности. Интеллектуальная деятельность также может направляться как на решение сугубо практических задач, так и на философское осмысление мира. Будучи зависимой от материальных условий, духовная культура не изменяется автоматически вслед за своей материальной основой, а характеризуется относительной самостоятельностью (преемственность в развитии, взаимовлияние культур различных народов). При всех способах подобной классификации главным остается признание определяющей роли материальной культуры для развития всей культуры в целом. В качестве критериев определения внутреннего строения культуры обычно выступают формы ее «опредмечивания», «объективизации», этот подход лежит в основе выделения материальной и духовной культуры. Под первой обычно подразумеваются вещи, материально существующие в пространстве и на протяжении известного отрезка времени, духовная культура представляет собой информацию, которая существует в коллективной живой памяти любой человеческой группы.¹⁵

Культуру можно делить по временному (историческому), территориальному (этническому) или социальному принципам. Культура – явление историческое, развивающееся и вносящее многообразие в процессы общественного развития. В процессе культурного развития изменяются не только вещи и идеи, но и сами люди. Охватывая с внешней стороны все предметные результаты человеческой деятельности (орудия труда, сооружения, различные виды знания, моральные принципы, обычаи и верования), культура по своему внутреннему содержанию есть процесс развития народа как целостного и гармонического общества.¹⁶ Каждый народ имеет свою неповторимую историю и культуру и обладает специфическими культурными чертами, которые, с одной стороны, подчеркивают их оригинальность, а с другой представляют их как этап развития человеческой культуры вообще.

Культурное взаимодействие между контактирующими группами носило как стихийный характер, так и направлялось политикой социально-экономического развития колонизируемой территории, проводимой Российским государством. Изменение системы жизнеобеспечения культуры коренных народов были вызваны необходимостью уплаты ясака, развитием торговых отношений, появлением новых технологий в промыслах, включением в рацион питания новых продуктов, усвоением новых элементов в домостроительной технологии, в изготовлении одежды, утвари и т. д. Русские переселенцы в процессе приспособления к новым экологическим условиям также заимствовали опыт коренных жителей, связанный как с практической деятельностью, так и мировосприятием. В суровых условиях формировалось максимально

¹³ Арутюнов С. А. Указ. Соч. С.64.

¹⁴ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. С.47.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Указ. Соч. С.50.

¹⁶ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль, 1983. С.55.

приспособленная к ним материальная и духовная культура северян, вырабатывались рациональные приемы хозяйствования. Промысловая культура местного русско-зырянского населения обогатилась опытом и знаниями коренных народов.

Своеобразная культура коренных жителей Обдорского Севера развивалась не только на собственной основе, но и на базе освоения культуры соседей, в первую очередь, пришлого населения. Культура русско-зырянского населения была основана на рациональном расчете и свободном обмене, у коренных народов она была консервативна и медленно воспринимала инновации. Тем не менее, соприкасаясь с более прогрессивной культурой, коренные народы обогатили, изменили и преобразовали свою. В тоже время, проживая на территории Обдорского Севера и соседствуя друг с другом, северяне сохранили особенности своей культуры, этикет, язык, хотя и с неизбежной определенной трансформацией.

Длительное взаимодействие коренных народов Северо-Западной Сибири и переселенцев (русских, коми-зырян), особенно в зоне наиболее интенсивных контактов, вело к постепенному изменению отдельных компонентов культуры и освоению новых стереотипов мировосприятия всех групп, участвующих в этом процессе. Взаимодействие способствовало расширению и внутриэтнической мозаичности культуры, давало потенциальные возможности выбора разных стратегий жизнедеятельности на основе усвоения иноэтнического опыта. В результате этнокультурных особенностей стиралась либо становилась общей принадлежностью, характерной для определенной историко-культурной области. Особенности взаимодействия народов на разных этапах исторического развития рассматривались С. А. Арутюновым, он определил общую модель утраты исходных черт культуры в процессе аккультурации и усвоения заимствований из другой культуры.¹⁷

Стимулирование, координация и воспроизводство деятельности этнических групп происходит благодаря социорегулятивной подсистеме культуры. Это становится возможным в результате накопления исторического общественно значимого опыта, выраженного в групповых стереотипах деятельности, и передачи его из поколения в поколение.¹⁸ Накопление и трансляция опыта есть действие механизма культурной традиции, под которой понимается выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, транслируемый в пространстве и во времени, накапливаемый и воспроизводимый в различных человеческих коллективах.¹⁹

Культурные контакты осуществлялись и на бытовом уровне, и с помощью различных социальных и культурных институтов – церкви, школы, органов управления и самоуправления и пр. Это вело к появлению, распространению и усвоению общероссийских компонентов культуры среди народов Сибири. Изучение особенностей взаимодействия народов в рамках локальной истории позволяет более четко определить закономерности и специфику развития этнической культуры, а также механизмы формирования историко-культурных областей. Исследование культуры народов Севера необходимо для расширения представления о богатстве его культуры, для лучшего понимания истоков многих традиций и обычаев.

Сибирь, как и Россия, пережила в своем историческом развитии три этапа. Первый этап – военный, который совпал с походом Ермака. Второй этап – христианизация, которая так и не смогла искоренить культурные традиции коренных народов. Третий этап – усиление регламентации жизни сверху. Реально управляли коренными народами уездные и губернские административные органы. Русская «колонизация» Западной Сибири вызвала большие изменения в размещении и этническом составе населения этой территории. Процесс политического подчинения коренных народов Европейского Севера и Сибири Российскому государству и история первого столетия русской колонизации Сибири – одна из острых дискуссионных тем.

¹⁷ Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М. 1989.

¹⁸ Маркарян Э. С. Указ. Соч. С.68—69.

¹⁹ Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. // Советская этнография. 1981. №2. С.80.

Этот вопрос рассматривался в работах С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. П. Щапова, М. К. Любавского, Г. Ф. Миллера, В. К. Андриевича, П. Н. Буцинского, П. М. Головачева, С. В. Бахрушина, А. С. Зуева, В. В. Менщикова, В. Д. Пузанова, Н. А. Миненко, Л. П. Лашука и др.

В заселении русскими территорий проживания северных народов, историки выделяют два процесса: правительственную колонизацию, которая включала в себя различные мероприятия по освоению земель по инициативе и под руководством государственной администрации; вольнонаемную колонизацию — добровольное и стихийное заселение Сибири русскими людьми. Оба эти потока тесно переплетались. При этом именно вторая волна колонизации Сибири — земледельческая — оказала решающее воздействие на формирование сибирского крестьянства. Кроме того, следует учитывать и нарастающую с начала XVIII в. внутрисибирскую миграцию, когда переселенцы первой — торгово-промысловой — волны покидали оскудевшую к тому времени пушными богатствами тайгу и поселялись в пригодных для земледелия районах Сибири. Вслед за народом шла государственная власть, закрепляя за собой заселенные земли.

Прежде всего, нужно определиться с термином колонизация, более точно его суть отражают слова «заселение» или «освоение». Просто колонизация (без завоевания) состоит в мирном, постепенном проникновении на территорию, населенную коренными народами, пришлого населения и привнесении им принципиально другого образа жизни, другого вида хозяйства, другой системы жизнеустройства, а часто и другой культуры. Заселение Сибири совершалось преимущественно с Русского Севера и длительное время служило каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену.²⁰ Целые поколения поморских промышленников преимущественно были связаны с пушными промыслами в Обдорском и Енисейском крае.

Колонизация русскими огромного западносибирского края после похода Ермака с дружиной казаков в Сибирь была, в основном, мирной — не за счет вытеснения и тем более истребления коренного населения (как в Америке и Австралии), а за счет освоения свободных пространств путем «обтекания» мест жительства коренных народов. Поскольку колонизация зачастую оставалась «вольной», то переселенцы были в большинстве случаев предоставлены сами себе, и успех предприятия зависел, в частности, от их умения «ужиться» с коренными народами. Процесс освоения сибирской территории также связан с адаптацией человека к среде обитания (природной и социокультурной) — в том числе и с психологической. Русские сыграли роль цивилизующего элемента, сохранив самобытное лицо этих этносов, в тоже время заимствовав самое ценное из их хозяйственно-культурных традиций.

Обдорский Север являлся одной из самых больших территорий Березовского края, соединявшей Березовский уезд, Мангазею и Урал. На ее территории проживали ненцы, ханты, коми-зыряне, русские.

Ненцы в XVIII— начале XX в. занимали обширную территорию от Белого моря на западе до низовьев реки Енисей на востоке. Территория сибирских ненцев в XVIII — начала XX в. простиралась с запада на восток — от сибирских острогов Уральского хребта до водораздела между Тазом и Енисеем. На севере кочевья обдорских ненцев доходили почти до Карского моря, зона их освоения включала также низовья рек Таза, Пура и Надыма. Название «ненцы» происходит от слова «ненэць» (н) — человек. Данное самоназвание принято в качестве официального названия всей народности. У ямальских ненцев встречается другое самоназвание — «хасава» (мужчина). Устаревшее название ненцев у русских — «самоеды» и «юраки».

²⁰ Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начало XVIII в., М. 1964; Бояршинова З. Я. К вопросу о соединении Западной Сибири к Русскому государству. Томск. 1957. Т. 136; Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М. 1946

Первое название было распространено на Европейском и Обском Севере, второе – а Енисейском. До XIX в. первое название, звучавшее как «самоядь», распространялось также на энцев и нганасанов.

Хантов (самоназвание – «ханты», «хандэ», «кантэк»), до начала XX в. русские называли «остяк», коми-зыряне – «егра», ненцы – «хаби», татары – «уштяк». Среди хантов выделяются три этнографические группы (северные, южные и восточные), отличающиеся диалектами, самоназваниями, особенностями в хозяйстве и культуре, а также эндогамией. Внутри каждой из них, в свою очередь, имеются территориальные группы, различающиеся обычно по названиям отдельных рек, в бассейне которых они живут. Северные ханты – одна из крупных групп обских угров, представители которой проживали на территории Березовского уезда, в составе которого выделялась самая северная – обдорская (усть-обская) группа. О ней можно говорить как об относительно компактной и самобытной общности, сложившейся в сочетании угорской, таежно-самодийской и тундрово-ненецкой культур. Соответственно, северные ханты распадаются на ряд локальных групп, которые чаще всего объединяют людей, проживающих в бассейне одного из притоков Оби – Сыни, Куновата, Казыма, Войкара и др.

Длительный и сложный процесс формирования русского населения в Сибири протекал наряду с активной адаптацией к новым условиям. Природные особенности создавали неодинаковые возможности для восстановления народных традиций. Совместное проживание с другими сибирскими народами обуславливали оживленные межэтнические взаимодействия. Эти обстоятельства способствовали появлению местных различий в их культуре. Освоение этих земель шло неравномерно и во многом стихийно. Отсюда крайне низкая плотность русского населения в Обдорском крае, количество которого было явно недостаточно для создания развитой экономической базы: *«От Березова до Обдорска совершенное безлюдье, пустыня. Если кое-где и кочуют остяки или самоеды, то едва ли можно считать их за людей промышленных»*²¹. Тундровые и притундровые земли ненцев и северных хантов в хозяйственном отношении осваивались русскими мало. В конце XVIII – начале XX в. на территории Обдорского Севера Березовского уезда шел процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием.²² В формировании русского населения в Обдорском крае, прежде всего, принимали участие выходцы из Березова и Тобольска.

Формирование поселенческой группы коми-зырян в Обдорском крае началось в первой половине XIX в. в результате переселения представителей ижемской группы коми из Печерского края Архангельской губернии.²³ Во второй половине 90-х гг. XIX – начале XX вв. коми-зыряне уже составляли большинство старожильческого населения Обдорского Севера.

У каждого из поселившихся на обширной территории Обдорского Севера была собственная среда обитания: кочевые пути ненцев и хантов пролегли в тундре, русские и коми селились по берегам Нижней Печоры, Оби и других рек. Основу жизни кочевников составляло кочевое оленеводство, сочетавшееся с рыболовством и охотой, оседлых русских и коми-зырян – рыболовство, пушной промысел и торговля. Происходило налаживание экономических связей, обусловленных разделением производства между отдельными областями, ослабление обособ-

²¹ ТГВ 1879, №7: 7

²² Миненко Н. А. Этническая история русского населения Западной Сибири в конце XVI – XIX вв. //Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: исторический опыт и современность. Тобольск. 1995; она же: Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск. 1975; Туров С. В. Старожилы населения Ямало-Ненецкого автономного округа: динамика и механизация складывания субэтнической группы. //Научный вестник. Салехард. 2002. Вып. 2

²³ Баргенов В. В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб. 1896; Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск. 1975

ленности народов. Это определило постепенное сглаживание культурных этноособенностей и у русских Обского Севера.

Дальнейшее развитие традиционной культуры северян в XVIII – XIX вв., деформации отдельных напластований, усложнения не изменили в целом ее облик. Сформировались ее общие черты, определились локальные варианты, установились традиционные связи, процесс адаптации к северным условиям завершился. Это было время, когда на всей территории расселения русских уже шел процесс выработки общерусских связей и особенностей народной культуры. Прежде всего, необходимо отметить, что ассимилятивные процессы, взаимопроникновение этнических культур, в котором исторически находятся малочисленные народы Севера, предполагает двойственное к нему отношение. С одной стороны, широкая диффузия культур, инновации способствуют обогащению как самой личности за счет расширения ее социокультурного пространства, так и культуры, в которой она развивается. Так, по мнению С. А. Арутюнова, взаимодействие культур является одним из важнейших условий для успешного развития любой культуры и поддержания ее в полном объеме.²⁴

Многовековое взаимодействие всех северных народов вело к тому, что Север становился единым в историко-культурном отношении. В итоге расселения русских в северных пространствах с XVII вв. сложилась современная этническая карта Обдорского края. На основной его территории сформировалась русская народность, вернее, одна из составных ее частей – старожилы, а на окраинах – ее соседи: народности самодийского и финно-угорского происхождения. Поскольку освоение и заселение Севера происходило в форме массовой народной колонизации, заложившей уже на начальных этапах мирные отношения этносов, здесь никогда не было межэтнических распрей. Такой феномен — мирное сосуществование народов — характерен и для настоящего времени.

Предметом исследования является древняя и самобытная культура всех групп населения Березовского края. Хронологические рамки охватывают период с XVII до начала XX в.

При подготовке работы были использованы методические приемы исследования североведов: Л. В. Хомич, Н. А. Миненко, В. И. Васильева, Ю. Б. Симченко и др. Изучение культуры, безусловно, требует также использования исследователем метода вживания в культуру, взгляда на нее изнутри, что открывает новые возможности для понимания функционирования центральных и периферийных ее элементов, механизмов и трансформации. Сбор полевых материалов проводился на основе методики экспедиционной этнографической работы (интервьюирование, записи, фото-аудио-видеофиксация). Эти методы помогают восстановить «связь времен» в этнокультурной жизни исследуемых этносов.

²⁴ Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие. М. 1989.

Глава I. Историография и источники

– История изучения культуры, традиций народностей, проживающих на территории Березовского Севера

Население Березовского края уже несколько сотен лет является предметом научного интереса историков, культурологов, этнографов, археологов, антропологов, лингвистов. Вообще в литературе о Северо-Западной Сибири сочинения на иностранных языках по своему количеству и качеству играют довольно существенную роль. На первом месте при анализе литературы находится вопрос по исследованию накопленного материала зарубежных и отечественных источников по истории Сибири и северных регионов. Наиболее актуальна такая задача для территорий, где существовали народы, не имевшие письменности, а воссоздание прошедших времен базируется, главным образом, на дневниках, журналах, записках, отчетах мореплавателей, путешественников, дипломатов. Изучая какой-либо этнос или этническую группу, важно знать, какой исторический путь он прошел, с кем соседствовал и как это отразилось на его развитии. В материалах о Сибири едва ли не самую важную часть составляют известия о народах, населяющих территорию Севера, в работах иностранных путешественников, мореплавателей и писателей. Действительно, нет области научного знания, которой не коснулись тогда путешественники, совершая рискованные и утомительные экспедиции по отдаленнейшим уголкам севера Сибири и собирая геологические материалы вместе с этнографическими, зоологические — с историческими и т.д. Историографические исследования дают возможность восстановить в ретроспективе традиции, обычаи, жизнь и быт ненцев, хантов, селькупов, русских (старожилов), коми-зырян (ижемцев), которые существовали в период XVI – XX вв.

Наша задача – изучить каждое произведение в контексте того времени, когда оно появилось. Выстраивание хронологического ряда работ позволяет выявить процесс накопления знаний, выяснить качественные изменения в разработке проблемы, рассмотреть заслуги исследователей по сравнению со своими предшественниками, а не с последующим уровнем исторических знаний. Обзор источников и литературы по народам севера Западной Сибири имеет двоякую цель. Первое – он вводит читателя в круг разноязычных зарубежных источников по истории и культуре народов Крайнего Севера. Особое внимание было уделено освещению особенностей исторической информации, в первую очередь, о народах Березовского края. Второе – обобщение информации о северных народах, содержащейся в русских и зарубежных источниках: от первых упоминаний в рассказе новгородца Гюряты Роговица «Югра же – народ, а язык его непонятен; соседит с самоядью в северных странах»²⁵ до свидетельств западно-европейских путешественников, мореплавателей, исследователей.

Путешественники, мореплаватели и исследователи часто первыми ступали в те или иные районы Севера Сибири. Они старались обозначить имперскую власть своего правительства в научных открытиях и инвестировании новых географических названий, несмотря на то, что там уже существовали местные топонимы. Материалы и дневниковые записи путешественников XVI – XIX вв. о Сибири публиковались сразу же после экспедиций, причем иногда их труды еще при жизни авторов видели не одно издание. Более того, в этот период на Западе наблюдается рост печатных изданий о путешествиях и приключениях в далеких странах и землях, что, в целом, отражает усиление интереса западного общества не только к древним и современным европейским обществам и культурам, но и к северным народам Сибири и Дальнего Востока.

²⁵ Титов А. Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890, стр. 4—5

Большую часть своих записей иностранные путешественники, мореплаватели, торговцы производили на основе включенного наблюдения. В какой-то степени это освобождало их от влияния других авторов, и их информация становилась эксклюзивной и неординарной. В то же самое время информация путешественников выглядела субъективной и эмпирической, лишённой обобщений и выводов. Не исключено, что наблюдения и записи путешественников подвергались личной, а возможно, и групповой литературной редакции и фильтрации.

Самые ранние сообщения о северных народах Северо-Западной Сибири мы встречаем в работах иностранных путешественников, мореплавателей, врачей, исследователей и др. Их сообщения являются для историков и этнографов важными источниками в изучении традиций, обычаев, культуры, жизни и быта северных народов. Изучение племенного состава Сибири и тех изменений, которые произошли в нем за два последних столетия, колониционного процесса, исторической динамики сибирской экономики и т. д. немыслимо без обращения ко всем этим иностранным книгам как к первоисточникам. Собранный этими учеными, путешественниками, писателями материал поистине необозрим и еще далеко не весь использован до конца.

Историография XVII— начала XX вв. характеризуется относительной свободой мысли и существованием благоприятных условий для научного творчества. В это время происходит становление российской исторической науки, накопление исторических источников и формирование различных направлений в процессе изучения истории и культуры малочисленных народов Крайнего Севера. В отечественной историографии можно выделить три этапа изучаемой проблемы: дореволюционный, советский и постсоветский. Они отличаются друг от друга в организации научных исследований, методологическими и концептуальными подходами, проблематикой научных исследований, методами исторического исследования и т. д.

Дореволюционный период (XVI в. – 1917 г.). Все работы дореволюционного периода можно разделить на две группы. Первые исследования носили описательный характер, вторые – обзорный. В периодической и непериодической дореволюционной печати встречаются статьи и очерки, которые носят обзорный характер и дают общее описание. Эти группы работ важны для нас тем, что личное (субъективное) мнение авторов в этих работах минимально, они давали описание жизни и быта народа в данный конкретный момент. Кроме того, в них отсутствует «эффект времени», когда автор забывает определенные детали произошедших событий. Поэтому степень достоверности этих произведений достаточно высока. Значимость данных групп историографических источников не поддается сомнению, так как исследователям, на наш взгляд, еще предстоит выявлять и находить работы дореволюционных авторов, которые во всей своей совокупности, несмотря на прошедшие годы, до сих пор не обработаны и не изучены полностью.

Наиболее ранними сведениями о Югорской земле в составе Золотой орды мы обязаны сочинению Шихабеддина Абулаббаса Ахмеда Ибнфадлаллаха Эломари «Пути взоров по государствам разных стран».²⁶ Существенный вклад в изучение Северо-Западной Сибири еще во второй половине XVI в. внесли немецкие, английские, голландские путешественники, на что обращали внимание многие отечественные исследователи прошлого столетия. М. П. Алексеев писал, что с середины XVI в. наблюдается ряд настойчивых попыток англичан и голландцев достигнуть Сибири, которая живо интересовала правительство и наиболее энергичные круги торговой буржуазии двух самых передовых европейских стран той эпохи.²⁷ Исследования северного побережья России до Оби, да и в Сибири позволили англичанам, голландцам и немцам сделать чрезвычайно интересные описания. Исследования по отдельным вопросам культуры

²⁶ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 240—241.

²⁷ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. 52—53

края в виде очерков, сообщений и заметок, публиковавшихся в различных дореволюционных изданиях, касались преимущественно частных вопросов истории и культуры края.

Второй период – советский (1917 г. — рубеж 80-90-х годов XX в.) можно разделить на три этапа.

Первый этап (1917—1930 гг.) отмечен чрезвычайно важными событиями, отразившимися на судьбах не только литературных источников, но и документального наследия. 1917 г. кардинальным образом повлиял на отношение значительной части общества к отечественной истории. 1920-е гг. отмечены ростом краеведческого движения. В материалах советского периода особо необходимо выделить издания, относящиеся к 20-30-м годам, где приводилось много фактического материала.

Второй этап — период 30-60-х гг. Это период накопления этнографами фактического материала и изучения отдельных вопросов. Историки отражали, главным образом, деятельность советских органов по ликвидации культурной отсталости этих народов. Исследователи доказывали осуществление культурной революции на Севере. Особо отметим внимание авторов к таким вопросам как специфика форм и деятельности учреждений культуры, формирование интеллигенции, появление у народов Севера первых писателей и художников. Недостаточно уделялось внимания качественным изменениям культуры коренных народов в процессе преобразований. Тем не менее, за годы советской власти появился ряд исследований, которые для изучения данной темы представляют значительный интерес.

Третий этап – период 60-80-х гг. отмечен появлением обобщающих монографических исследований историков, которые изучали достижения «социалистических» преобразований у народов Крайнего Севера. В научных трудах были отражены многие вопросы культурного строительства на Севере, подчеркивалась роль заимствований из русской культуры в развитии малочисленных коренных народов. Историки большое внимание уделяли «социалистическому образу жизни» коренного населения, лишь тезисно рассматривая воздействие индустриального развития северных районов на населяющие их народы, участие народов Севера в новых для них отраслях народного хозяйства. В 80-е гг. большой вклад в комплексное, системное изучение проблем культуры народов Севера внесли екатеринбургские, новосибирские, тюменские ученые.

Советская историография по данной проблеме также, как и дореволюционная характеризуется некоторыми особенностями. Во-первых, наблюдается отсутствие исследований, посвященных непосредственно западным исследованиям и исследователям народов Северо-Западной Сибири в XVII—начале XX вв., несмотря на то, что их труды и сведения фрагментарно использовались при изучении отдельных вопросов политической, экономической и культурной истории Севера в прошлом. Во-вторых, труды английских, голландских, немецких путешественников расценивались как недостоверные и ненаучные – более того, как фальсифицирующие прошлую историю сибирских народов и их культуру.

В советской историографии накоплен значительный материал и опыт изучения культурного прошлого Западной Сибири. Однако в работах по истории культуры малочисленных народов Крайнего Севера освещение базируется на этнографическом материале. С самых первых шагов своей деятельности советское правительство поставило задачу глубокого изучения жизни малых народов Крайнего Севера и привлечения научных сил для успешного переустройства их бытия. Этнографические исследования поставили задачу помочь государству в национальном строительстве. Замечательной чертой советской этнографии является тесная связь ее с практикой национального строительства у отсталых народностей. Великая Октябрьская революция выдвинула историческую задачу полного переустройства жизни малочисленных народов. Ликвидация многовековой отсталости требовала реального знания конкретного состояния всех особенностей жизни северных народностей, нахождения быстрых и безболезненных путей их всестороннего (хозяйственного, политического, культурного) возрождения.

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что по советскому периоду истории народов Севера наиболее изучен отрезок 20-70-х годов. Этим десятилетиям посвящены обобщающие труды, хотя большинство из них имели историко-партийную направленность. В меньшей степени изучен период с середины 60-х до середины 80-х годов. Здесь, в основном, преобладают исследования отдельных сторон и проблем развития народов Севера. Неполно изучено именно их культурное развитие. Такое положение обусловлено, в первую очередь, слабой изученностью сибирской истории, в частности, истории культуры коренного населения Северо-Западной Сибири. Все же, несмотря на эти недостатки, ценностью многих работ, до сих пор не преходяща в том плане, что в них содержится значительная источниковедческая и архивно-документальная база, собранная в библиотеках и архивах России.

Третий период историографии—постсоветский (с начала 90-х гг. XX в. по настоящее время) отмечен крупными изменениями в отношении литературного и документального наследия.

В 1990-х гг. открылись новые перспективы в изучении многих проблем по этнографии, истории, культуры коренных малочисленных народов Севера. Историками, этнографами, культурологами предпринимаются первые попытки комплексного, объективного освещения Северо-Западной Сибири. В современных исследованиях проводятся попытки нового осмысления историографических проблем дореволюционной, начальной советской истории и этнографии. Если первая половина 90-х годов стала периодом осмысления новых процессов и освоения новых методологических подходов, то во второй половине 90-х уже появились серьезные исследования, которые открыли новую страницу в сибирской историографии.

Дореволюционный период

Данная историография «дореволюционного периода» имеет, преимущественно, характер «общего представления» о работах, путевых заметках, дневниках исследователей, путешественников, мореплавателей, купцов, где есть небольшое описание малочисленных народов, территорий севера Западной Сибири. Они дают сводку сообщений о географии, этнографии регионов Крайнего Севера, о ее торговле и даже о ее законах.

В XVI – XVII в. в странах Западной Европы сохранялся устойчивый интерес к Сибири. Европейцев интересовали торговые пути в Китай через Сибирь или вокруг нее по северному морскому пути и торговля пушниной с сибирскими народами. Возможно, толчком к таким активным действиям послужила книга «Записки о Московии» австрийского дипломата и географа Сигизмунда Герберштейна, приехавшего в Москву в 1517 и 1526 годах, явившаяся в Европе настоящим историко-географическим бестселлером, где указывается путь к Печоре, Югре и реки Оби.²⁸

Многим иностранным купцам, мореплавателям не давала покоя фантастически богатая Сибирь. Они на своих кораблях стремились пройти до проливов Югорский и Маточкин Шар, откуда попадали в устье реки Оби, поближе к сибирским промыслам. Это задевало интересы Московского царского двора. В XVII в. было издано несколько царских указов, запрещающих «немецким людям» торговать в северных районах Сибири. Сведения о ней добывались в России с большим трудом. Нередко с риском для жизни. По свидетельству И. Массы, его информаторы «могли поплатиться жизнью»²⁹ за передаваемые сведения. Нередко информация добывалась с помощью подкупа. Некоторые сочинения писались анонимно. Однако, несмотря на все запреты, в XVII в. о Сибири писали многие европейцы. Среди них были члены иностранных посольств, мореплаватели, купцы, миссионеры, искатели приключений. Многие из них не бывали в России и Сибири, а получили сведения из вторых рук. Главным источником, из которого черпали иностранные путешественники того времени сведения о Московском государстве, служило, разумеется, их непосредственное наблюдение. Немногие из иностранцев знали русский язык и пользовались литературными памятниками для изучения истории и современного им состояния Московии.

Записки, воспоминания, дневники путешествий иностранцев, посетивших Россию в XV – XVIII веках, составляют целую библиотеку. На протяжении всего столетия в стране находились тысячи людей из всех стран мира: купцы, мореплаватели, торговцы, ученые, писатели. Заметки заезжего иностранца могли быть беглые и поверхностные, любопытные и не только. Будничная обстановка жизни, повседневные явления, мимо которых без внимания проходили современники, прежде всего останавливали на себе внимание чужого наблюдателя. С этой стороны записки иностранцев могут служить важным дополнением к отечественным историческим памятникам.

Многие иностранцы, оказавшиеся волею судеб в Сибири, оставили описания ее географии, природы, нравов, обычаев местного населения, торговли. В этих описаниях упоминается река Обь, угорские и самодийские народы, некоторые сведения об их культуре и религии. Много о Западной Сибири и его дальних территориях, утверждал М. И. Белов, иностранцы узнавали от русских, которые ежегодно доставляли на заграничные рынки драгоценную сибирскую пушнину.³⁰ Настойчивые попытки проникнуть в Западную Сибирь продолжались до запреще-

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. М. МГУ. 1988

²⁹ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1937. Перевод и комм. А. Морозова.

³⁰ Белов М. И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М. 1956.

ния русскими властями мореплавания на Обь. Академик Л. С. Берг писал, что в 1582 г. англичане стали домогаться у московского правительства привилегии на исключительное право торговли в устьях Северной Двины, Печоры, Оби и Енисея.³¹ С началом в XVI в. процесса присоединения Сибири к России иностранцы, находившиеся на российской службе, стали привлекаться для освоения новых земель. Среди них были выходцы из Прибалтики, Германии, Скандинавии и других европейских стран и регионов.

Первым, кто описал коренное население в Западной Сибири в своих путевых записях, был баварский ландскнехт Иоганн Шильтбергер (Johann Schiltberger), который в XV веке оказался в составе татарского войска хана Едигея. Он оставил нам описание жизни, обрядов сибирских народностей с точки зрения западноевропейского христианина.³² Рассказ И. Шильтбергера не имеет почти никакого значения; интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он рассказывает как очевидец, и отдельные сведения о посещенных им местностях. Он описывает местных жителей, которых ему довелось повстречать в представленной им территории. Он их преподносит мифологически, что очень характерно для описания варваров цивилизованному человеку. Он представляет их в полуживотном образе, что свойственно для европейского мировосприятия.³³ Действительно, повествование Иоганна Шильтбергера кажутся иногда фантастическими, преувеличенными и требуют к себе критического отношения. Несмотря на все эти недостатки, «Путешествие Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г.» не утрачивает исторической ценности как источник.

В числе первых европейских исследователей Сибири выделяется дипломат Сигизмунд Герберштейн. По богатству географических, этнографических и исторических данных и их достоверности «Записки о Московских делах»³⁴ является одним из наиболее заметных источников по русской истории среди иностранных сочинений о России в XVI—XVII вв. Труд содержит описание путей на Печору, в Югру и к Оби, которые еще были неизвестны западному миру. Источниками при характеристике Сибири были расспросные сведения, собранные в Москве, а в особенности «Русский дорожник» (конец XV или 1-я половина XVI в.), не дошедший до нас в русском оригинале и сохранившийся только в тех извлечениях, какие С. Герберштейн в переводе поместил в своей книге.³⁵

К описанию стран, лежащих на северо-восток от Москвы, З. Герберштейн отнесся с большим интересом и вниманием. Однако сообщенные им данные и выписки не вполне ясны и определены. Занося их в свою книгу с некоторым недоверием, С. Герберштейн все же не решился совсем опровергнуть даже те из них (басни о жителях Лукоморья), которые казались ему особенно невероятными: «Все то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне „Русского дорожника“. Хотя в нем, по-видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе в человеческом образе. Хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог указать ничего, наверное, от какого-нибудь такого человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем, они утверждали на основании всеобщей молвы, что это действительно так). Все же мне не хотелось опустить что-нибудь, дабы я мог доставить другим более удобный случай к разысканию сих вещей.

³¹ Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. – М.; Л., 1949. – С. 92—93. См. также: Он же. Первые русские в Англии //Наша страна. – 1941. – №5. – С. 20—23.

³² Путешествие Ивана Шильтберхера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г. //Перевел с немецкого и снабдил примечаниями Ф. Брун, Одесса, 1866

³³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск, 1932. С. 52—53; Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. – Т. 3. С. 391.

³⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М. МГУ. 1988

³⁵ Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб. 1884. С. 434

Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, которыми они именуются у русских».³⁶ Очевидно, эти неточности и неясности были и в «Русском дорожнике», которым он пользовался, так как русские еще только начинали знакомиться с долиной р. Оби и сопредельными с ней областями.

В XVI веке вестфалец Генрих Штаден (Heinrich Staden) служил командиром отряда опричников у царя Ивана Грозного. В рукописи Г. Штадена Сибири посвящено всего лишь несколько строк, но о странах северо-востока и о народах, там живущих, он располагал достаточно большими сведениями, чем те, которые занесены в его сочинение. В своих сообщениях он описывал реку Обь и населявшие северные районы Зауралья племена Югры и самоедов (ненцев). Сочинение Г. Штадена лишено литературной обработки, местами представляет собою ряд разрозненных отрывков, не всегда объединяемых какой-нибудь общей мыслью. Зато в этих отрывках Г. Штаден дает нам чисто географические сведения о северных и северо-восточных окраинах.³⁷

С середины XVI в. наблюдается ряд настойчивых попыток англичан и голландцев достигнуть Сибири, которая живо интересовала правительства и наиболее энергичные круги торговой буржуазии двух самых передовых европейских стран той эпохи. Голландские, шведские, английские купцы и промышленники в интересах своих компаний, а зачастую и правительств правдами и неправдами пытались проникнуть в Сибирь, к устьям Оби и Енисея, и далее – на восток, с задачей собрать как можно больше сведений о северных морских путях и найти дорогу через арктические моря в Китай и Индию. Для XVI – XVII вв. имели большое значение не только сведения английских и голландских, но также труды немецких и датских путешественников, непрерывно расширявших запас сведений о Сибири и его территорий и наполнявших европейское представление о ней более или менее достоверным фактическим материалом.

По поручению агента «Московской компании» А. Марша (Anton Marsh) русские мореходы в 1584 г. предприняли путешествие к Оби за пушшиной. Он известен нам своими заметками: «Извлеченная из рукописного свитка, написанного на русском языке, заметка об экспедиции на р. Обь, предпринятой Антоном Маршем, главным фактором Английской компании в Московии, и другие заметки о Северо-Восточном крае»: «На русской стороне Оби живут самоеды, называемые угорскими и сибирскими самоедами (Vgorskoï and Sibirskie Samaeds), а на другой стороне живет другое племя самоедов, называемых мангазейской самоедью (called Monganeï or Mongaseisky Samoeds). Мы должны проехать мимо пяти городков, расположенных на р. Оби. Первый называется Тазовский городок (Tesuoi Gorodok) и находится в устье реки Пады (Padou). Второе селение (small castle) – Носовой городок (Nosoro-Gorodock) стоит на самом берегу р. Оби. Третий называется Necheiour goskoï. Четвертый – Charedmada. Пятый – Надежная (Nadesneaa), т.е. крепость спокойствия и доверия. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю».³⁸

Фрэнсис Черри (Fransis Cherry—Перчас), будучи одним из важнейших агентов английской торговой компании в Москве, несколько раз исполнял важные дипломатические поручения московского и английского правительства во время своего пребывания в России. Он был первым из англичан, который проник сухим путем за Урал и отведал «осетра, пойманного в Оби».³⁹ Андрэ Тевэ (Andre Thevet), французский путешественник и географ. В «Космографии» («Cosmographie Universelle») Андре Тевэ есть несколько сведений о Сибири, где говорится о местностях, наиболее близких к Уралу. Но известия его об Оби и реках Запад-

³⁶ Герберштейн С. Записки о Московии. М. МГУ. 1988

³⁷ Штаден Г. Записки о Московии. В 2 томах. Публикации. Издательство: Древлехранилище, 2008

³⁸ Англичане в России в XVI – XVII столетии. – СПб., 1865

³⁹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I, Иркутск. Крайгиз. 1932.

ной Сибири и народах довольно фантастичны.⁴⁰ Сибирь была для А. Тевэ была совершенно неизвестна, поэтому он заимствовал информацию из трудов С. Герберштейна. Неудивительно поэтому, что сведения об этих краях, приведенные в «Космографии» Андрэ Тевэ, отличаются такой скудностью и сбивчивостью.

Большой интерес представляет дневник Геррита Де-Фера (Gerrit De Veer), где описываются встречи и описания ненцев. Первое издание его книги вышло в 1598 году на голландском языке под заглавием «Правдивое описание трех морских путешествий на голландских и зеландских кораблях, к северу от Норвегии, Московии и Татарии, в королевства Китай и Хину».⁴¹ В основу рассказа о первом путешествии Де-Фер положил ведшийся В. Баренцом судовой журнал. Это сочинение вызвало огромный интерес и, вскоре было переведено на другие языки. Кроме сокращений дневника Г. Де-Фера, из него неоднократно делались извлечения на латинском (1599), голландском (1646), (1675), французском (1702) и английском (1703, 1853) языках.⁴² Почти все эти издания имели ряд перепечаток. Более подробный перевод дневника дан в труде П.А. (Тиле Р.А. Tiele).⁴³ Геррит Де-Фер не был искусным стилистом. Да и трудно было бы требовать от него красноречивого изложения, особенно если принять во внимание, в каких ужасных условиях приходилось ему иногда вести свой дневник. В его дневниках находим сведения о религиозных взглядах ненцев. Сам Геррит Де-Фер характеризует свою работу очень кратко: «Если не красноречивая, то, по крайней мере, правдивая».⁴⁴

Дополнением к рассказу Геррит Де-Фера может служить описание двух первых плаваний, составленное Яном Гюйгеном ван Линсхотеном (Jan Huygen van Linschoten), который принимал в них непосредственное участие.⁴⁵ Именно в первом плавании он был торговым комиссаром на энкхейзенском корабле «Меркурий». По окончании путешествия он представил правительству отчет, где, по осторожному выражению Геррит Де-Фера, излагал события «с несколько излишнею обстоятельностью» и, несомненно, стараясь представить результаты экспедиции в очень благоприятном свете, что ему и удалось в силу его учености и таланта.⁴⁶ Я.Г. ван Линсхотен вел дневники, исправно записывал все, что видел, обладая даром художника, делал зарисовки местных пейзажей и «чертил» морские карты. Четырьмя годами позже он опубликует книгу о своих плаваниях. Капитан Я. Г. Ван Линсхотен оставил весьма подробные и интересные записи, где описал одежду ненцев: «Платья их из меха, непокрытого снаряжи, волосом вовнутрь, на руках перчатки, приделанные к рукаву, чтобы можно было всегда снимать и одевать так же, как и шапки на голове, приделанные к одежде».⁴⁷ Он один из первых дал обстоятельное описание ненцев.

Сведения о ненцах заимствовал у Я.Г. ван Линсхотена Иероним Мегизер (Hieronymus Megiserus) для своей книги «Новый северный мир». Книга эта была с замысловатым, по обычаю эпохи, заглавием, в котором находятся некоторые данные и о Сибири: «Новый северный мир, т.е. основательное и правдивое описание всех полных или на севере лежащих стран и островов».⁴⁸ «О стране самоедов» поместил оба сочинения И. Массы о Сибири.⁴⁹

⁴⁰ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XVII – XVIII в. Иркутск. 1941. С. 203, 204

⁴¹ Де-Фер Г. Плавание Баренца. 1594—1597. Л. 1936.

⁴² True description of thre voyage by the North-East tu ward Cathny and China by Gerrit de Veer. Edited by Chartes P. Becke Printed for the Hakluyt Society, London, 1853

⁴³ Tiele P. Memoire Bibliographiques sur les journaux Navigateurs Neerlandais. Amsterdam, 1867.

⁴⁴ Де-Фер Г. Плавание Баренца. 1594—1597. Л., 1936. С. 102

⁴⁵ Jan Huyghen van Linschoten. Voyage ofte Schipvaert van by Norden etc. Francker. 1601

⁴⁶ Линсхотен Ян Гюйгенс Ван. Первое путешествие на корабле Яна Гюйгенса Ван Линсхотена с севера через пролив Носсау к устью Оби на Вайгач в 1594 г. // Записки по гидрографии. Петроград. 1915. Т. 39. Вып. 3. С. 480—506

⁴⁷ Линсхотен Ян Гюйгенс Ван. Первое путешествие на корабле Яна Гюйгенса Ван Линсхотена с севера через пролив Носсау к устью Оби на Вайгач в 1594 г. // Записки по гидрографии. Петроград. 1915. Т. 39. Вып. 3. С. 480—506

⁴⁸ Septentrio Novantiquus, der Mietternaechtigen und Nordwaerts gelegenen Landen und Insulen. Leipzig, 1613

Целью И. Мегизера было, очевидно, дать свод всех известий о северных странах, известных в его время. Он это сделал довольно живо, добросовестно и с большой эрудицией: «Самоедия, Сибирь, Обдора, Печора, Кондора и Тунгусия; обитатели их обыкновенно называются самиуты или самоеды. Эти страны сделали более известными для нас путешествия голландцев, потому что последние с самоедами несколько раз вступали в беседу и довольно много узнали об обстоятельствах их жизни».⁵⁰

Далекий сибирский край в известной степени вдохновлял приезжих иностранцев. О возросшем интересе англичан к России свидетельствует также появление ряда географических и этнографических описаний Московской Руси, авторами которых были английские путешественники Ричард Джонсон (Richard Johnson) и Стивен Барроу (Steven Barrow). Благодаря сборнику Ричарда Гэклюйта⁵¹ эти рассказы английских моряков XVI в. впервые познакомили Западную Европу с малочисленными народами, о которых на Западе до того имелись самые скудные и часто полуфантастические сведения из сочинений С. Герберштейна и других иностранцев, писавших о Московском государстве. Описание этого путешествия любопытно еще и в том отношении, что оно дает очень ранние сведения о жизни, быте и религии ненцев. Сам С. Барроу признавался, что русские моряки дали ему целый ряд ценных указаний относительно пути к Оби. Англичане за эти ценные сведения «подарили» русским морякам стальное зеркало, 2 оловянных ложки и пару ножей в бархатных ножнах, получив «в подарок» от русских 17 диких гусей. Подарки были типичнейшей меновой торговлей в духе эпохи первоначального накопления.

В 1556 г. вместе со Стивеном Барроу Ричард Джонсонездил на о. Вайгач и Новую Землю. В начале 1557 г. он побывал у ненцев (самоедов). С. Барроу получил подробные сведения о самоедах (ненцах), занимающие немало места в записках английского мореплавателя, которому были не чужды и этнографические наблюдения: «На востоке, за Югорской страной, река Обь образует западную границу страны самоедов (от нелепых вымыслов об их людоедстве). Самоеды живут по морскому берегу, и страна их называется Молгамзеей (Мангазея)».⁵² Он овладел даже в какой-то мере речью ненцев и записал несколько десятков их слов с переводом на английский язык. В частности, описал святилище на о-ве Вайгач (около 300 культовых изображений из дерева, следы принесения в жертву оленей).⁵³ Одним из его информаторов был некий Федор (Theodor). Путешествия С. Барроу вызвали к себе большой интерес, впервые ознакомив англичан с ненцами (самоедами) и рассказами русских о сибирских берегах. Он был первым англичанином, который водным путем постарался доехать до Оби. Выехал из устья Печоры вместе с ненцами (самоедами) и впоследствии привез на родину те сведения об Оби, которые собирал от местных рыбаков и охотников на моржей. С. Барроу дал Р. Джонсону «сведения о некоторых странах самоедов, живущих по реке Оби и по морским берегам за этой рекой, переведенные слово в слово с русского языка».⁵⁴ Эти материалы делают отчет С. Барроу очень ценным источником информации об истории ненцев.

⁴⁹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XVII – XVIII вв. Иркутск. 1941. С. 203, 204

⁵⁰ Septentrio Novantiquus, der Mietternaechtigen und Nordwaerts gelegenen Landen und Insulen. Leipzig, 1613

⁵¹ Hakluyt, R. The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, made by Sea or over-land, to the remote and farthest distant quarters of the Earth, at any time within the compasse of these 1500 years... London: George Bishop, Ralph Newberie and Robert Barker, 1598. 3 vols.

⁵² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. Соцэргиз. 1937, С. 33

⁵³ Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. М. 1937

⁵⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. М. 1937.; Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. Крайгиз. 1932.; Симони П. К. Заметки Рич. Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах. «Сборник Ленинградского О-ва Исследователей Культуры Финно-угорских народностей». Л., 1929

Особый интерес произвел один из рассказов Ричарда Джонсона (Richard Johnson) о ненцах (самоедах) и их шаманах, которых английский путешественник наблюдал сам. Краткие заметки полны исторического интереса, он буквально воспроизвел в них все то, что ему удалось узнать в России о еще таинственной и для русских Сибири. Особенно интересен перевод на английский язык Р. Джонсоном текста XV века: «О человецех незнаемых в восточной стране», напечатанный в Лондоне в 1598 г.⁵⁵ То, что на английский язык было переведено произведение, рассказывающее о быте народов, населявших Сибирь, говорит о характере интереса, который испытывали британцы к Русскому государству в этот период, рассматривая ее, в первую очередь, как источник сырья.

По ясности и стройности изложения, по богатству содержания, по образованности автора книга Джильса Флетчера (Giles Fletcher) занимает почетное место среди сочинений иностранных писателей о Русском государстве в XVI веке. Нельзя назвать ни одного сочинения иностранного писателя о России во второй половине XVI века, которое могло бы сравниться с книгой Д. Флетчера по своему научному значению. Никто не затронул одновременно стольких сторон и явлений этой жизни, как это сделал он. Большинство этих писателей обращали внимание на отдельные эпизоды русской истории в этот период, но никто не дал такой полной и многосторонней характеристики всей жизни Московского государства и общества. Несмотря на одностороннюю окраску, приданную автором своему описанию, на тенденциозность многих его известий, на поспешность делаемых им обобщений, книга Д. Флетчера является незаменимым источником сведений о северных народах.⁵⁶ У него гораздо интереснее и самостоятельнее известия о ненцах (самоедах) и об их образе жизни. Если он во многих случаях допускал ошибки из-за недостаточно глубокого знакомства с описываемым предметом или слишком сильного стремления обобщать отдельные явления, то эти погрешности искупаются широтой плана всей книги, стройностью его выполнения и сохранением для исторической науки целого ряда таких подробностей, которые иначе остались бы совершенно неизвестными. В этом несомненная и незаменимая ценность его труда, ставящая его в один ряд с сочинениями З. Герберштейна для первой половины XVI столетия, А. Олеария – для XVII в.

В числе первых европейских исследователей Сибири выделяется голландец Исаак Масса (Isaac Massa). В начале XVII века им было написано несколько статей, содержащих множество ценных сведений о первых шагах русской колонизации Сибири. Благодаря знакомству с царедворцами и дьяками приказов, с которыми он постоянно старался поддерживать дружеские отношения, И. Масса располагал уже довольно обширными и точными сведениями о Сибири. В частности, в них описывалось завоевание Сибири дружиной Ермака, подробно рассматривались пути сообщения между Москвой и Сибирью. Главными в сочинении были, конечно, реки, при этом И. Масса дает также описание главных городов, говорит о северных народах и их обычаях, об управлении воевод, отмечая великие успехи московских людей в занятии Сибири. В своих работах Исаак Масса одним из первых среди европейских ученых уделил большое внимание изучению географии приполярных и полярных районов Сибири. Обобщая рассказы путешественников, он составил карту, на которой был изображен полуостров Ямал и остров Вайгач. В средней части полуострова изображены реки Мутная и Зеленая, а также озера, через которые русские мореходы переправлялись в Обскую губу. Исаак Масса внес свой вклад в изучение возможностей использования северного морского пути для освоения восточных рубежей русского государства.⁵⁷

⁵⁵ Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке. М. 1937.; Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. Крайгиз. 1932.

⁵⁶ Дж. Флетчер. О государстве русском. М. Захаров. 2002

⁵⁷ Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII века. М, 1937 (Перевод и комм. А. Морозова)

В 1611 г. англичане с корабля «Дружба» высадились в устье р. Печора, где они вступили в контакт с самодийцами. В том же году в Англии были напечатаны фрагменты дневника и писем участников этой экспедиции Джосиаса Логана (Josian Logan) и Вильяма Персглоу (William Pursglove).⁵⁸ Как в письмах, так и в дневнике много данных о Сибири, в том числе о народах, населяющую реку Обь. В письме к английскому историографу Ричарду Гэклюйту от 16 августа Д. Логан описывает морской путь к Оби через Югорский Шар.⁵⁹ Письма Д. Логана к Р. Гэклюйту могут подтвердить, что Джосиас Логан, пожалуй, интересовался географическими вопросами не только с узкопрактической точки зрения и сделался, вероятно, интересным и очень ценным корреспондентом. Английский историограф Ричард Гэклюйт (Richard Hakluyt) включал в свой сборник путешествий все документальные свидетельства в виде писем, небольших брошюр, корабельные журналы, которые смог найти и предоставленные самими исследователями. Однако сам Р. Гэклюйт (Richard Hakluyt), умерший в 1616 г., не смог воспользоваться всеми материалами, доставленными ему Д. Логаном, и они достались его продолжателю, английскому географу XVII века Френсису Черри (Перчасу), который и напечатал их в своем сборнике «*Pilgrimes*». Известия, письма и дневники Д. Логана, напечатанные у Френсиса Черри (Перчас), давно обратили на себя внимание. «Рассказ русского, много ездившего по пути от Печоры до Оби» в голландском переводе напечатан у Н. Витсена.⁶⁰ Небольшое извлечение из письма Дж. Логана к Р. Гэклюйту привел в русском переводе А. Филиппов.⁶¹ Вслед за донесениями Дж. Логана Френсис Черри (Перчас) напечатал также и донесения В. Персглоу. Уже это одно говорит о том, что, несмотря на частичные совпадения известий обоих авторов, Ф. Черри придавал значение и тем, и другим. Д. Логан, и В. Персглоу собирали свои сведения на одном и том же месте и, вероятно, даже от одних и тех же лиц, чем и может объясняться их значительная, порой почти текстуальная близость.

Собрание Р. Гэклюйта представляет собой публикацию подлинных документов разнообразного характера, отражающих участие англичан, испанцев, португальцев, французов в заморских предприятиях и охватывающих все регионы известного тогда мира. В публикации Ф. Черри (Перчас) собраны различные описания экспедиций, дневников и донесений агентов торговых компаний. Эти сборники, несомненно, поощряли заморские предприятия англичан и служили надежным руководством тем, кто отважится на дальние плавания. Они являются ценным источником, содержащим богатый материал и позволяющим изучить особенности восприятия путешественников, мореплавателей, купцов реалий чужой культуры.

В сборнике Ф. Черри среди других аналогичных известий о Сибири напечатан отрывок неизвестного автора, принадлежащий, вероятно, одному из английских купцов — агенту «Московской компании». Отрывок этот обращал на себя очень малое внимание, а между тем, он очень интересен уже своим описанием путей из России в сибирские города; особый интерес представляют сведения о торговле в Сургуте персидских и китайских купцов и торговцев: «Город Березов на Оби, не доезжая Тобольска, ведет торговлю мехами и в особенности лосиными шкурами (Losh-hides), которые покупаются по десять алтын штука. Там имеются также все виды богатейших соболей, привозимых из Мангазеи (Molgomsey), и чернобурых лисиц. Если бы мы могли свободно путешествовать по этим странам, мы могли бы покупать там эти

⁵⁸ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XVII – XVIII вв. Иркутск. 1941.

⁵⁹ Hakluyt, R. *The Principal Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, made by Sea or over-land, to the remote and farthest distant quarters of the Earth, at any time within the compasse of these 1500 yeeres...* – London: George Bishop, Ralph Newberie and Robert Barker, 1598— 3 vols.

⁶⁰ Witsen N. C. *Noord en Oost Tartarye*. Amsterdam, 1692; 1705 (2 ed.); 1785 (3 ed.).

⁶¹ Филиппов А. Речной путь в Сибирь через полуостров Ямал. Записки по гидрографии. СПб. 1904, вып. XXVI, с. 162

товары дешевле, чем на Печоре. А на Оби мы могли бы продавать наши товары за лучшую цену».⁶²

Заметки Ричарда Джемса (Richard James) о «чуди, лопарях, самоедах и черемисах»⁶³ хранятся Бодлеанской библиотеке в Оксфорде.⁶⁴ Р. Джеймс все что видел, фиксировал в пяти тетрадах, которые, к сожалению, до нас не дожили. Большую часть тетрадей Р. Джемса занимал составленный им словарь-дневник (первый в истории русско-английский словарь), заметки о стране, нравах и обычаях. Он попытался не только описать, но и понять русскую жизнь. Более того, он хотел помочь другим понять эту холодную огромную, населенную разными «племенами» и «языками» страну. Он встречал на Руси людей, чье поведение и условия жизни были непохожи на европейские. Но при ближайшем рассмотрении этих людей и эту жизнь оказалось возможным понять.

Из всех иностранных изданий XVII в., посвященных России, сочинение Адама Олеария (Adam Olearius) по содержанию самое распространенное и богатое. В многочисленных изданиях, переведенных на разные языки, оно вплоть до XVIII в. считалось одним из полных трудов о России.⁶⁵ В сочинениях А. Олеария приведены сведения по географии и истории России, о населявших ее народах, их обычаях и нравах, населенных пунктах и т. д. Сочинение снабжено большим количеством карт и рисунков. Отличали этот труд не только осведомленность, наблюдательность, но и выдающаяся эрудиция его автора.⁶⁶ Во время пребывания в Москве в 1643 г. А. Олеарий в Посольском приказе встретился с самоедами; его беседа с ними дала материал для специальной главы его книги «О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами».⁶⁷ Глава эта может дать представление обо всей книге в целом, так как в ней весьма характерно отражаются все достоинства и недостатки А. Олеария как ученого и писателя. Он не ограничился записью своей беседы с ненцами (самоедами), а попытался на ее основе сделать проверку различных литературных данных о северных народах вообще. Здесь проявились как весьма обширная и разносторонняя эрудиция Адама Олеария, так и его критическое чутье. Речь его как нельзя лучше отражает и век, и автора: то она кудрява и напыщенна и блещет ученостью, то отличается суровой прямоотой, искренностью, сжатостью и краткостью.

В данном случае А. Олеарий не только выполнил сводку литературных данных о северных народах, которых он, подобно большинству своих предшественников, безоговорочно причисляет к скифам, но и высказал ряд собственных соображений. Упомянув о северных жителях, которые, якобы, «умирают на зиму и оживают весной» в басне, известной ему из рассказов иностранных путешественников, Адам Олеарий пытается объяснить образ жизни ненцев (самоедов) в суровые зимние месяцы. В пургу чумы заносятся снегом, и поэтому издали кажутся сугробами, из которых оленеводы прорывают себе ход наверх. Это и послужило основой для указанной басни. Кроме того, А. Олеарий дал весьма правдоподобное истолкование некогда весьма популярной легенде: рассказы о людях с собачьими головами, покрытых шерстью, с лицом на груди и т. п. По его мнению, эти легенды появились из-за зимней одежды, которые носили северные народы: шерстью наружу, с одним разрезом около шеи и т. д.

Более открытый реальности дотошный Адам Олеарий не забывает уточнить у своего московского информатора-самоеда о некоторой важной части туалета: «Носовые платки они гото-

⁶² Hakluyts Posthumus, or Perchas, his Pilgrimes 1625. Glasgow, 1906. Vol. 3. P. 551—552

⁶³ Заметки Ричарда Джемса о чуди, лопарях, самоедах и черемисах // Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей. I. Л. 1929

⁶⁴ Dictionariolum Russo-Anglicum. Bodleian Library. Ms James. Стр. 1—73.

⁶⁵ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870

⁶⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М. Русич. 2003

⁶⁷ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870

вят из зеленого дерева, скобля его в тонкие стружки и волокна, так что оно с виду становится похожим на тонко выскобленный рог или пергамент. Они берут горсть этих стружек, которые очень мягки, и ими вытирают себе нос».⁶⁸ Это подчеркивает превосходство Адама Олеария над другими исследователями даже более позднего времени. Он пишет только о том, что сам видел или знает из достоверных рассказов, котоыемогли быть им так или иначе проверены. Если материал ему кажется сомнительным, он делает оговорку, что «Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают, пожалуй, заимствовав один у другого...» и т. д. Метод компиляции, к которому так часто прибегали иностранные писатели о России, ему чужд. Глава о ненцах (самоедах) единственная в книге А. Олеария, где он говорит о восточных окраинах русского государства, как он сам предупреждает, «об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к северу», и дала так много новых этнографических данных, что ею пользовались и позднейшие авторы, писавшие специально о Сибири.

Пьер-Мартин де Ламартиньер (P.-M.deLamartniere) совершил одно из удачнейших путешествий по северу Европы во второй половине XVII столетия. В качестве хирурга он принял участие в экспедиции, организованной Северной Торговой Компанией и стал первым французом, который составил описание морского путешествия вдоль суровых северных берегов Европы.⁶⁹ П.-М. де Ламартиньер просто и бесхитростно описал жизнь глухих углов Европы того времени, описывал жизнь простого, а под час и дикого человека. Его книга возбудила общий интерес, что доказывается ее многочисленными изданиями и переводами. В 1911 году в Москве вышел в свет перевод первого издания книги путешественника «Путешествия в северные страны».⁷⁰ В предисловии и комментариях В. Н. Семенкович пересмотрел заново вопрос о достоверности его как исторического и географического источника и реабилитировал П.-М. Ламартиньера как путешественника. Большая часть его пути пролегла по северу европейской России и в Сибири. Описание перевала через Урал и Ляпина-городка в Березовском уезде, то заключающийся в нем фактический материал очень незначителен. П.-М. де Ламартиньер записывал, в основном, необычные и чудесные истории, способные удивить и развлечь читателя. Но те суеверия и «небылицы», которые вызывали недоверие ученыхXVIII – XIX вв., стали настоящим сокровищем для этнологов XX в., ведь их интересовало традиционное сознание и порождения его веры. Путешественник в книге описывает о быте, одежде, занятиях, образе жизни и верованиях саамов-лопарей, коми-пермяков, самоедов, новоземельцев, и других северных народов.

Особый интерес представляет работа Самюэля Коллинза (SamuelCollins): «Северная Сибирь называется землей самоедов (Samogeda ofsamoeida), что значит земля каннибалов, или людоедов, потому что тамошние жители съедают своих пленных, которых берут на войне».⁷¹ Правда, известия его о Сибири дают мало нового по сравнению с его предшественниками. При всем этом некоторые из приводимых им данных очень интересны, так как основаны на устных расспросах побывавших в Сибири людей, которых он видел в Москве. Характерной особенностью сообщаемых им данных является обилие естественноисторических наблюдений, отсутствующие у других писателей. Любопытны его известия о ненцах (самоедах).Его записи важны тем, что в них впервые предоставлены сведения о взаимосвязи шаманских действий с промыслами, в частности, об охоте ненцев (самоедов) на оленя: «Когда они охотятся на нового оленя,

⁶⁸ Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием. М., 1870

⁶⁹ La Martinière P. de Voyage des pais Septentrionaux. Dans lequel se void (!) les moeurs, maniere de vivre & superstitions des Norweguiens, Lapons, Kiloppes, Borandiens, Syberiens, Samojedes Par le sieur de la Martiniere, Paris, 1671.

⁷⁰ Ламартиньер де П. М. Путешествие в Северные страны (1653), в котором описаны нравы, образ жизни и суеверия норвежцев, лапландцев, килоков, борондайцев, сибиряков, самоедов, новоземельцев /Пер. и примеч. В. Н. Семенковича // Записки Московского Археологического института, издаваемые под редакцией А. И. Успенского. Т. XV. М., 1912.

⁷¹ The Present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by a Eminent Person, residing at the Great Tzars Court in Mosco for the Space of nine years. – London, 1671

то советуются прежде со жрецом, и он, после многих обрядов и заклинаний, говорит им, куда нужно идти. Что большую часть и сбывается». ⁷² С. Коллинз привел рассказ одного английского купца, который угощал ненцев (самоедов) спиртным напитком: «и когда один из гостей напился, стал пьян, и сделался похож на медведя или сумасшедшего, тогда позвали старуху, которая ему пошептала что-то на ухо, коснулась его лба, а гость тотчас же протрезвился, как ни в чем не бывало». ⁷³

В творчестве Джона Мильтона (JohnMilton), знаменитого английского поэта, идеолога английской пуританской буржуазии революционной эпохи обособленное место занимает небольшой историко-географический трактат, в котором дается описание Московского государства и особенно его северо-восточных окраин. Трактат этот увидел свет только через восемь лет после смерти Д. Мильтона. ⁷⁴ Эта книга имела для англичан «особое значение»: она представляла им полный сборник всех замечательных сведений, имевшихся в то время о России в английской литературе, т.к. он воспользовался решительно всем, что только было написано в ту пору о России его соотечественниками. Д. Милтон не просто переписывал реляции английских путешественников, но обрабатывал их в духе, соответствующем цели своего сочинения. Таким образом, книга Мильтона была как бы ученым результатом почти столетних, постоянных сношений России с Англией, как дипломатических, так и торговых. В конце своего сочинения Д. Милтон приложил список своих источников, в котором насчитывается 19 работ.

В половине XVII в. Сибирь и страны Дальнего Востока представляли еще края, очень мало известные европейцам, и Д. Милтон в своей книге воспроизвел почти весь круг тех данных, какими мог располагать образованный англичанин его времени. Картина, им нарисованная, получилась очень типичной. Здесь налицо огромный интерес к странам Сибири и сказочного Востока, заманчивым перспективам колониальной торговли со стороны английской богатеющей буржуазии, и в то же время этот интерес парализуется отсутствием достоверных известий об этих отдаленных краях. Но нас интересует в этом трактате Гл. 2 «О стране Самоедов, о Сибири и о других странах, лежащих к северо-востоку и подвластных Москвитянам»: «страну самоедов... открыл... один русский по имени Аника (Oneka), который первый завел с самоедами торговлю и, добывая от них богатые меха, нажил большое богатство и узнал их страну». ⁷⁵

Интересно отметить, что Д. Милтон так заинтересовался Москвией и в особенности ее восточными окраинами, что увлечение это оставило след в поэме «Потерянный рай»: здесь упоминаются реки Печора, Обь и страна «самоедов», а полет сатаны уподоблен полету коршуна, «выросшего на снеговом хребте Имауса, естественной восточной границе кочующих татар». В девятой песне Д. Милтон описывает сатану, выгнанного из рая, который в досаде и неутолимой жажде мщения три ночи кружился около линии равноденствия. Четыре раза перелетал в разных местах от одного полюса к другому, «пересекая все пояса тепла и холода». Сатана «за это время успел уже увидеть все страны от Эдема до Понта Эвксинского и Мэотидитских болот; оттуда промчался он до реки Оби и еще далее к северному полюсу». ⁷⁶

Книга Николааса Витсена (Nicolaes Witsen) – уникальный источник по истории Сибири – привлекала внимание ученых в России с XVIII века и привлекает сегодня. Определяя жанр

⁷² Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск. Сибирское отделение Российской академии наук. 2006. С. 230

⁷³ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XVII – XVIII вв. Иркутск. 1941, С. 133

⁷⁴ A Brief History of Moscovia and of other less known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gather'd from the Writings of several Eye-witness, by John Milton. London, 1682

⁷⁵ Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск. Сибирское отделение Российской академии наук. 2006.

⁷⁶ Штейнберг Арк., «Потерянный Рай» //Джон Милтон. «Потерянный рай. Возвращённый рай. Другие поэтические произведения». Илл. Г. Доре. М.: «Наука», «Литературные памятники», 2006.

книги Н. Витсена, ее называют «гигантской хрестоматией».⁷⁷ Он собрал из огромного числа источников информацию о территории, расположенной восточнее Урала: от Урала до Дальнего Востока, от Северного Ледовитого океана до Амура. Его интересовало все: история этих территорий, история заселения и освоения Сибири русскими подданными; политические аспекты истории, этнографические данные о многочисленных племенах, населявших и кочевавших по Сибири; растительный и животный мир Сибири. Н. Витсен использовал античные, европейские, восточные источники, а также многочисленные русские источники собственных знаний, которые часто не называет, поскольку доставшаяся ему информация носила часто секретный характер.

Дневник Николааса Витсена является прологом главного научного труда его жизни – книги «Северная и Восточная Тартария», первого обширного сочинения о Сибири. Дневник является надежным историческим источником. Он изобилует множеством географических названий и интересным этнографическим материалом. Факты, им сообщаемые, достоверны и хронологически точны. В автобиографической записке своей Н. Витсен рассказывает, что, будучи в Москве, пользовался расположением и дружбой патриарха Никона. Он видел в Москве разноплеменные народы северных и восточных областей Московского государства — самоедов, татар и персиян и собирал разные данные для составления карты Сибири.⁷⁸ Расспрашивая ненцев (самоедов), хантов (остяков), татар и пр. о состоянии их родины, о нравах и обычаях, а также о других народах, обитавших на севере и востоке, он тщательно записывал их рассказы о географии и этнографии разных стран. В целом его труд дает яркую, живую, хотя и не всегда беспристрастную картину тогдашней России, увиденной глазами иностранца; для записок характерны острая наблюдательность, свежесть ума, юмор, юношеская непосредственность и откровенность.

Значительный интерес представляет описание совершенного в 1675 году путешествия через Сибирь Николая Спафария-Милеску (Nicolai Milescu Spătaru), назначенного послом в Китай. В нем содержится множество ценных географических и этнографических сведений о поселениях, расположенных на «Сибирском пути» от Тобольска до Нерченска.⁷⁹ Весь долгий путь Николай Спафарий добросовестно делал точные описания наблюдаемых географических мест, где воочию наблюдал и описывал Обь, ее приток Иртыш. В этом подробном путевом дневнике были описаны городища и укрепления, содержались сведения о расселении сибирских народов, их занятиях. Немногочисленность и распыленность в густых таежных массивах небольших групп коренного населения связывалась им с последствиями опустошительных военных конфликтов в далеком прошлом. Н. Спафарий писал в своем дневнике о том, что ханты (остяки) «не только ради прокормления своего рыбу ловят, но и платья из рыбной кожи делают и сапоги, и шапки. А шьют их рыбьими жилами».⁸⁰ Богатство фактического материала в записках путешествия Н. Спафария сочетаются с традиционными богословскими взглядами на происхождение народов. Среди них записи, сделанные по личным наблюдениям у хантов (остяков) Иртыша и Оби: о духах, почитании идолов, «поминках» после убиения медведя.

Сведения о хантах (остяки), манси (вогулы) и ненцах (самоеды) мы встречаем в работе капитана шведской службы Альбрехта Доббина (Albrecht Dobbin): «около ... пограничного камня народы называются вогулы; они не знают ничего ни о боге, ни об имени его, не знают также

⁷⁷ Полевой Б. П. Николаас Витсен и Россия (из истории русско-голландских отношений XVII – XVIII веков, преимущественно при Петре Великом) // Россия—Голландия. Книжные связи XV—XX вв. СПб., 2000.

⁷⁸ Witsen N. Kort verhael van myn levensloop tot den jare 1711 // Scheltema P. Nicolaas Witsen, eene autobiographic. Amsterdam, 1872. Biz. 42.; Бруин де К. Путешествие через Московию. // Импер. Общ-во истории и древностей российских при Моск. Университете. М. 1872. Кн. 1. С. 36

⁷⁹ Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая в 1675 году // Записки Русского географич. об-ва по отдел. этнографии, СПб, 1882 т. 10, вып. 1

⁸⁰ Спафарий Н. Указ. Соч.

никакого земледелия, питаются же только при помощи своих луков (Flitzen), которыми они убивают соболей и других животных... на реке Оби, живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбы кожи; питается рыболовством; не знает ни письма, ни книг, молится черту; при этом они разделяются на три различных племени, из которых одно, почти, не в состоянии понять другое. Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся черту, как и остяки».⁸¹ Он передал свою рукопись для публикации в декабре 1673 г. в Москве профессору Дуйсбургского университета, доктору правоведения И. А. Бранду.⁸² По содержанию описание А. Доббина разделяется на две части: в первой однообразным и не очень литературным слогом дано описание сибирских городов и рек, сводящееся к их простому перечню; вторая часть намного короче, но более интереснее, она носит этнографический характер. Сведения его кратки и сбивчивы; географические названия сильно искажены. Но это не мешает проявлять интерес к данному труду как к источнику достоверных сведений.

В записках руководителя российского посольства в Китай 1692—1695 гг. Избранта Эберхарда Идеса (EvertIsbrandIdes) и его спутника Адама Бранда (Adam Brand) содержатся разнообразные сведения о народах Урала и Сибири. Они были излишни в дипломатических отчетах, но характерны для академических исследований XVIII в.⁸³ Между И. Идесом и А. Брандом, видимо, не было особенно близких отношений. А. Бранд упоминает об И. Идесе хотя и часто, но очень холодно и официально; И. Идес же совсем не упоминает А. Бранда. Путешествуя через Сибирь, они вели записи по этнографии и географии Сибири. И. Идес не в силу служебных поручений, а из «любопытности» расспрашивал коми-зырян и строил догадки об их происхождении; преодолевая брезгливость, неоднократно посещал жилища обских угров. Полученный им материал преломлялся сквозь призму сознания довольно грубого «голландского» купца, жаждавшего наживы и не способного сочувственно относиться к слабым или отсталым народностям. С целью получения более полных данных о местных жителях он прибегал даже к варварским методам скупщиков пушнины.

В научно-критической литературе мнения относительно ценности сочинений Избранта Идеса и Адама Бранда расходятся. Работу И. Идеса ставили выше книги А. Бранда, потому что книга И. Идеса в роскошном издании, с великолепной картой и гравюрами амстердамских художников вышла в Амстердаме под покровительством Н. Витсена, считавшегося первым знатоком в вопросах Северо-Восточной Азии. «Труд Избранта Идеса, – касаясь этнографической части записок, пишет А. И. Андреев, — является в сущности первым этнографическим трудом русского происхождения о большинстве народов Сибири, хотя и написанным на немецком языке, причем для некоторых народов он дает вообще первое этнографическое описание их».⁸⁴ Но вместе с тем надо отметить, что такой разборчивый читатель, как Лейбниц высоко ценил работу Бранда. Такие крупные русские ученые, как К. М. Бэр,⁸⁵ И. И. Тыжнов,⁸⁶ М. П. Алексеев,⁸⁷ если не предпочитают А. Бранда, то считают его необходимым дополнением к И. Идесу.

Достаточно ознакомиться хотя бы с первой главой записок А. Бранда и И. Идеса, чтобы убедиться, что рассказ Бранда в некоторых отношениях подробнее, обстоятельнее и точнее,

⁸¹ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XVII – XVIII вв. Иркутск. 1941, С. 28—31

⁸² Алексеев М. П. Указ. Соч.

⁸³ Идес И., Бранд А. Записки о посольстве в Китай. М. Глав. Ред. Вост. Лит. 1967

⁸⁴ Андреев А. И., Очерки по источниковедению Сибири XVII века, 1929, стр. 106

⁸⁵ К. М. Ваг. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse, St. Petersburg, 1872, S. 18.;

⁸⁶ Тыжнов И. И. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898.

⁸⁷ Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XVII – XVIII вв. Иркутск. 1941.

чем рассказ Идеса. Записки А. Бранда ценны и тем, что они были опубликованы на шесть лет раньше, чем записки И. Идеса, и совершенно независимо от него. Ценность записок И. Идеса и А. Бранда заключается и в том, что авторы их при описании пути от Москвы до Пекина рассказали, пусть не всегда достоверно, иногда с долей вымысла, о тех народах, по землям которых они проезжали. Это коми (зыряне), манси (вогулы), ханты (остяки) и др. В сочинениях Избранта Идеса и Адама Бранда немало опечаток и искажений, главным образом, в именах собственных и географических названиях, а зачастую и просто явных нелепостей, которые переводчик счел возможным не воспроизводить в настоящем издании.

Одну из наиболее ярких картин России начала XVIII в., эпохи царствования молодого Петра, дает книга голландца Корнелий де Бруина— художника, этнографа, писателя. В 1711 г. К. де Бруин издал книгу о своих путешествиях «через Московию в Персию и Индию».⁸⁸ Написанная в форме дневника, содержащего правдивую информацию по вопросам политики, культуры, быта, снабженная иллюстрациями, книга имела огромный успех и принесла заслуженную известность голландскому путешественнику. Она неоднократно переиздавалась и была переведена на многие языки. Он ведет рассказ в порядке своего путешествия. Очень ярко рассказывает во II главе «Описание самоедов, или самоютов. Их нравы, жилища и образ жизни» жизнь ненцев (самоедов), о верхнем божестве Нуме, шамане.⁸⁹ Оценивая в целом сочинение голландца, надо признать, что доброжелательность и объективность де Бруина во многом способствуют усвоению и пониманию информации, находящейся в книге. Надо отметить и литературный талант автора. Он проявился при изображении современников, политических событий, природы, памятников, т.е. всего того, что видел, наблюдал и слышал К. де Бруин. Достоинства книги и объективность автора заставляют оценить сочинение как одно из лучших произведений о России первой половины XVIII в.

Вклад в науку Западной Сибири внес капитан драгун шведской армии Иоганн Бернгард Мюллер (MüllerJohannBernhard), описавший традиции хантов. На основе личных впечатлений, архивных материалов и расспросов участников событий Й. Б. Мюллер составил рукопись, вышедшее впервые в 1720 г. в Берлине на немецком языке отдельной брошюрой.⁹⁰ Успех сочинения И. Б. Мюллера засвидетельствован немалым числом его переизданий в первой половине XVIII в., переводом на английский и французский языки.⁹¹ Европа впервые подробно узнала об Югорском крае и народности хантов (остяков). Работа построена на его личных наблюдениях, сделанных в ходе путешествия в свите митрополита Сибирского и Тобольского Филофея в места проживания остяков-язычников для их обращения в православие. Язык хантов (остяков) И. Б. Мюллер сопоставляет с эстонским.

Работа Григория Новицкого интересна своим фактическим материалом. Сочинение его основывается преимущественно на его личных впечатлениях, полученных в ходе миссионерских поездок 1712—1715 гг., в котором содержатся сведения о хозяйстве, материальной и духовной культуре хантов и манси.⁹² Достоверность описания он связывал, прежде всего,

⁸⁸ Бруин де К. Путешествие через Московию. //Импер. Общ-во истории и древностей российских при Моск. Университете. М. 1872. Кн. 1. С. 36

⁸⁹ Бруин де К. Путешествие через Московию. //Импер. Общ-во истории и древностей российских при Моск. Университете. М. 1872. Кн. 1. С. 36

⁹⁰ MullerI. Kongl. Schwedischendrag. Leben und Gewohnheiten der Ostjaken, eines Volcks, das unter dem Polo Arctico wohnt. Berlin, 1720

⁹¹ Weber F.Ch. Das veränderte Rußland, in welchem die jetzige Verfassung des Geist- und Weltlichen Regiments, der Kriegs-Staat zu Lande und zu Wasser, der wahre Zustand der rußischen Finanzen, die geöffneten Berg-Wercke, die eingeführte Academien, Künste, Manufacturen, ergangene Verordnungen, Geschäfte mit denen asiatischen Nachbahren und Vasallen, nebst der allerneuesten Nachricht von diesen Völkern, die Begebenheiten des Tzarewizen, und was sich sonst merkwürdiges in Rußland zugetragen, nebst verschiedenen andern bisher unbekanntes Nachrichten in einem biss 1720. gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Cardt und Kupferstichen versehen. Franckfurth, 1721. S. 169—214; то же. Franckfurth; Leipzig, 1729. S. 169—214; Franckfurth; Leipzig, 1738. S. 169—214; 1744. S. 169—214.

⁹² Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком, Новосибирск. 1941

с тем, что «самовидец бых», особо оговаривая случаи, когда «самым видити не случыся». Григорий Новицкий демонстрирует ясное понимание важности этих материалов и стремится опереться на них при решении важнейших исторических вопросов. Суждения Новицкого чрезвычайно интересны. Однако само сопоставление различных языков проведено им на основе весьма поверхностных и случайных признаков. В результате оказалось, что нижнеобские угры «глаголют наречием пермским» и даже употребляют в речи латинские слова. Большое внимание в «Кратком описании о народе остяцком» уделено религиозным культам хантов и манси, которые Новицкий мог непосредственно наблюдать во время миссионерских поездок. В третьей главе «О злочестии идолопоклонства» Г. Новицкий верования хантов и манси, сравнивал их многобожие с политеистическими представлениями древних цивилизаций, «с Вавилоном и эллинами», указывая, что народы Сибири почитают «богов в подобии птиц, гадов, а наипаче медведя». Писатель задумывался над причинами так глубоко укоренившегося в сознании аборигенов «зловерия». Традиционные богословские догматы о происках дьявола и божественном наказании за грехи им не отвергались, однако полностью они его, видимо, уже не устраивали, и он пытался найти объяснения в особенностях земного жизнеустройства обских угров. Особый интерес вызывали у него шаманы, которых он именует «злехитрецы», или «служители лжи», приписывая им желание «чуждым обогатиться».⁹³ В соответствии с теорией обмана Г. Новицкий объявил их «самодельцами мнимых богов», которые к «дароприношению и почитанию» приводят «слепотствующий народ» и от этого сами «довольно сыты бывают». Для решения вопроса о происхождении хантов и манси он обратился к языку этих народов. Впоследствии анализ лингвистических данных будет широко использоваться в научных исследованиях.

В конце XVII – начале XVIII в. наступил новый период развития исследований в России, связанный с государственной политикой Петра I. Широко задуманные преобразования страны потребовали расширения сведений о природе, населении и хозяйстве, составления географических карт с точным обозначением государственных границ, рек, морей, путей сообщения. В первой четверти XVIII в. русское правительство все больше внимания уделяло Сибири. Петр I пригласил из Данцига Даниила Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt) и поручил ему поиски лечебных трав и изучение природы внутренних областей Сибири. Он был первым из иностранных ученых, кто исследовал природу Урала и Сибири. Деятельность Д. Г. Мессершмидта как этнографа не была предметом специального исследования. Между тем, этот материал был новым и интересным не только для XVIII в., но и в настоящее время он заслуживает самого пристального внимания, являясь первоисточником наших сведений о народах Сибири.

Во время этой экспедиции Д. Г. Мессершмидт вел дневники. Особый интерес представляет путевой журнал Д. Г. Мессершмидта, состоящий из пяти томов и охватывающий период с января 1721 г. по декабрь 1726 г.⁹⁴ Рукописный дневник ученого состоит из пяти тетрадей, содержащих 1599 листов мелко написанного текста с обеих сторон. Ученый записывал в дневнике не только маршрут своего путешествия, но и результаты наблюдений над встречавшимися на его пути представителями разных народов. В дневнике содержатся обширные данные о хантах (остяках), эвенках (тунгусах) и других народах. Язык, одежда, пища и напитки, культ умерших и верования, если только они привлекали его внимание, изучались им, и результаты фиксировались. Большую научную ценность имеет подробный список слов различных народов, впервые составленный им путем опроса. В изучении языка Д. Г. Мессершмидт был неутомим. В дневнике он записывал слова и выражения, которые слышал от местного населения и заучивал их. На основании сходства или различия языковых данных ученый пытался устанавливать

⁹³ Новицкий Г. И. Указ. Соч. С. 58

⁹⁴ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721—1725 гг. // Исторический архив, №2. 2003; Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I – V. Berlin. 1962—1977

этногенез отдельных народов. Так, Д. Г. Мессершмидт первым обратил внимание на родство языка одного из южносибирских народов — камасинцев с языком ненцев (самоедов). Не зная русского языка, он получал интересующие его сведения от местного населения через переводчика. Помимо этого, ряд ценных сведений был им получен от пленных шведов, которые сами интересовались местным населением и собирали о нем материалы. Ряд сведений Д. Г. Мессершмидт извлек из местных легенд и преданий.⁹⁵

В нем сочетались разносторонние научные знания и страстная заинтересованность исследователя. Кроме того, он отличался исключительной добросовестностью в работе, можно даже сказать, педантичной пунктуальностью. По собственной инициативе Мессершмидт включил в план своих работ, кроме изучения животного и растительного мира, исследования в области географии, истории, археологии и этнографии. Особый интерес он проявлял к живущим в Сибири народам: их образу жизни, занятиям, обрядам и обычаям. Д. Г. Мессершмидт планомерно проводил сбор этнографического материала, составляя коллекции различных предметов быта народов Сибири и делая зарисовки. На собственные средства он собрал богатую коллекцию одежды, оружия, культовых предметов хантов (остяков) и др. северных народов. По дороге он имел возможность познакомиться с хантами (остяками), живущих по берегам Оби и ее притоков. Он пользовался этими встречами для сбора интересующих его этнографических сведений. Хотя и очень скудны сведения Д. Г. Мессершмидта об Урале, все же это были первые научные наблюдения, которые положили начало планомерному исследованию Сибири и Урала.

В 1721 г. Д. Г. Мессершмидт получил разрешение взять с собой в экспедицию «швецких арестантов»: обер-офицера Филиппа Юхана Табберта (Philip Johan von Strahlenberg) и унтер-офицера Даниила Капелля. В обязанности Ф. И. Табберта-Страленберга (более правильное произношение—Штраленберг) входили переписка различных бумаг и документов на немецкий и латинский языки, а также ведение официального дневника экспедиции. Вернувшись впоследствии на родину, он опубликовал ряд книг по географии, истории и этнографии Сибири. Эти труды Ф. И. Страленберга получили в свое время широкое распространение и за границей, и в самой России. Работы Ф. И. Страленберга представляют собой интересный исторический источник, несущий многие ценные сведения о Западной Сибири начала XVIII века. Отдельный интерес представляет его вклад в изучение языков коренных народов Урала и Сибири.⁹⁶ На основе своей «Tabula Poliglotta» он впервые ясно сумел показать родство финно-угорских народов, а также высказал идею урало-алтайского родства, предположив, что финно-угры в древности жили вместе с некоторыми сибирскими народами намного восточнее их расселения в XVIII столетии.

Книга, изданная в Стокгольме в 1730 г., стала настоящим открытием России. Она была переиздана в 1738 г. в Лондоне на английском языке. В 1757 г. вышла на французском в Амстердаме, и в 1780 г. на испанском языке. Это сочинение надолго сделало Ф. И. Страленберга главным знатоком Сибири, а его книгу – одним из первых научно достоверных источников западноевропейской историографии по истории и этнографии народов России. Ведь в ней впервые опубликованы реальные сведения о крупнейших географических открытиях русских на Востоке в течение XVII – начале XVIII вв., приведены замечательные картографические материалы, созданные на новейших к тому времени данных и т.д. Книга шведского путешественника действительно была богата новыми на то время научными сведениями. Ф. И. Страленберг скопировал часть материалов и большинство рисунков из путевого дневника Д. Г. Мессершмидта, увез их с собой из России и впоследствии опубликовал в своей книге. Но что-то

⁹⁵ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721—1725 гг. // Исторический архив, №2. 2003

⁹⁶ Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730.

было собрано им самим, а что-то было получено от друга. Он и сам этого не отрицает: «должен признаться, что в первое время своего пребывания в плену я знал об особенностях этих стран столько же, сколько же осяк о Германии. И как бы мне не хотелось получить сведения об этих странах, мне недоставало знания необходимых для этого языков».⁹⁷ Необходимо сразу отметить, что в тот момент в России имелся только один человек, который был знаком с генетической классификацией языков, созданной Г. В. Лейбницем. Это был Д. Г. Мессершмидт.

Знаменитые Академические экспедиции имеют особое значение в географическом исследовании России. Географические и другие исследования необъятной территории Российской империи приобрели в XVIII в. большой размах. Это был удивительный по своим масштабам исследовательский штурм отдаленных окраин страны, внесший много нового в мировую науку, и если в XVII в. географические открытия совершались, в основном, землепроходцами, служилыми людьми, мореплавателями, путешественниками, иностранцами, то в XVIII в. ведущая роль в географических открытиях принадлежит ученым и морским офицерам. По замыслу и полученным результатам они относятся к самым исключительным событиям в научном мире.

Перед этими экспедициями впервые была поставлена задача всестороннего комплексного описания природы, полезных ископаемых и хозяйства крупных регионов страны. Маршруты экспедиций охватывали европейскую часть России, Поволжье, Предуралье, Урал, Северный Кавказ, Западную и Восточную Сибирь, предгорья Алтая, Забайкалье вплоть до бассейна Амура. Однако самым грандиозным научным событием первой половины XVIII в. стала «Вторая Камчатская экспедиция» 1733—1743 гг., возглавляемая Витусом Берингом. Эта экспедиция вошла в историю русских географических открытий под названием «Великая Северная», иногда ее называют «Сибирско-Тихоокеанской». Экспедиция состояла из нескольких отрядов и была весьма многочисленной не только по российским, но и по мировым меркам. В ней участвовало около 570 человек. Каждый отряд имел свой участок работы: от Архангельска до Оби; от Оби до Енисея; от Енисея на восток; от Лены до Енисея и от Лены на восток.

Во главе этих экспедиций были поставлены такие известные ученые с разносторонней подготовкой, как П. С. Паллас, И. И. Лепехин, И. Г. Гмелин, В. Ф. Зуев, И. С. Георги, И. П. Фальк и другие. В их задачу входило комплексное исследование природы, хозяйства и населения этих регионов. В ходе экспедиции участники вели детальные записи по местной географии, минералогии, ботанике, зоологии, этнографии, сельскому хозяйству, торговле и производствам. Исследования продолжались в течение шести лет и дали огромное количество материала по географии и геологии, ботанике и зоологии, этнографии и истории большей части страны. Эти материалы были проанализированы и легли в основу многочисленных научных трудов. Вклад этих ученых в научное изучение Сибири и преданность их науке неоспоримы.

Петр Симон Паллас (Peter Simon Pallas) был широко известен на Западе и в России своими научными работами, прошедшего многими маршрутами по Сибири и Европейской России, создавшего много научных гипотез. Во время своих первых путешествий, совершенных в восточные губернии Российской империи и на Урал, П. С. Паллас собрал обширный материал по зоологии, ботанике, палеонтологии, геологии, физической географии, экономике, истории, этнографии, культуре и быту народов России. По результатам своих путешествий П. С. Паллас опубликовал пятитомное «Путешествие по разным провинциям Российского государства».⁹⁸ Перевод с немецкого был сделан Ф. Туманским и учеником Василием Зуевым в серии «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденной Екатериной Второй. Первая часть монографии была переиздана в 1809 г. Коллекции, собранные во время этого путешествия, были направлены в Петербург и легли в основу коллекций академической Кунсткамеры,

⁹⁷ Strahlenberg F.J, von. Das Nord- und Östliche Theil... S. 7.

⁹⁸ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – 1773. Кн.1; 1786. Кн.2.

многие из них до сих пор хранятся в музеях Российской Академии наук, а часть их попала в Берлинский университет. Однако настоящее признание в России он получил лишь после смерти.

В 1768 г. П. С. Паллас возглавил одну из академических экспедиций. В ее состав входили и русские ученые Н. П. Соколов, В. Ф. Зуев, Н. П. Рычков. Путешествие имело и громадное практическое значение. Экспедиция для молодого В. Зуева продолжалась шесть лет (1768—1774 гг.), под руководством знаменитого ученого и была своего рода практическим университетом. По материалам обской поездки Василий Зуев написал свои первые научные статьи: об оленях и о быте хантов (остяков) и ненцев (самоедов).⁹⁹ Эти работы были посланы в Петербург и заслушаны в Академии наук, а затем П. С. Паллас использовал их при описании своего путешествия, изданного на немецком и русском языках,¹⁰⁰ которое является наиболее подробным описанием хозяйства ненцев и северных хантов в XVIII веке. Кроме необычных подробностей быта ненцев и хантов, участников экспедиции Василия Зуева поразила местная природа: далекий суровый и нелюдимый край оказался вблизи даже привлекательным. Им были сделаны интересные путевые наблюдения, остроумные замечания. Результатом экспедиций лета 1771 года оказались, кроме этнографических наблюдений, описания растительного и животного мира, тундры, климата, а также словари хантыйского и ненецкого языков. Он впервые достаточно точно описал быт хантов и манси, сравнивая их между собой, сообщил об экзогамии у хантов (остяков), о других чертах народов уральской семьи.

В своем описании «остяков и самоедов» В. Зуев иногда говорит о них вместе, иногда отдельно. Его внимание привлекли изображения духов, шаманы, жертвоприношения животных. Работа дает детальную характеристику религиозных верований ненцев, которая содержит богатый полевой фактический материал. Исследователь описывает погребальный и свадебный обряды. Однако в характеристике иерархии ненецких божеств и их функций следует отметить очень много неточностей, которые возможно объяснить незнанием языка. В своей работе В. Зуев дает краткое описание элементов детских игр со стрельбой из лука, с охотничьими моделями капканов, ловушек; сообщаются сведения об играх-состязаниях по прыжкам в длину у ненцев, о борьбе обских хантов и ненцев. В исследовании приводятся факты существования у хантов и ненцев обычаев обязательного гостеприимства и дарения. Описаны в сочинении выплаты калыма за невесту, свобода развода для женщины, многоженства, сорората, левирата и других форм брака. Здесь мы находим указание на имевшие место разбирательства отдельных ссор и обид судом посредников и «князцов». В. Ф. Зуевым описан такой любопытный ненецкий обычай (являющийся, несомненно, пережитком родового строя), как обязательное распределение калыма за невесту между всеми ближайшими родственниками, а также отмечены следующие хантыйские обычаи: избегание друг друга невесткой и тестем, зятем и тещей; длительная разлука невесты со своими родителями после свадьбы. В. Ф. Зуев, исследовавший культуру березовских хантов (остяков) и ненцев (самоедов), выполнил полное описание костюмного комплекса, включая летний и зимний, женский и мужской. Он впервые выделил сведения по одежде в самостоятельную главу, в которой привел названия ряда элементов костюма. Информация об обработке шкур, costume медвежьего праздника и погребального обряда содержится и в других главах его сочинения.

Подлинным научным подвигом Герарда Фридриха Миллера (Gerhard Friedrich Müller) стала его поездка по Сибири в 1733—1743 гг. Он первым приступил к систематическому обследованию архивов, изучил и описал фонды более 20 сибирских городов, в т. ч. Тобольской губернии. Собрал колоссальную коллекцию копий документов по истории, археологии, этно-

⁹⁹ Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов Остяков и Самоедов (1771—1772). – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947

¹⁰⁰ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – 1773. Кн.1; 1786. Кн.2; ч. III, книги 1 и 2, 1788

графии и экономике Сибири, т.н. «Портфели Миллера».¹⁰¹ С особым увлечением Г. Ф. Миллер занимался этнографическими изысканиями. Он впервые предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, материальной и духовной культуры сибирских народов.

Задачи, поставленные Миллером в области изучения коренных народов Сибири, нельзя не признать грандиозными. Столь же масштабной была и его деятельность, направленная на решение этих задач. В нее входили сбор архивных материалов по этнической истории, анкетирование местных канцелярий, опросы информаторов из числа русских и коренных жителей, личные наблюдения, составление этнографических коллекций. Г. Ф. Миллер был очень осторожен в своих этногенетических построениях. Он изучал происхождение и расселение манси (вогулов), хантов (остяков) и ряда других народов. При этом он пользовался, с одной стороны, данными языкознания, а с другой – описаниями быта и обычаев народов, их фольклором. Такой метод и вышеупомянутая осторожность позволили Г. Ф. Миллеру создать такую этнографическую картину Сибири, которая в своих основах сохранена в отечественной науке. На основе этого богатого материала Г. Ф. Миллер составил свое «Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державы по сии времена».¹⁰²

Главным итогом исторической части экспедиционных исследований Г. Ф. Миллера явился многотомный фундаментальный труд «История Сибири», до сих пор сохранивший свое исключительное научное значение.¹⁰³ В его трудах содержатся сведения о жизни и быте населения Березовского края; урегулировании взаимодействия русскоязычного населения с коренными народами «новозавоеванных» земель и формировании системы государственного и общественного управления; о религиозных верованиях северного населения, о расположении церквей, священных мест и т. д. Он описал историю миссионерства начала XVIII в., где, по его мнению, распространение православия среди коренного населения с одной стороны несло «много добра», с другой имело и негативные последствия.¹⁰⁴ Он подчеркивает, что христианизация имела насильственный и поверхностный характер, не изменяя в корне образ жизни и мировоззрение новокрещеных. Вышли в свет и другие его работы по истории Сибири, где он рассмотрел остяцкие и вогульские княжества, расположенные по Иртышу и Оби.¹⁰⁵

В 1740 году в составе Камчатской экспедиции Иоган Эбергарт Фишер (Johann-Ebergard Fisher) отправляется в сибирские земли. В задачу ученого входит сбор материалов по истории, этнографии и источников для словаря аборигенов Сибири. В основном, И. Э. Фишер принимал участие в обработке материалов, собранных Миллером. На основе этого наследия он в 1768 году издает труд Миллера на немецком языке в сокращенном варианте. Затем в 1774 году в Петербурге – свою книгу.¹⁰⁶ Во введении подробно рассказано об основных народностях, когда-либо населявших Сибирь (язык, религия, миграция и т.д.). В пяти частях основного текста автор пересказывает и комментирует основные события, произошедшие в Сибири с 1499 по 1661 г. Факты выбраны им из «Летописей» и архивных документов, ссылки на которые приводятся тут же, в тексте книги.

В 1768 Иван Иванович Лепехин был назначен руководителем одной из академических экспедиций. Он путешествовал когдаодин, когда с П. С. Палласом по Уралу, Поволжью, Западной Сибири, в дальнейшем также по русскому Северу и западным российским губерниям

¹⁰¹ Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990

¹⁰² Миллер Г. Ф. Описание сибирского царства и всех произошедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державы по сии времена, Спб. 1787,

¹⁰³ История Сибири, М-Л. 1937, Ч. 1; он же; История Сибири, М-Л. 1941, Ч. 2

¹⁰⁴ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 1999, Изд. 2-е, доп. Т. I, С. 59

¹⁰⁵ Миллер Г. Ф. История Сибири, М-Л. 1937, Ч. 1; он же; История Сибири, М-Л. 1941, Ч. 2.

¹⁰⁶ Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. 1774

России. Записи, сделанные И. И. Лепехиным во время этих поездок, легли в основу его книги «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства».¹⁰⁷ Этот труд был издан в Петербурге в четырех томах. «Дневные записки» — ценный научный труд, содержащий большое количество материалов, относящихся к самым разным областям знания: археологии, этнографии, фольклору и т. д. В труде описано то, что он видел собственными глазами, а сведения, полученные другим путем, всегда сопровождаются описанием источника и комментарием. За пять лет путешествия И. И. Лепехин познакомился с бытом, традициями, хозяйством народов России. Он дал подробное этнографическое описание, выделив «что всем сим народам есть общее» и «чем они наиболее друг от друга разнятся». При этом ученый так определил свою методику сбора и изложения полученных сведений: «Мне случилось от них много проведать такого, о чем другие не писали. Рассказывать клочками мои примечания было бы без вкуса; и прошу дозволить старое смешать с новым и приобщить краткое описание сих народов».

В дневниках И. И. Лепехин запечатлел встречи с ненцами. Помимо традиционных описаний жизни и быта, исследователь обратил внимание на духовную культуру. Используя материалы своих полевых исследований и сведения, полученные в ходе экспедиционных работ и обработки информации от других лиц, он подробно описал религиозные традиции ненцев, где сообщает о роли шаманских духов и помощи опытных шаманов.¹⁰⁸

Итогом этнографических исследований Иоганна Готтлиба Георги (Johann Gottlieb Georgi) стало подробное иллюстрированное описание народностей, населяющих Россию. Этот труд вышел в Санкт-Петербурге в 1776—1780 гг. на немецком языке.¹⁰⁹ Частично он был переведен на русский.¹¹⁰ Эта работа была первым сводным этнографическим описанием России. Исследование И. И. Георги состоит из кратких, сжатого изложения, очерков, посвященных каждому народу. Такой очерк включает в себя сведения о названии народа, области его расселения, некоторые исторические данные, информацию о численности, языке, хозяйственном укладе. Часто подробно описаны традиционные мужской и женский костюмы, есть сведения о религиозных обрядах, болезнях. За редким исключением ученый обязательно дает собственные или записанные со слов других оценки психических особенностей народов. Автор собрал и опубликовал сведения о шаманах, назвав шаманизм одной из «древнейших вер», лежащей в основе ламаизма и индуизма, чем обосновал саму возможность сопоставления шаманизма с мировыми религиями. Выполнил множество рисунков национальной одежды, стараясь передать этнические особенности каждой народности. В его труде можно найти краткие, но ценные сведения о религии ненцев и хантов. Работа, написанная академиком И. Г. Георги, может считаться продуктом сотворчества многих ученых-путешественников XVIII века. Значимость этой работы состоит, кроме многих ее достоинств, еще и в том, что автором была предложена система группировки этнокультурного материала, ставшая своеобразной вершиной ранних классификационных опытов в области народоведения.

Исследования Василия Васильевича Крестинина содержат, прежде всего, описания оленеводства, широкий круг предметов быта, явлений природы обычаев социальной жизни, наиболее ранних сведений о торговле ижемцев с ненцами, а также религиозных мировоззрений и традиций первых, их культов оленя, огня и жертвоприношений.¹¹¹ Несмотря на фрагментар-

¹⁰⁷ Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб. 1805. Ч. IV

¹⁰⁸ Лепехин И. Указ. Соч. С. 450

¹⁰⁹ Johann Gottlieb Georgi Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten. – Санкт-Петербург: Müller, 1776—1780. (2-е изд., Лейпциг, 1782)

¹¹⁰ Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. Санкт-Петербург: 1776—1777. (2-е изд: Санкт-Петербург, 1779)

¹¹¹ Крестинин В. Краткое известие о земле Самоедской и о состоянии Самоедов, обитающих в Архангельском наместни-

ность описаний, сведения имеют большую ценность, т.к. получены автором лично в результате собственных наблюдений или от информаторов во время экспедиции по тундре. В. В. Крестининым напечатаны следующие труды: «Рассуждение о начале и происхождении самоедов, обитающих в Архангельском наместничестве»,¹¹² «Вопросы и ответы о вере самоедской», «Вопросы и ответы касательно до самоедов», «Вопросы и ответы вообще касательно как до канинских и тиманских, так до пустозерских, усть-цылемских и ижемских самоедов»,¹¹³ «Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоедами, и их промыслы».¹¹⁴

Значительный интерес представляют работы Ф. П. Литке, И. Н. Иванова.¹¹⁵ Ими были тщательно обследованы территории проживания ненцев, собран уникальный материал по их мировоззрению, ритуальной практике, суевериям, религиозным традициям, культовым объектам, идолам, священным местам. В своем дневнике Ф. П. Литке, несмотря на отсутствие исчерпывающей информации о ненецкой культуре пытается дать ей свою характеристику и оценку.

Ценные этнографические сообщения о ненцах имеются в работах Александра Густава (Александр Иванович) фон Шренка (Alexander Schrenk). Научное признание среди них получил обширный труд «Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое в 1837 г. Александром Шренком».¹¹⁶ Эта книга – результат работы опытного, знающего и стремящегося показать действительность автора. Она отличается полнотой сообщения по различным вопросам: истории, этнографии и географии северо-востока России начале XIX в. Кочуя вместе с оленеводами по тундре, он оставил данные по географии края, описал культуру и быт ненцев, где привел интересные сведения об их религиозных традициях. В этих работах содержится описание священных мест и жертвоприношений, называются божества и их функции, подробно описаны способ изготовления бубна, формирование шамана и его духов. У него мы также находим сведения о торговле коми-ижемцев с ненцами и об использовании первых ненецкой наемной силы.

В 1843—1845 годах на Урале работал венгр Антал Регули (Reguli Antal). Он совершил путешествие по Уралу от Перми до берега Северного Ледовитого океана и обратно, сопровождаемый несколькими проводниками по бездорожью и глухомани. Его интересовали вопросы происхождения венгерского языка и прародины венгров, которую он видел в народах, населяющих северную часть Уральских гор (преимущественно угро-финской языковой группы – манси и ханты). Он изучал их язык, особенности быта и обрядов. А. Регули вел не только лингвистические и фольклорные исследования, но и, где было возможным, собирал этнографические предметы от местного населения. Болезнь не позволила Регули обработать собранный им материал, и только через шесть лет после его смерти появилось сочинение, изданное Павлом Гунфальви.¹¹⁷

В конце 1880-х гг. в изучении религиозных традиций хантов принял участие венгерский этнограф и антрополог Кароль Папай (Pápay Karol). Значительный интерес этого ученого представляют религиозные традиции хантов, где он посещал священные места и имел возможность

честве. //Новые ежемесячные сочинения. 1786 ч. 2. С. 16—58.

¹¹² Рассуждение о начале и происхождении самоедов, обитающих в Архангелогородском наместничестве //Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч.2. С.1—16.

¹¹³ Крестинин В. В. Вопросы и ответы, вообще касательные как до канинских и тиманских, так до пустозерских, усть-цылемских и ижемских самоедов /В. В. Крестинин Новые ежемесячные сочинения. 1787. 4.8 (февраль). 9—28.

¹¹⁴ Крестинин В. Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой Самоедами и о их промыслах. //Новые ежемесячные сочинения. 1787. Ч. 7. С. 20—44.

¹¹⁵ Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821—1824 года. М., 1948, С. 230,236

¹¹⁶ Шренк А. Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским городам, в 1837 г., Петербург, 1855

¹¹⁷ Hunfalvy Pál – Reguly Antal: A » vogul föld és népe. Pest. 1864

присутствовать во время жертвоприношений. Им собран значительный фольклорный материал, коллекция предметов.¹¹⁸

В изучении культуры хантов в 1897 г. прибыл Йозеф Папай (Pápay József). Проехав от Тобольска до Обдорска, он собрал богатый этнографический материал. В течение экспедиции он записывал фольклор, изучал религиозные традиции хантов. Результаты исследования были опубликованы в ряде работ.¹¹⁹ Заслугой Й. Папай была расшифровка записей, дневников А. Регули.

В 1880—1889 гг. среди вогулов жил и работал венгр Бернхард Мункачи (Munkácsi Bernát) с целью расшифровки записей А. Регули. Им был собран и значительный собственный материал. В итоге было издано за десятилетия 8 томов «Свода мансийского фольклора», в том числе один том, посвященный анализу фольклора как источника по религиозным верованиям. В нем частично идет речь и о хантах.¹²⁰

Неоценимое научное наследие по этнографии, лингвистике, археологии и фольклору северных народов оставил финский ученый Матиас Александр Кастрен (Matthias Alexander Castrén). Он совершил две долгосрочные экспедиции к самодийским и тюркским народам Саяно-Алтайского нагорья с целью доказать существование родства финнов с самодийцами через алтайские народы. Внес большой вклад в изучение языков и этнографии финно-угорских, самодийских. Он изучал разные диалекты обских угров и записал фольклор с ценнейшими сведениями по древним верованиям и обрядам, а также сам наблюдал многое в жизни. Всю свою жизнь он изучал самодийские языки и диалекты, посвятив им седьмой том своего 12-томного сочинения. Он создал самоедскую грамматику и словарь, в котором есть все пять языков самоедской семьи и их многочисленные диалекты. В приложении к словарю помещены образцы народного творчества различных самодийских племен. М. А. Кастрен не успел при жизни обобщить материалы, его наблюдения по религиозным верованиям хантов рассеяны в путевых дневниках и письмах, изданных в начале на немецком и шведском языках, а затем на русском. Исследовал процесс развития взаимоотношений северных народов и русско-зырянского населения. Изучал торговые связи русских и коми-зырян с коренными населением, описал Обдорскую ярмарку. Труды М. А. Кастрена, в том числе его путевые отчеты и письма, этнографические очерки и словари самодийских языков первыми вышли на немецком языке.¹²¹ В 1860 г. был переведен на русский язык работа М. А. Кастрена «Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири».¹²²

После длительной командировки врача Франца Михайловича Белявского по северу вышла в свет его книга «Поездка к Ледовитому морю».¹²³ В его работе содержится много информации об этнической истории, структуре управления, сборе ясака, сведения о духовной культуре и быте хантов, ненцев, частично о русских и коми-зырянах, проживавших по Нижней Оби, хозяйственных и культурных взаимоотношениях коми-зырян и русских. Автор описывает древний культ животных, показывая его тотемные черты почитания: «имеют других кумиров, изображающих зверей и птиц».¹²⁴ Сравнивая погребальный обряд ненцев и хантов, Ф. Белявский отметил присутствие шамана у первых. В книге мы находим данные о ненецких

¹¹⁸ Pápai K. A vogulok-es osztjakoknal. Ethnographia I. Budapest, 1890

¹¹⁹ Pápay József: Reguly Antal emlékezete: nyelvészeti hagyatékának feldolgozása alkalmából. Osztják népköltési gyűjtemény. Zichy Jenő gróf harmadik ázsiai útja 5:1—51. Budapest. 1905

¹²⁰ Munkácsi, B. Vogul népköltési gyűjtemény. Budapest, 1892. II/1.

¹²¹ Castrén M.A. Reiseerinnerungen aus den Jahren. 1838—1844. Spb., 1853; он же; Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen // Nordische Reisen und Forschungen. Spb., 1855. Bd. 8

¹²² Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири. //Магазин земледения и путешествий. М. 1860, Т. У1, Ч. П, 495 с.

¹²³ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М. 1883

¹²⁴ Белявский Ф. Указ. Соч. С. 149

шаманах: их обучении, костюме и камлании. Важно отметить, что Ф. Белявский не только уделяет внимание различным деталям шаманского культа, но и склонен к обобщению известных ему эмпирических сведений. Но ценность сведений о религиозных традициях снижается из-за того, что автор не указывает различия между ненецкими и хантыйскими шаманами, обобщив их в одной главе «О шаманах». В основном, речь шла о шаманстве как общем понятии, которое он воспринимал как театральное действие. На наш взгляд, недостаток работы Ф. Белявского заключается в отсутствии сравнительного анализа религиозных традиций ненцев и северных хантов.

Гораздо более значим в плане реконструкции религиозных традиций ненцев труд Владимира Александровича Иславина, который приобрел широкую известность, описанием религиозных представлений ненцев. Это ценный источник по этнографии ненцев. В 1861 году выходит в свет еще одна большая его работа,¹²⁵ где содержатся материалы о религиозных традициях. В этих трудах В. Иславиным реконструируется традиционное мировоззрение ненцев, воссоздается в максимально полной целостности их религиозно-мифологическая картина мира. Исследование, охватывающее практически все стороны развития религиозных традиций, содержит большой фактический материал не только по европейским, но и восточным ненцам. В работе рассказывается о социальной и экономической организации коми оленеводства, особенностях хозяйственного цикла и миграций, где дается ряд уникальных сведений о взаимодействии коми оленеводства с окружающей средой.

В своей работе автор посвятил целую главу рассмотрению различных культов. Исследователь обстоятельно анализирует каждую категорию вещей, дает яркую картину бытования и характеристику различных культовых представлений. Особое место В. Иславин уделяет «Нуму», где указывает на его двойственность. В целом, он дает традиционную трактовку этого божества как «высшего существа, которое хотя и обладает всем небесным и земным... никогда не сходит, а вечно заседает на небе».¹²⁶ Особый интерес представляет рассмотрение родильного и погребального обрядов в связи с целым комплексом обычаев и традиций. Возникновение «нгытырмы» связывается в них с умершими людьми: в память «прадедушки или прабабушки». Довольно подробно В. Иславин останавливается на шаманах: описывает их ритуальные действия, лечение, костюм, изготовление бубна. Работа В. Иславина ценна суммированием сведений, добытых исследователями предшественниками, а также новыми интересными материалами по ненецкой культуре.

Серафим Керопович Патканов первым произвел серьезное этнодемографическое исследование населения Сибири в XIX в. В 1910 г. вышла его книга о динамике численности инородческого населения в Сибири. В ней приведены все имевшиеся достоверные сведения по коренным народам Сибири, основанные на данных ревизий и первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Динамика численности аборигенов давалась им отдельно по округам и по народам, разделенным на языковые семьи. Он дает негативную оценку сложившейся на Севере экономической ситуации, когда аборигены, являясь хозяевами богатых рыбных промыслов, живут практически в нищете. Особенно много внимания С. К. Патканов уделил коренному населению. Он составил подробные таблицы по округам, в которых можно узнать, какие народы и в каком количестве на каком языке говорят.¹²⁷

¹²⁵ Иславин В. Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847; Islavin, W. Das Hauswesen, die Renthierzucht und die Gewerbsthatigkeit der Samojedender Mesenshen Tundra. // Zeitschrift für Allgemeine Erdkunde, N. F. Bd. 10, 1861. S. 76—114.

¹²⁶ Иславин В. Указ. Соч. С. 109

¹²⁷ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды иноверцев. // Зап. РГО по отд. Статистики. СПб. 1911, Т. 2, Вып. 2; он же: Краткий очерк колонизации Сибири. // Ежегодник России 1907. СПб., 1908. С. XXII – LXII; О приросте инородческого населения Сибири. СПб.: Изд-во Академии наук, 1910

С. К. Патканов с целью глубокого проникновения в культуру коренных народов Севера с присущей ему настойчивостью и вниманием приступил к изучению языка инородцев и в короткий срок не только научился разговаривать на нем, но и писать. Впоследствии благодаря хорошему знанию языка хантов С. К. Патканов смог проникнуть в тайны не только общественно-хозяйственной жизни инородцев, но и их верований.¹²⁸ В 1897—1900 годах в Санкт-Петербурге вышел труд на немецком языке «Иртышские остяки и их народная поэзия».¹²⁹ Его перу принадлежит ряд работ по фольклору и языкознанию народов и племен областей и губерний сибирского края. Основой для исследований автору послужили материалы переписи населения 1897 года. На протяжении многих лет он подробно изучал, анализировал и систематизировал полученный обширный материал, составляя подробные выборки и группируя данные в таблицы, получив, таким образом, фундаментальный свод статистических сведений, наиболее полно и подробно описывающий коренное население Сибири.¹³⁰ Анализируя описания походов и схваток остяцких князей с ближними и дальними соседями, С. К. Патканов обнаружил, что подавляющее число сражений происходило с ненцами (самоедами). С. К. Патканов сделал вполне обоснованное предположение, что отношения владеющих тысячными стадами оленей скотоводов-ненцев и оседлых, живущих в городах остяцких владетелей, по сути напоминают взаимоотношения кочевников-степняков с жителями южнорусских княжеств, перешедших на оседлый образ жизни и занимавшихся земледелием.

Бывший обдорский заседатель Юрий Иванович Кушелевский, знавший хорошо Обдорский край и население, совершил поездку в 1865 г. по тундре. Книга Ю. И. Кушелевского – великолепный источник по этнографии ненцев середины XIX в., где имеется и «Русско-самоедский словарь» из 1824 слов.¹³¹ Им изучены особенности этнографии ненцев и ханты, описаны природа и экономика края, изучены и нанесены на карту и проложены транспортные пути до Печоры, от устья Таза до Туруханского зимовья через Енисейский волок, произведено уточнение карты побережья Обской и Тазовской губ. Установлено нахождение интересного памятника XVII в. – городка Мангазеи, обнаружены и сделаны геологические открытия на Урале. Он был автором многих публикаций, являясь корреспондентом столичной газеты «Биржевые ведомости», «Тобольских губернских ведомостей». Впечатления о своей поездке и встрече с оленеводами он изложил в путевых заметках, где описал многие стороны культуры ненцев, их взаимоотношения с коми-зырянами и русскими.¹³² Особенно ценные сведения приводятся по свадебному и погребальному обрядам, представления о душе и загробном мире, о добрых и злых духах, шаманах, их обучении, ритуальных обрядах, изготовлении бубна, шаманском костюме. Ценность книги состоит еще и в том, что она проиллюстрирована 18 рисунками тобольского художника М. С. Знаменского. Здесь же можно встретить сюжеты из жизни экспедиции Ю. Кушелевского, быт ненцев (самоедов) и виды Обдорска. Немаловажно также, что художник не единожды изобразил самого Кушелевского. Ю. Кушелевского интересует все: хозяйство, материальная культура, религиозные представления и обряды, семейные обычаи, общественная организация ненцев. Сведения Ю. Кушелевского – великолепный источник по этнографии ненцев середины XIX в., особенно ценны его наблюдения, характеризующие их обычное право.

Дмитрий Филиппович Юрьев, исследуя Северный Урал, собрал этнографический материал по материальной и духовной культуре ненцев, хантов коми-зырян.¹³³ Результатом про-

¹²⁸ Патканов С. К. Тип остяцких богатырей по остяцким былинам и героическим сказаниям. С.-Петербург, 1891.

¹²⁹ Patkanow S. K., Die Irtysh-Ostjaken und ihre Volkspoesie, I – II, Pet., 1890—1897.

¹³⁰ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. РГО по отделению статистики. СПб. 1911. Т. II. Вып. 2.

¹³¹ Кушелевский Ю. И. Северный полюс и Земля Ялмал. Путевые записки Ю. И. Кушелевского. СПб. 1868.

¹³² Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб. 1868.

¹³³ Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала, исследованного Уральскою экспедициею в 1844 и 1847 годах.

веденных исследований стали работы «Топографические описания...» и «Заметки об инородцах...».¹³⁴ Он дал характеристику основных занятий населения, продукции оленеводства, охоты, общественных и семейных отношений. При сборе топографического материала он уделял внимание и особенностям культуры ненцев. Им описаны обряды, взаимоотношения людей с миром всевозможных духов и др.

Историко-географическое описание Сибири представлено работой Ипполита Иринарховича Завалишина, где автором отражаются свои взгляды на Западную Сибирь в целом во всех проявлениях ее жизни, затем рассказывается о Тобольской губернии, Тюмени, Туринске, Березове, Тобольске, Таре и др.¹³⁵

Во время экспедиции по Оби Иван Семенович Поляков тщательно обследовал территории проживания коренного населения, собрал уникальный материал по их религиозным традициям, культовым объектам, степени проникновения и распространения православия в их жизнь.¹³⁶ Свободно используя материалы собственных полевых сборов, он описывает особенности жизни, нравы и обычаи ненцев, хантов. Сведения о религиозных традициях отрывочны и не обобщены. Характеризуя в целом религию ненцев, он убежден, что она «как у всех других первобытных народов».¹³⁷ В своих отчетах автор приводит данные о существовании обменных связей коми-ижемцев с северными народами, и прилагает описание коми календаря и фотографии. В работе описывается природа, промыслы; изменение экономического положения северных народов с приходом русских и образованием городов, созданием промышленного производства и влиянием его на характер окрестностей.

Ценные сведения о свадебном и погребальном обрядах, взаимоотношения людей с миром всевозможных духов, роли шамана в общественной и личной жизни ненцев, хантов приводятся в публикациях В. Н. Шаврова.¹³⁸ Широко используя материалы собственных полевых сборов, он описывает особенности жизни, нравы и обычаи коренного населения. В 1821 г. В. Н. Шавров присутствовал на обряде поклонения божества «Яляне», где наблюдал ритуальные пантомимы хантов. Мужчины изображали вооруженных саблями и копьями богатырей. Женщинам видеть эти действия не позволялось. В одном из святилищ он видел большой, туго набитый мехами мешок; посередине этого мешка была привязана серебряная тарелка, помещенная своим основанием к мешку, а углублением наружу. Сведения о религиозных традициях ненцев отрывочны и обобщены.

Иван Васильевич Щеглов, автор книги «Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг.»¹³⁹, проделал огромную работу по составлению свода исторических данных о Сибири, начиная с известия о столкновении новгородцев с юграми и заканчивая 1882 годом. Особо ценным является то, что каждую дату автор сопровождает ссылками (иногда несколькими) на источник, что дает возможность, во-первых, отыскать более подробные сведения по дате и, во-вторых, оценить ее достоверность. Во многих случаях изложение фактов сопровождается довольно большими подробностями. Это сделано именно в тех случаях, когда издания, из которых взяты сведения, являются малодоступными. В конце книги приведен перечень основных источников, которыми пользовался автор.

Андрей Александрович Титов издал целый ряд списков северных летописей.¹⁴⁰ Сборник включает в себя тот круг сведений о Сибири, который находился в распоряжении рус-

Спб., 1852.

¹³⁴ Юрьев Д. И. Топографические описания... 1852; он же: Заметки об инородцах... 1857

¹³⁵ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М.: Тип. Грачева и Ко, 1862.

¹³⁶ Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненном по поручению Имп. АН. СПб. 1877

¹³⁷ Там же. С. 113

¹³⁸ Шавров В. Н. Записки штаб-лекаря о жителях Березовского края //ТГВ. 1871, №43—45

¹³⁹ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут, 1993

¹⁴⁰ Титов А. А. Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М. Тип.

ского правительства и общества до начала XVIII века. Из семи включенных источников шесть – памятники русской письменности, седьмая книга написана на латыни, но включена в сборник, потому что создана в России. Содержание представляет собой неразрывное целое. Источники расположены в хронологии их написания.

Аугуст Алквист (Karl August Engelbrekt Ahlqvist), совершивший 3 экспедиции по Сибири, издал на основе заметок работу, где привел краткие сведения о расселении русско-зырянского населения, описал быт и жизнь русских и коми-зырян, их хозяйственную деятельность, опубликовал сведения о религиозных традициях хантов, изображениях идолов, жертвоприношениях, распространении православия и их слабую роль.¹⁴¹ В своем дневнике он описал Мужичи и Обдорск.

Значительный вклад в изучение традиции и культуры населения Обдорского края внесли немецкие исследователи Отто Финш (Otto Finsch) и Альфред Эдмунд Брэм (Alfred Edmund Brehm).¹⁴² В качестве главной цели путешествия было знакомство с природными богатствами этого края и преимущественно Обской речной области. Труд знакомит с природой, животным миром, обычаями коренных жителей центральных и северных районов Западной Сибири. В нем приводятся сведения о собранных коллекциях, о географии Сибири, данные о торговле, промышленности. Увлечшись идеей собирания этнографической коллекции, доктор О. Финш изучал антропологические типы хантов (остяков) и ненцев (самоедов), исторические сведения и нравы. Особо были рассмотрены ремесла, изготовление украшений и оружия, религиозные и бытовые обряды, шаманство. Издание содержит более 50 оригинальных рисунков, сделанных немецким художником М. Гофманом по эскизам участников экспедиции.

Кочуя вместе с оленеводами, участвуя в их хозяйственных занятиях и живя их жизнью, исследователи собрали богатый материал по материальной и духовной культуре коренного и русско-зырянского населения Березовского края. Работа О. Финша содержит ценный материал по религиозным традициям ненцев и хантов, отражающим довольно сложную систему с многочисленными культами, связанными с солнцем, луной, огнем, водой, а также архаическими чертами культа животных. Работа написана в русле сравнительного анализа, содержит большое количество параллелей в культовых представлениях ненцев и хантов, в мифологии и фольклоре данных народов. Автор уделил внимание проблеме вредного влияния цивилизации на северные народности, отметил слабое влияние христианства на ненцев. Особо были рассмотрены ремесла, изготовление украшений и оружия, религиозные и бытовые обряды, шаманство, распространение православия, описаны некоторые священные места.

Заслуживает внимания работа Александры Яковлевны Ефименко, где автор рассматривает религиозные традиции и обычаи ненцев.¹⁴³ Она, в частности, одна из первых обратила внимание на юридические обычаи северных народов и дала оценку роли шамана в общественной жизни ненцев. А. Я. Ефименко, анализируя влияние шамана на ненецкое общество, пишет, что «Тадибеи, со своей стороны, стараются всеми силами поддерживать свое значение, которое приносит им материальные выгоды».¹⁴⁴ Подробное и всестороннее описание культуры и быта ненцев, выяснение данных по юридическим обычаям делает работу А. Я. Ефименко неоценимым источником для исследователей.

В период своего пребывания в Обдорске, Виктор Викторович Бартнев стал изучать жизнь и быт коренного населения и русских старожилов Березовского края. На страницах журналов и газет публикуются его научные статьи о традициях, обычаях жителей Обдор-

Л. и А. Снегиревых, 1890

¹⁴¹ Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Томск. 1999

¹⁴² Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.

¹⁴³ Ефименко А. Я. Юридические обычаи лопарей, карелов, самоедов в Архангельской губернии // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1878, Т. 8,

¹⁴⁴ Ефименко А. Я. Указ. Соч. С. 66

ского Севера.¹⁴⁵ В 1896 г. в свет выходит очерк В. В. Бартенева «На Крайнем Северо-Западе Сибири»,¹⁴⁶ где освещаются вопросы истории, духовной культуры, этнографии, экономики. Особый интерес представляют исследования о торгово-промышленной деятельности, развитии просвещения. Он отмечает роль коми-ижемского населения в жизни Обдорска, приводит данные о динамике их численности в селе, освещает условия их проживания, особенности быта, развитие грамотности, отношения с русскими, внутригрупповые и семейные отношения, оленеводство, промыслы, торговую деятельность.

Рассматривая религиозные традиции северных народов, он красочно живописует перед читателем картину проведения религиозного обряда шамана, но не уточняет ненецкого или хантыйского, что снижает ее ценность. Зная о различиях в культуре ненцев и хантов, он не всегда указывал, к какой из народностей относится тот или иной обряд, где зафиксировано то или иное явление. Его привлекала экзотическая сторона религиозной жизни и быта коренного населения Обдорского края. Он стремился передать психологическую атмосферу шаманского действия: «Становится как-то жутко при этих глухих, рокочущих звуках, в которых слышится что-то таинственное и мистическое».¹⁴⁷ В. В. Бартенева отметил развитие процесса взаимодействия между русскими и коренными народами, прежде всего, в сфере торговли, брачно-семейных отношений, рассмотрел вопросы христианизации.

Дополнением к очерку В. В. Бартенева стала книга священника из числа коренных жителей Василия Николаевича Герасимова «Обдорск».¹⁴⁸ В этой книге дается довольно подробное историческое описание прихода служилых людей в Обдорский край, рассказывается об основании Обдорска, большое внимание уделено миссионерской деятельности православной церкви в крае.

Финский исследователь-этнограф Ууно Таави Сирелиус (Sirelius Uno Taavi) в период своей экспедиции в районы проживания хантов собрал этнографический материал, где содержатся сведения о религиозных традициях и их культовых объектах. У. Т. Сирелиус в 1898 г. проехал по бассейну Васюгана и Ваха, а в 1899—1900 гг. — по Оби до Обдорска, Сосьве и Нижней Конде.¹⁴⁹ Уже в самом начале своей научной карьеры исследователь сконцентрировал внимание на изучении хозяйственной и промысловой деятельности уральских народов. Круг его интересов был разнообразен, включая и религиозные воззрения, обряды хантов, коми. Имеются его статьи о васюганских богах и погребальном обряде. Позднее опубликованы его экспедиционные дневники с прекрасными иллюстрациями, включая культовые предметы. У. Т. Сирелиус являлся автором одной из богатейших коллекций этнографических фотографий по культуре финно-угров. При этом каждый полевой снимок детальнейшим образом аннотировался, нередко исследователь создавал и антропологические портреты.

Книга замечательного сибирского мыслителя Петра Андреевича Словцова написана в первой половине XIX века.¹⁵⁰ В этой работе он раскрывает процесс русской колонизации края, определяет ее хронологические этапы, а также дает характеристику местной административной, экономической и культурной жизни. В 1809—1815 гг. П. А. Словцов обследовал Урал и собрал много важных сведений, касающихся прошлого и настоящего Сибири. Работа, основанная на архивных данных и личном изучении географии страны, является наиболее крупным и полным сочинением о Сибири, не лишенным и историко-философских обобщений. С пер-

¹⁴⁵ Бартенева В. В. Погребальные обычаи обдорских остяков. //Живая старина. 1895. Вып. III-IV, С. 487—492; Понятие о грехе у остяков. //ЕТГМ. 1895, №5, 4 с.

¹⁴⁶ Бартенева В. В. На Крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края, Спб. 1896

¹⁴⁷ Бартенева В. В. Указ. Соч. С. 87

¹⁴⁸ Герасимов В. Н. Обдорск. (исторический очерк). Тюмень. 1909

¹⁴⁹ Сирелиус У. Т.; Домашние ремесла остяков и вогулов//ЕТГМ, 1905, Вып. 15, С. 1—40; 1906, Вып. 16, С. 41—69; Он же: Путешествие к хантам, Томск, 2001

¹⁵⁰ Словцова П. А. Историческое обозрение Сибири. СПб. Тип. И. Н. Скороходова, 1886

вых страниц книги П. А. Словцов показывает, сколь важную роль играло православие при продвижении русских людей в новые для них азиатские просторы. При этом историк не обходит противоречий и сложных вопросов, трудностей, с которыми сталкивались миссионеры. Подчеркивается большая роль казачества в освоении, изучении, обживании Сибири.

В 1857 г. появляется работа Николая Алексеевича Абрамова «Описание Березовского края»,¹⁵¹ созданная на базе большого архивного материала и на основе личных этнографических наблюдений. Близко работая с коренным населением, он и в научном плане занимался изучением этапов христианизации как в момент заселения Сибири русскими, так и в последующие периоды.¹⁵² Перу Н. А. Абрамова принадлежит большое количество статей и заметок, посвященных описанию культуры, обычаев и верований хантов (остяков) и ненцев (самоедов), введению христианства в Березовском крае, истории сибирских городов, церквей, жизни политических и культурных деятелей XIX столетия. Манера исторического письма Н. А. Абрамова была «осторожной», и связано это не только и не сколько с цензурой, светской или духовной, но и с «цензурой собственной головы». Оценки деятельности духовных лиц мягки. При этом, будучи близко знакомым с трудностями религиозного воспитания, он вполне трезво оценивал не только трудности христианизации северных народов, но и приведения казачьего и старожильского населения к нормам церковной жизни близким к тем, которые существовали в центральной России. Широко были использованы автором собранные им же самим устные рассказы и предания.

Александр Иванович Сулоцкий, изучая архивные документы консистории и семинарии, опубликовал ряд материалов о миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в Сибири.¹⁵³ Изучение истории и археологии Сибирской Церкви привели А. И. Сулоцкого к выпуску как отдельных изданий, так и ряда статей в разных изданиях.¹⁵⁴ В Тобольском филиале областного архива хранится личный фонд А.И.Сулоцкого.

В изучении религии остяков (хантов) особенно важную роль сыграл Кустаа Фредерика Карьялайнен (Karjalainen, Kustaa Fredrik). В трехтомной работе в рамках сравнительного анализа религии хантов и манси и других финно-угорских народов приводятся материалы, характеризующие анимистические представления коми;¹⁵⁵ отдельные бытовые зарисовки, а также описание антропологического облика ижемцев. В I томе К. Ф. Карьялайнена имеется три раздела: «Представления о сущности человека», «Рождение», «Смерть и умершие». II том посвящен миру духов: домашних и личных, родовых и местных, а также всеобщих духов в облике человека. Третий том состоит из следующих разделов: «Мир животных», «Явления и предметы природы», «Церемонии в обращении с миром духов», «Ворожей». Во втором томе есть специальный аналитический раздел, где автор описывает собственную концепцию развития представлений о местных духах. Свои взгляды по другим вопросам он излагает непосредственно при описании материала. Его почти пятилетняя экспедиция (1898—1902 гг.) охватила все крупные этнографические группы народа: южную, северную и восточную. Эти материалы были положены в основу его широко известного труда.

Обширное этнографическое наследие о жизни и быте ненцев оставил краевед-историк Евгений Васильевич Кузнецов. Он работал в губернском статистическом комитете, воз-

¹⁵¹ Абрамов Н. А. Описание Березовского края, // Записки РГО. СПб. Кн. 12; Щадринск. 1993

¹⁵² Абрамов Н. А. О введении христианства у березовских остяков. ТГВ. 1857; О церквях г. Березова от основания его и до настоящего времени. ТГВ. 1859; Князь М. П. Гагарин. ТГВ. 1861; Петр Андреевич Словцов. ТГВ. 1858; и др.

¹⁵³ Сулоцкий А. И. Миссионерства Березовского края – Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское // Странник. 1869 (август). С. 102—115.

¹⁵⁴ Сулоцкий А. И. Филофей Лещинский митрополит сибирский и тобольский // Временник общества истории и древностей России. 1854.

¹⁵⁵ Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. ТТ.1,2,3. Перевод и публикация д-ра наук Н. В. Лукиной. Томск. 1994, 1995, 1996,

главлял редакцию газеты «Тобольские губернские ведомости» и оставил около 400 статей, многие из которых были написаны на основе местных преданий. Активно занимался исследованиями местной старины. Свои многочисленные труды по археологии, истории, этнографии нашего края и Сибири помещал преимущественно в сибирских изданиях: «Сибирской газете», «Енисее», «Сибирском вестнике», в т.ч. и на страницах «Памятных книжек Тобольской губернии». Е. В. Кузнецов совершил путешествие в научных целях по различным районам Обдорского края и смежным территориям. Одна из статей посвящена духовной культуре, где приводится легенда о грехопадении человека.¹⁵⁶ Он писал о культах деревьев, камней, общественных и домашних изображений божеств, погребальном обряде, представления о душе и загробной жизни. Несмотря на компилятивный по своей сути характер, данная работа содержит и отдельные ценные наблюдения автора за религиозной жизнью ненцев.¹⁵⁷

Работы Ю. И. Кушелевского и Е. В. Кузнецова весьма удобны для сравнения, так как они велись параллельно и независимо друг от друга во время одного и того же путешествия по северу. Описания Ю. И. Кушелевского и Е. В. Кузнецова в большей части не повторяют, а существенно дополняют друг друга. Некоторые события получают у них разное освещение, что, естественно, весьма интересно для исследователя, обращающегося к ним как к источнику.

Одним из профессиональных исследователей, изучавших антропологию народов Сибири и посвятивших значительное время описанию их религиозных традиций, был Николай Львович Гондатти. После окончания естественно-исторического отделения физико-математического факультета Московского университета Н. Л. Гондатти много путешествовал. По окончании курса университета в 1885 г. он получил командировку от политехнического музея и общества любителей естествознания в Северо-Западную Сибирь. В экспедиции провел 22 месяца, кочуя с инородцами, причем им было обращено особое внимание на манси (вогулов). В 1885 г. он совершил экспедицию от Тобольска через Березов до Обдорска, где подробно изучал мифологию и ритуальную практику хантов и манси. В своей работе он описывает священные места, культ медведя, шаманство.¹⁵⁸

Вклад в изучение культуры ненцев и хантов внес тобольский краевед Константин Д. Губарев, в работах которого есть сведения о религиозных обрядах и традициях. Материал для своих исследований он собирал в ходе длительной экспедиции по северу, интересуясь хозяйственными занятиями и жизнью населения. Особенно его интересовала материальная и духовная культура хантов и ненцев, что делает его работы наиболее ценными для нас.¹⁵⁹

Петр Никитич Буцинский долгое время занимался изучением деятельности православной церкви в Сибири с момента открытия Сибирской епархии. В монографии «Заселение Сибири и быт первых ее насельников», «К истории Сибири. Мангазея и Мангазейский уезд», «Крещение остяков и вогулов при Петре Великом» были широко использованы архивные материалы, которые посвящены, в основном, Западной Сибири. Автор хронологически ограничил задачи исследования серединой XVIII в. и сумел дать только отдельные сведения о различных сторонах жизни русского населения.¹⁶⁰ В результате исследования П. Н. Буцинский заметил, что распространение христианской религии среди коренного населения было делом случая, без всякой миссионерской деятельности. Одним из основных мотивов принятия православия среди коренных народов была материальная заинтересованность.

¹⁵⁶ Кузнецов Е. О верованиях и обрядах самоедов. /ЛГВ. 1868. №5

¹⁵⁷ Кузнецов Е. Березовские самоеды. /ЛГВ. 1871. №7—10

¹⁵⁸ Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири». М., 1888.; он же: Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири.– ИОЛЕАЭ, т. 48, вып. 2, 1888.

¹⁵⁹ Губарев К. Обдорск // Современник. 1863. Т. 94. С.221—223.; он же: От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94. С.365—367.

¹⁶⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; он же: Крещение остяков и вогулов при Петре Великом, Харьков. 1893

Небольшая книга «Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.)» П. Н. Буцинского представляет собой исторический очерк о зарождении, развитии и упадке исторической местности на Крайнем севере Сибири.¹⁶¹ Мангазея в течение первых десятилетий XVII века служила главной базой промышленных и ясачных экспедиций. В очерке приводятся цифры ясачного сбора, из которых следует, что такого количества пушнины не сдавалось в царскую казну ни в одной другой местности Сибири. Подробно описываются и причины упадка: истребление пушного зверя, отсутствие хлеба и трудности его доставки, открытие более удобного пути на р. Лену.

Материалы по религиозным традициям ненцев содержатся в работах художника Александра Алексеевича Борисова.¹⁶² В них он пишет о природных богатствах края и о бедственном положении коренного населения. В своих научных докладах и проектах он исследует экономическую жизнь Севера, высказывается о необходимости строительства Северного железнодорожного пути и соединения северных и сибирских рек каналами. Во время своего путешествия по тундре художник постоянно вел дневниковые записи.¹⁶³ В своей книге он детально описал культовые места – от семейных до общих; дал характеристику представления ненцев о душе и загробной жизни, обрисовал существенные моменты жертвоприношения и жертв, (среди которых преобладают олень, белый медведь и морские животные), назвал божества и их функции.

Шведский этнограф и археолог Фредрик Роберт Мартин (MartinFredrikRobert), в начале 90-х годов XIX в. предпринял научную экспедицию по северу. Во время своей исследовательской поездки по Сибири Ф. Р. Мартин провел много времени среди хантов. Труд Ф. Р. Мартина под названием «Сибирика» был издан на немецком языке в 1897 году в Стокгольме.¹⁶⁴ Он содержит в себе богатейшие сведения о быте, обычаях и культуре сибирских народов.¹⁶⁵

В конце XIX— начале XX вв. наибольший вклад в изучение традиционной культуры коренного населения Тобольского Севера внес А. А. Дунин-Горкавич. Им были собраны уникальные материалы по географии, истории, этнографии, экономике, духовной культуре народов Севера. Обобщение этнографических исследований населения Обдорского Севера приводится в его трехтомном труде «Тобольский Север».¹⁶⁶ Книги содержат системный анализ элементов традиционной материальной и духовной культуры коренного населения. В «Очерках народностей Тобольского севера»¹⁶⁷ наблюдения А. А. Дунина-Горкавича касаются коренных народов Обдорского края: их быта, экономических условий жизни, религиозных традиций. В своих работах А. Дунин-Горкавич рассматривал взаимоотношения коренного и русско-зырянского населения, использовал объективный подход при оценке проблем взаимодействия. Выявлял факторы, способствующие переселению коми-зырян. В этих работах приводятся сведения о священных местах и ритуальной практике шамана. Особенно ценными являются сведения о религиозных традициях ненцев, которые он наблюдал лично.

Путевые заметки Ивана Михайловича Воропая, описывающие его путешествие, представляют собой этнографические описания.¹⁶⁸ Путевые заметки содержат ценные описания

¹⁶¹ Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков: Тип. А. Дарре, 1893

¹⁶² Борисов А. А. У самоедов. От Пинеги до Карского моря. СПб., 1907

¹⁶³ Боярский П. В. Письмо художника А. Борисова с Новой Земли. //Полярный архив. М., 2003. С. 17

¹⁶⁴ Martin F. R. Sibirica. Stockholm, 1897

¹⁶⁵ Мартин, Ф. Р. Сибирика: некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов: пер. со швед. / Ф. Р. Мартин. – Репр. воспроизвед. изд. 1897 г.; Стокгольм: Изд. Г. Хелиуса. Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий, 2004

¹⁶⁶ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. СПб. 1904. Т. 1; Тобольский Север. Тобольск. 1911. ТТ. 2,3

¹⁶⁷ Дунин-Горкавич А. А. Очерки народностей Тобольского севера. СПб., 1904. Т. XL. Вып. I

¹⁶⁸ Воропай И. М. От реки Оби до Северного океана //Природа и охота. 1900. №1. С.29. Он же. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру //Природа и охота. 1901. №5. С. 107. Он же. По Оби до Северного океана и обратно через Большеземельскую тундру //Природа и охота. 1900. №2.

быта, хозяйства, культурных особенностей населения—хантов (остяков), ненцев (самоедов), коми-зырян. И. П. Воропай детально характеризует особенности хозяйства местного населения: условия, сроки, орудия лова рыбы в Оби, приемы охоты на птиц, орудия лова лисиц и белок, уход за оленями. Рассказывает, как устанавливают и чем покрывают чум, описывает интерьер, утварь, очаг, приготовление и прием пищи, распределение мест в чуме между семьями, распорядок дня мужчины и женщины. Интересны его рассуждения о взаимодействии русских и коренного населения, о легкой адаптации переселенцев к новой языковой и культурной ситуации.

Деятельность Константина Дмитриевича Носилова многогранна. С 1879 года он занимается геологической разведкой, изучает флору и фауну в Верхотурском уезде и в районе г. Березова, возможность судоходства по уральским рекам, описывает быт коренного населения Березовского края. Работы К. Д. Носилова содержат подробное описание священных ритуалов, обрядов ненцев и хантов.¹⁶⁹ В свою первую экспедицию на Ямал путешественник отправился в 1893 году с целью изучения рельефа полуострова. Прошел он от Карского побережья до Харасавея. В 1914 году К. Д. Носилов берет концессию у правительства России на устройство речного канала через полуостров Ямал из Байдарацкой губы в Обскую. Два года спустя К. Д. Носилов выходит с караваном судов из Тобольска к Ямалу, изучает южно-ямальский вариант от Ер-яги до Нового Порта. Он объездил чумы коми-зырян, ненцев, хантов, изучая их быт и жизнь. К. Д. Носилов опубликовал свои впечатления в виде этнографических очерков, в которых достаточно подробно остановился на описании быта, этнического самосознания и верований ненцев, хотя порой его суждения и выглядят недостаточно обоснованными. Описанная им «Плясовая изба самоеда» имеет отношение к нижнеобским хантам, для которых характерен медвежий праздник. Берестяные и деревянные маски, которые использовались во время ритуальных действий, и распространение пантомимы характерны для хантов. Но очень тесные контакты ненцев с хантами и некоторыми группами манси, возможно, объясняются их присутствием на сезонном жертвоприношении. К. Д. Носилов показывает красочную духовную жизнь ненцев и хантов, подчеркивая их особое восприятие окружающего мира. Особенно интересны сведения об обычаях, верованиях и нравственном облике ненцев.

В начале XX в. к хантам р. Вах неоднократно ездил из Тобольска Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников. Он собирал сведения по географии, этнографии, языку ханты, активно сотрудничал с Тобольским губернским музеем и печатался в его «Ежегоднике».¹⁷⁰ В 1913 году участвовал в экспедиции музея в долину р. Вах под руководством Б. Н. Городкова. Позднее участвовал в исследованиях рек Полуй и Надым. Он сделал научное описание Надымского городища, собрал на его территории первую коллекцию находок, но в то время его труды остались незамеченными.¹⁷¹ В небольших путевых очерках он дает описание культовых мест, приводит краткие сведения о шаманах, духах и некоторых поверьях. Материалы о хозяйстве имеют более частный характер.¹⁷² В конце 1918 года в газете «Тобольское народное слово» появился его очерк «В низовьях Оби», в котором уже в беллетристической форме описана наиболее трудная и опасная начальная часть пути по бурной Оби от Хе до устья Надыма. Сохранились и полевые дневники Дмитриева-Садовникова – как надымской, так и полуйской экспедиции.

¹⁶⁹ Носилов К. Д. О самоедах. // Православный благовестник. 1894; он же: Могила шамана. // Пб. 1898а; он же: Плясовая изба самоедов. // Пб. 1898б; Из путешествия на полуостров Ямал. Спб. 1892; он же: История одного самоеда // Русская мысль. – Кн. 4 и 5. 1896; он же: В снегах: Очерки и рассказы из жизни северных инородцев. М.: Изд-во Д. И. Тихомирова. 1900. Переизд. 1903, 1907, 1910, 1912, 1913, 1915, 1916; он же: Среди наших инородцев: Очерки и рассказы. – Спб.: Изд-во журнала Родник. 1903; он же: Из путешествий по дальнему Северу. – Спб.: изд-во журнала Родник. 1904—1905 и др.

¹⁷⁰ Дмитриев-Садовников Г. М. Лук ваховских остяков и охота с ним // Ежегодник Тобольского Губернского Музея. Тобольск, 1915. Вып. 24, № 2. С. 1—22.

¹⁷¹ Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым // ЕТГМ. 1918. Вып. 28.

¹⁷² Дмитриев-Садовников Г. М. С реки Ваха Сургутского уезда // ЕТГМ. 1911. Вып. 19; он же: Береста и изделия из него у остяков реке Ваха // Живая старина. 1916. № 1—7; он же: Река Надым // ЕТГМ. 1918. Вып. 28.

К числу наиболее глубоких комплексных работ по реконструкции религиозных традиций ненцев можно отнести труд финского исследователя Тойво Вильхо Лехтисало (Lehtisalo Toivo Vilho).¹⁷³ Он отличается насыщенностью фактического материала, затрагивает множество явлений природы, общественной жизни, идеологии, быта и нравов. Его почти четырехлетняя экспедиция (1911—1914 гг.) охватила обе крупные этнографические группы ненцев – северную и восточную. Исследователь посещал священные места, присутствовал на камлании шаманов, осуществлял фотосъемку предметов религиозного культа, шаманского ритуала. Результатом его экспедиции стало богатейшее собрание шаманских текстов, многие из которых исполнялись во время ритуальных действий. В период экспедиции по тундре Т. Лехтисало старался глубже познакомиться с мировоззрением ненцев.

Это первая целостная картина религиозной жизни ненцев, занимающая достойное место среди других исследований. Его книга целиком посвящена традиционной духовной культуре ненцев. Свои выводы он базирует исключительно на этнографических материалах, хотя частично привлекает и сведения фольклорного характера. На основе собранного материала он попытался показать главные черты религии ненцев. Т. Лехтисало признается, что он «ограничился по возможности описательным способом изложения. И здесь вполне возможны ошибки, т.к. не было достаточно сравнительного материала».¹⁷⁴

Т. Лехтисало останавливается на наиболее спорных вопросах, касающихся религиозных представлений ненцев. Таковыми исследователь считает процесс складывания сложной иерархии многочисленных ненецких божеств, добрых и злых; вопрос о формировании и роли шамана. Кроме того, в его работе дается описание священных мест, роц, озер, которые исследователь разделяет на семейные и родовые; пишет о молениях и порядке жертвоприношения.

Отдельная глава исследования посвящена культуре «Нга», в котором прослеживается его развитие и трансформация в божество зла в поздний период. В целом Т. Лехтисало дает традиционную трактовку этого божества как высшего злого духа. Он выделяет единственный признак отличия божества Верхнего мира от божества Нижнего мира. По его мнению, первый свободен и индивидуален, в то время как божество подземного мира зависим. Он только с «разрешения Нума... может положить конец жизни человека».¹⁷⁵ Изучая религиозные традиции ненцев, Т. Лехтисало обратил внимание на восприятие крещеных шаманов внешней ритуальной стороны православия, проникновение христианских элементов, сюжетов в обряды. В целом, его интересы лежали в области реконструкции традиционного мировоззрения ненцев. В иерархии сил, влияющих на их жизнь, исследователь несомненным приоритетом награждает духов леса, воды, домашних духов, высших и низших демонических существ и т. д.

Особого внимания заслуживает рукописная работа Иннокентия Николаевича Шухова, исследовавшего Обдорский край в 1911 г., и хранящаяся в фондах Омского государственного архива. Ценность ее состоит в приложенных фотографиях местности и населения.¹⁷⁶ Автор в своих путевых записях анализирует особенности топографии, климата, растительного и животного мира Обдорского Севера, большое внимание уделяет религии, быту и нравам местного населения, в том числе и ненцев. Описаны костюмы хантов (остяков) – мужчин, женщин и детей, их жилища, пища. Последняя состоит, главным образом, из рыбы в сыром, вяленом и вареном в рыбьем жиру виде. И. Н. Шухов в Березовском уезде Тобольской губернии собрал богатейшую коллекцию предметов быта и шаманского культа хантов (остяков),

¹⁷³ Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск, 1998; Lehtisalo T. Entwurf einer Mythologie der Jurak-samojeden //Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. 1924. Vol. 53; онже: Jurako-samojedische Volksdichtung // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. 1947. Vol. 90.

¹⁷⁴ Лехтисало Т. Указ. Соч. С. 7

¹⁷⁵ Лехтисало Т. Указ. Соч. С. 38

¹⁷⁶ ГАОО ф. 347 оп. 1 д. 3

коми-зырян, ненцев (самоедов), которые пополнили этнографические представления о народах Севера Западной Сибири.

Вопросы истории православия в Березовском крае рассматривались в статьях и отчетах миссионера Ивана Семеновича Шемановского (о. Иринарх), который «в свое 13-летнее служение в Обдорске хорошо изучил нравы и обычаи инородцев».¹⁷⁷ Это чисто краеведческие работы. В них он большое внимание уделил описанию быта, нравов, обычаев, основных хозяйственных занятий коренного населения, записал несколько легенд и преданий. Написаны они на основе исторических справок и выписок из церковных летописей, предоставленных священниками, а также своих собственных наблюдений и заметок, сделанных во время поездок в селения и стойбища коренного населения. Он подходил к проблеме с точки зрения истории церкви как «истории ее святости», списывая все трудности миссионерства на упрямство и дикость язычников, распространяя на «святых» отцов церкви ореол мученичества.

В течение пяти лет, путешествуя по тундре, архимандрит Вениамин (Смирнов Василий Никифорович) изучал язык, быт и верования ненцев. Им был написан ряд работ, посвященных религиозным традициям ненцев, но они подаются с православно-обличительных позиций.¹⁷⁸ В своих отчетах и очерках он подробно описывает ненецкие святилища и культовые скульптуры, пытается также описать пантеон верховных божеств, пережитки различных культов, рассмотреть образы духов. Шаманские действия о. Вениамин считал делом дьявола, а самих шаманов его слугами. Но он понимал важность знания традиционных верований того народа, среди которого ему нужно было насаждать христианское вероучение. Его материалы по ненецкому шаманству, хотя и несколько тенденциозные, являются существенным дополнением к имевшимся ранее. Однако ввиду отсутствия у него профессиональной этнографической подготовки реконструировать более или менее достоверную картину традиционного мировоззрения ненцев ему не удалось.

В 1891 г. выходит в свет книга Николая Михайловича Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение».¹⁷⁹ Вскрывая тяжелое положение народов Сибири, обличая политику правительства, автор хотел пробудить в сибирском обществе недовольство зависимостью Сибири от России и видел в этом одно из средств воспитания «сибирского патриотизма». Рассматривая политику царизма в Сибири достаточно критически, Н. М. Ядринцев практически во всех своих работах старался указать некую ущемленность региона в составе России, на его неполноправный статус. Неслучайно одна из крупнейших его работ, изданная ко дню трехсотлетия Сибири, получила красноречивое название «Сибирь как колония».¹⁸⁰ Этот ценный труд по изучению исторического опыта заселения, хозяйственного и культурного освоения региона не утратил научной значимости и по сей день. В нем показаны природные условия, экономика, система управления, культура и общественная жизнь региона, даны характеристики различных категорий населения: крестьян, аборигенов, ссыльных, чиновников и интеллигенции. В изложении Н.М.Ядринцева органично сочетаются прошлое и настоящее, история и современность. Поднятые Н. М. Ядринцевым вопросы о взаимоотношениях центра и отдельных регионов, их самоуправления и охране природных богатств, межнациональных отношениях и противоречиях, судьбах малочисленных народов Азиатской России актуальны

¹⁷⁷ Шемановский И. В дебрях крайнего северо-запада Сибири. //Православный благовестник, 1909. №1—12; Он же: История Обдорской духовной миссии (1854—1904), //ПБ. 1905. №1—16; Там же. 1906. №1—5.

¹⁷⁸ Вениамин, архимандрит (Смирнов). Самоеды мезенские //Вестник РГО, 1855, Ч. 14; он же: О Вайгаче и самоедском идоле // Сын Отечества. 1828. Ч. 35; он же: Обращение в христианство мезенских самоедов: Зап. архим. Вениамина // ХЧ. 1850. Ч. 2. С. 363—384, 410—443; 1851. Ч. 1. С. 64—84.

¹⁷⁹ Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы: их быт и современное положение. Спб. 1891

¹⁸⁰ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири, ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, 2000. Т. 1.

и в настоящее время. Актуальны не только для сибиряков и россиян, но и для жителей других стран.

Н. М. Ядринцев выдвинул гипотезу о вымирании северных народов, которое получило развитие в труде профессора Казанского университета Аркадия Ивановича Якобия «Угасание инородческих племен Севера».¹⁸¹ Автором была предпринята попытка теоретически обосновать «неизбежность угасания» северных народов. Профессор А. И. Якобий исследовал на Тобольском Севере причины вымирания коренных жителей. В своих докладах «Братству имя великомученика Димитрия Солунского» он отмечал, что причина угасания северных народов в ужасающих условиях жизни, крайней нищете, и зависимости от торговцев: «Часто торговцы так обируют инородцев, что буквально овладевают ими как рабами».¹⁸² Для устранения этого нужна благотворительность как духовная, так и материальная. С помощью миссионерских станов А. И. Якобий предлагал оградить малочисленные народности от захвата их территорий, а также природных ресурсов со стороны не только частных лиц, но и администрации регионов их проживания.¹⁸³

Летом 1896 г. Луговской Лев Евграфович был командирован начальником губернии в северные округа в составе комиссии для врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений по рр. Иртышу и Оби. Отчет о проделанной работе он опубликовал в «Ежегоднике Тобольского губернского музея».¹⁸⁴ В том же году он был назначен в состав комиссии для ревизии делопроизводства, отчетности и документов по организации санитарно-медицинской части и санитарного надзора в рыбопромышленных заведениях Тобольской губернии.

Сведения о районах кочевания, численности, родовом составе, межэтнических отношениях и особенностях общественно-экономического уклада сибирских тундровых ненцев, а также их соседей (в первую очередь, северных хантов) содержались в работах Николая Лукича Скалозубова,¹⁸⁵ Василия Никифоровича Тарасова.¹⁸⁶

Во время поездки по Березовскому краю Н. Л. Скалозубов вел дневник, где приводил сведения об условиях проживания и хозяйстве ненцев, хантов и коми-зырян, описывал особенности быта, развитие грамотности, отношения с русскими, внутригрупповые и семейные отношения, оленеводство, промыслы, торговую деятельность. В 1913 г. В. Н. Тарасов, хорошо знавший местные условия и языки северных народов, пять месяцев провел в тундровом составе экспедиции ветврача С. И. Драчинского, искавшего причину падежа оленей, а позднее участвовал в экспедиции ветврача А. Н. Чеботарева. В отчетах экспедиций охарактеризовано состояние оленеводства на севере.

В дореволюционный период был накоплен значительный фактический материал, многочисленные статистические данные о культурно-просветительных учреждениях, населении севера. Собраны этнографические сведения о коренных народах Северо-Западной Сибири. Для дореволюционного этапа характерно не только выявление новых источников и накопление сведений о традициях, жизни хантов, ненцев, коми-зырян и русских, но и миссионерской деятельности в северных регионах Западной Сибири. В целом, дореволюционные авторы

¹⁸¹ Якобий А. И. Угасание инородческих племен Севера, Спб. 1893; он же: Остатки северной части Тобольской губернии // ЕТГМ, 1898. Вып. 9. С. 14

¹⁸² Отчет о деятельности Братства св. великомученика Димитрия Солунского за 1894—95 год. Тобольск, 1895. С. 18

¹⁸³ Якобий А. И. О миссионерском стане в стране Надыма и о возможной постановке христианской миссии в странах русского инородческого севера. Тобол. епарх. братства, 1895

¹⁸⁴ О поездке на север Тобольской губернии летом нынешнего года с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений // ЕТГМ. 1897. Вып. 7; он же: Легенда, связанная с двумя остяцкими идолами из коллекции принадлежностей шаманского культа в Тобольском Губернском Музее // ЕТГМ. 1894. Вып. 2. С. 3.

¹⁸⁵ Скалозубов Н. Л. От Тобольска до Обдорска: (Из путевого журнала) // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1907. Вып. 26, N 2. С. 1—18.

¹⁸⁶ Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С. И. Драчинского в 1913 году. // ЕТГМ. 1916

оценивали, прежде всего, особенностей хозяйственного развития и управления территории, придавая приоритетное значение геополитическому положению северу Западной Сибири. Их труды аккумулировали огромный материал об опыте колонизации Западной Сибири и поэтому не утратили актуальности до сего дня.

Советский период

При анализе советской историографии мы стараемся более взвешенно и объективно рассмотреть ее развитие, выделить действительно глубокие исследования, обогатившие мировую историческую науку. В историографии период 20-60-х гг. – это период накопления фактического материала и изучения отдельных вопросов, в основном, этнографами.

С 1914 до начала 1920-х годов научные исследования на территории проживания северных народов были приостановлены, что было связано с войнами и революцией. Новый всплеск исследовательской деятельности приходится на 1920-е – начало 1930-х годов. Во второй половине 1920-х годов проводится целая серия экспедиций по северу Сибири, посвященных вопросам освоения северных территорий Западной Сибири. В эти же годы Академия наук возродила геологические поиски во внутренних районах Сибири. В результате проведенных исследований появляется целый ряд работ описательного характера, а также ряд статей, затрагивающих религиозные традиции северных народов. Литература 1950-1960-х гг. затрагивает небольшое число этносов и, как правило, содержит самые общие сведения о них. В 1970-1980-е гг. выходили весьма содержательные работы по истории и этнографии народов Сибири, которые не были посвящены межэтническим отношениям специально, но, так или иначе, рассматривали их.

Вклад в изучение традиционной культуры коренного населения Обдорского Севера и коми-зырян внес лингвист, этнограф, историк, фольклорист Георгий Афанасьевич Старцев. Он автор более 40 работ по истории, этнографии и лингвистике ненцев, хантов, манси и коми.¹⁸⁷ Из его работ следует отметить книги «Самоеды»,¹⁸⁸ «О зауральских зырянах»,¹⁸⁹ «Остяки: Социально-этнографический очерк»¹⁹⁰. В них он рассматривал жизнь и быт, религиозные традиции коренного населения, описывая их ритуальные действия по случаю удачной охоты, пополнения стада и т.д. Как ученый Г.А. Старцев не был аналитиком. Все его работы в большей степени носили, с одной стороны, характер добросовестных сводок доступных ему литературных данных, а с другой стороны, в них достаточно много личных полевых материалов. В этих работах он больше ставил проблемы, нежели приближался к их разрешению.

В целях комплексного изучения внутренних районов Ямала в начале 1900 годов туда была направлена экспедиция под руководством Бориса Михайловича Житкова. Экспедиция провела на севере лишь весну и лето, однако сумела объехать на оленях весь Ямал, провести топографическую съемку, метеорологические наблюдения, собрать большие коллекции местных растений, животных, предметов ненецкого быта, которые по решению Совета Императорского Русского Географического Общества были переданы Московскому университету. Уникальность этой экспедиции состоит в том, что она сопровождалась документальной съемкой, которая в настоящее время позволяет увидеть жизнь и быт оленеводов начала XX в. В резуль-

¹⁸⁷ Старцев Г. А. Свадебные причитания зырян. //Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л. 1926; он же: Некоторые данные о браке и свадьбе остяков. //Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л. 1926; он же: О зауральских зырянах. //Коми Му. 1926. №1—2; он же: О влиянии самоедов на ижемских зырян (язык и быт). //Коми Му. 1926. №11;

¹⁸⁸ Старцев Г. А. Самоеды. (Ненча). Л. 1930

¹⁸⁹ Старцев Г. А. О зауральских зырянах. //Коми му – зырянский край, Сыктывкар, 1926, №1—2, С. 46—50

¹⁹⁰ Старцев Г. А. Остяки: Социально-этнографический очерк, Л. 1928

тате проведенных исследований появляется книга.¹⁹¹ В своей работе Б. М. Житков дает характеристику населения, рассматривает культурно-бытовые и торговые взаимоотношения ненцев с русско-зырянским населением, отмечает взаимовлияния их языков, определяет особенности оленеводства коми-зырян, приводит данные по религиозным традициям и сведения о культовых и священных местах.

В 1923—1924 гг. по инициативе Бориса Николаевича Городкова была проведена одна из первых крупных советских экспедиций в Обско-Тазовский водораздел, считавшийся непроходимым в летнее время. До революции вопрос о его исследовании даже не ставился. В ходе экспедиции были впервые составлены карты бассейнов рек Агана и Пура, собраны первые обширные сведения о природе, ресурсах и населении этого края, приобретена богатая коллекция по этнографии хантов и лесных ненцев. В 1924—1926 гг. Б. Н. Городков руководил Северо-Уральской экспедицией АН и «Уралплана», оставившей заметный след в истории географических открытий и в исследовании геологических, минеральных, почвенно-растительных и прочих ресурсов Северного и Полярного Урала. Получены ценные материалы по геологии, почвам, растительности, вечной мерзлоте, а также этнографические сведения. Основные результаты экспедиции были изложены Б. Н. Городковым в ряде статей и очерков.¹⁹²

В ходе Ямальской экспедиции 1928—1929 гг. под руководством Владимира Петровича Евладова были детально исследованы особенности тундрового оленеводства, традиционный образ жизни, семейно-брачные традиции и духовная культура ненцев.¹⁹³ Были проведены первые топографические съемки ряда внутренних районов Ямала, детально описаны сезонные места расселения, пути кочевков ненцев, оленеводство, морской зверобойный и охотничий промыслы, культура и быт, традиционные социально-экономические отношения. Он первым установил факт разделения ненецких родов — «еркаров» на 2 взаимобрачные половины – Вануйто и Окогэтта, узнал об археологических памятниках древних морских охотников-сиртя. Большой заслугой автора является также то, что он отходит от традиционной, несколько любительской позиции при изучении быта и культуры ненцев и пытается проанализировать материал с научной точки зрения. Сочинение В. П. Евладова является самой значительной и содержательной работой о ненцах начала 20-х гг. XX в., оно во многом дополняет и расширяет сведения, которые содержатся в трудах его предшественников.

Особенно интересны были сведения об обычаях, верованиях, народной медицине и нравственном облике ненцев, а также специальное исследование Леонида Васильевича Костикова, посвященное оленю, в котором он усматривал «таинственную связь между родом и животным определенной масти, являющимся покровителем рода».¹⁹⁴ Описывая обряд посвящения оленей божествам, автор особо останавливается на культе солнца: «пестрый олень с белым пятном-солнцем на лбу, – пишет Л. В. Костиков, – посвящался солнцу благодаря своей оригинальной окраске как не нуждающийся в дополнительных метах».¹⁹⁵ Образ оленя был широко распространен в мифологии ненцев, что свидетельствует о его немалой значимости. В мифологической структуре мироздания олень может представлять не только средний мир, но также и верхний, и нижний. Описание этих миров с населяющими их божествами и функциями также присутствуют в данной работе. О положении ненецкой женщины на Ямале содержится в статье Л. В. Костикова.¹⁹⁶

¹⁹¹ Житков Б. М. Полуостров Ямал. СПб., 1913

¹⁹² Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири// ИРГО. 1926. Т.58. Вып.2. С. 50—70; он же: Полярный Урал в верховьях рек Войкара, Сыни и Ляпина//Северный Урал. 1929. Вып.7.

¹⁹³ Евладов В. П. По тундрам Ямала. М., 1930.

¹⁹⁴ Костиков Л. В. Боговы олени в религиозных верованиях хасово. //Этнография. 1930. №1—2

¹⁹⁵ Костиков Л. В. Указ. Соч. С. 125;

¹⁹⁶ Костиков Л. В. Законы тундры //Труды Полярной комиссии АН СССР. 1930. Вып. 3

Однако изложенные автором материалы далеко не всегда подтверждают его собственный основной вывод (хотя бы о родственной связи человека с оленем). Приводимые Л. В. Костиковым данные о том, что представление ненцев основано на тотемизме, не убедительны. Характерно, что самому исследователю не удалось в полной мере реализовать намеченную им программу, как в силу ее изначальной эклектичности, так и в силу самого теоретического подхода, при котором традиционная культура выступает лишь как некий набор действий или артефактов.¹⁹⁷

В 1939 г. вышла в свет книга Л.В.Певговой, в которой она впервые дала описание 50 подвижных игр саамов, ненцев, хантов, эвенков, нанайцев, эскимосов, чукчей, коряков, долган.¹⁹⁸ Достоинством работы является то, что автор классифицировала все игры на три группы: игры, связанные с производством и бытом; спортивные игры; спортивные упражнения. Недостатком исследований Л.В.Певговой является то, что она, описывая и классифицируя игры разных народов Севера, не делает этнографических заметок об изготовлении инвентаря для игр, о том, где и на каких праздниках использовались эти игры.

В 1944—1945 гг. появляется диссертационное исследование А. Рейнсона-Правдина «Игра и игрушка детей Обского Севера».¹⁹⁹ В ней представлена обширная информация об игрушках хантов, манси, ненцев, а также некоторые сведения о традиционных играх этих народов. Но сведения об играх отрывочны и не раскрывают полностью систему воспитания детей посредством игр и состязаний.

Историография советского периода охватывает более широкий круг проблем, дающий представление об общей религиозной ситуации в Российской империи, о положении конфессий и государственной религиозной политике Советской России. Этот период характеризуется утверждением концепции воинствующего атеизма, когда основное внимание отводилось вопросам практической реализации декрета об отделении церкви от государства. История отдельных конфессий в СССР рассматривалась официальной исторической наукой с точки зрения классовой борьбы.

В реализации государственной антирелигиозной политики в 20-е-30-е гг. большую роль сыграла общественная организация Союз воинствующих безбожников (СВБ) и «безбожная» пресса.²⁰⁰ Наиболее активным автором из просветителей-атеистов того периода был Иннокентий Михайлович Суслов, основной темой работ которого стало «разоблачение классового врага, вредителя и обманщика – шамана». Этому посвящены работы И. М. Суслова с характерным для того времени названием «Шаманство и борьба с ним», «Шаманизм как тормоз социалистического строительства».²⁰¹ Он является автором многих научных трудов, касающихся не только географии, экономики, геологии, археологии, но и этнографии Крайнего Севера.²⁰²

Владимир Геннадьевич Карцов усиленно занимался сбором источников по истории христианизации северных народов, извлекал из архивов огромное количество материалов. Изучив документы, он дал объективную оценку миссионерской деятельности Русской православной церкви на Севере Западной Сибири.²⁰³ Работа интересна тем, что в ней раскрываются политика правительства в отношении религиозного мировоззрения северных народов, вза-

¹⁹⁷ Прокофьев Г. Н. Заметка о статье Л. Костикова «Боговы олени в религиозных верованиях хасово». //Этнография. 1930. №1—2. С. 133

¹⁹⁸ Певгова Л. В. Национальные игры детей народов Севера. Л., 1939.

¹⁹⁹ Рейнсон-Правдин А. Игра и игрушка народов Обского Севера: Дис. канд. ист. наук. М.; Л., 1944—1945.

²⁰⁰ Бакаев Ю. Н. Политика Советского государства в отношении религии, церкви и верующих: Опыт реализации и уроки (1917—1941). Хабаровск, 1992, С. 59

²⁰¹ Суслов И. М. Шаманство и борьба с ним. //Советский Север, 1931, №3—4; он же: Шаманизм как тормоз социалистического строительства // Антирелигиозник. Л., 1932. №7, 8, 11, 12, 14,17, 18.

²⁰² Суслов И. М. Охота у тунгусов //ОПС. 1927. №1.; он же: Социальная культура тунгусов // Сов. Азия. 1928. №1.

²⁰³ Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири, М., 1937; он же: Народы Сибири: очерки прошлого. М. Молодая гвардия, 1935

имоотношения церкви и государства. Им были подвергнуты обличению все методы христианизации, применявшиеся царским правительством и церковью с XVIII в. В. Г. Карцов указывал, что политика церкви не всегда носила мирный характер, но в XIX в. насилие исключается из средств и методов духовенства. Им были приведены интересные сведения о ритуальной практике хантов, священных местах, политике правительства в отношении религиозных традиций хантов, их взаимоотношения со священниками, противодействиях борьбе с религией в советское время.

К числу исследований посвященных разоблачению антигуманной деятельности русской православной церкви относится книга Иосифа Ивановича Огрызко.²⁰⁴ В отличие от других исследователей христианизации народов севера Западной Сибири, он использовал архивный материал, который изобилует фактами, свидетельствующими о насилии, произволе, вымогательствах и бесчинствах священников и миссионеров. На основании широкого круга источников и глубокого анализа источниковой базы предшественников И. И. Огрызко пришел к выводу о том, что миссионерами использовался широкий диапазон различных методов крещения, которые включали в себя как насилие, так и различные поощрения и льготы, предоставляемые принявшим православие. И. И. Огрызко отрицательно относился к насильственным методам христианизации, злоупотреблениям властей и духовенства.

К проблемам христианизации народов Сибири обратился Н. А. Свешников, продолжив исследование И. И. Огрызко.²⁰⁵ Он рассматривал причины, методы и степень проникновения христианства на север Западной Сибири, в том числе – влияние православия на жизнь и культуру ненцев. Н. А. Свешников отмечал слабые позиции церкви в среде новообращенных «иностранцев Сибири», которые формально принимали православие в угоду государственной политике христианизации, при фактическом сохранении верности своим религиозным традициям. В целом, как результаты, так и деятельность миссионеров оценивались автором негативно. В советской историографии миссионерская деятельность православной церкви среди народов Западной Сибири была подвергнута критической оценке ученым В. А. Кононенко.²⁰⁶

Изучению миссионерской деятельности на севере Западной Сибири посвятил свой труд А. Г. Базанов.²⁰⁷ Культурная миссия церкви, рассмотренная в работе о школах на севере Западной Сибири в XVIII в., предстает как набор насильственных методов. В работе приводятся примеры насильного увоза детей в миссионерские школы: «Православие должно вести борьбу не просто с чужой верой, но и с чужой национальностью, чтобы сделать их не только по вере, но и по национальности русскими. С этой целью миссионеры силой отбирали детей у родителей и отвозили их в церковные школы, где пытались привить им то, что они называли русской культурой».²⁰⁸ Особенно много внимания автор уделил работе Обдорской миссии. Привел данные о численности школ, учащихся в Обдорском крае, предметах, которые изучались, трудностях, с которыми сталкивались ученики и учителя. А. Г. Базанов сделал вывод о том, что миссионерские школы были средством распространения православия и служили целям угнетения, хотя в их деятельности и был положительный момент – обучение коренного населения письму и счету.

²⁰⁴ Огрызко И. И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л. 1941

²⁰⁵ Свешников Н. А. Христианизация народов нижнего Приобья // Ученые записки Енисейского государственного педагогического института. Енисейск, 1959; Он же: О переходе родовой общины в соседскую у народов Крайнего Северо-Запада Сибири. Л. 1959

²⁰⁶ Кононенко В. А. Влияние христианства на религиозные верования народностей Северо-Западной Сибири // Уч. зап. Ленингр. педагог. ин-та им. А. А. Герцена. 1971. Т.143

²⁰⁷ Базанов А. Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л. 1935; Базанов А. Г. Казанский Н. Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере. Архангельск, 1936

²⁰⁸ Базанов А. Г. Казанский Н. Р. Миссионеры и миссионерские школы на Архангельском Севере. Архангельск, 1936, С. 48

Совместно с Н. Р. Казанским выпустил книгу,²⁰⁹ в которой рассмотрены вопросы ликвидации неграмотности, организации и развития национальных школ на Крайнем Севере, деятельности комитетов Севера в области просвещения, а также дано описание географического расположения национальных школ по областям и округам Крайнего Севера СССР. Кроме того, в ней проанализированы проблемы, связанные с переводом обучения в северных школах на родные языки учащихся и введением всеобщего начального образования. В своих монографических работах им впервые был прослежен процесс просвещения коренного населения Крайнего Севера, выделены общие проблемы. Вместе с тем отмечены положительные аспекты развития северных школ: в этот период были определены основные принципы национальных школ, активно разрабатывались и публиковались учебники и методические пособия, планомерно шла подготовка специалистов для национальных школ, которые в процессе своего обучения знакомились с особенностями работы в северных школах.

Они сделали попытку теоретического комментирования исторического опыта деятельности православных духовных миссий на Тобольском Севере. Показано, что столкновение двух различных религиозных систем демонстрирует факты, позволяющие уверенно утверждать: взаимодействие национальных культур происходит по пересекающимся нормам сторон взаимодействия, когда восприятие христианства происходило лишь в той мере, в какой его символика, обрядность и риторика вписывались в систему языческих представлений, традиционного хозяйственного календаря и повседневного поведения аборигенов Севера.

Сегодня считаются классикой «Очерки по истории просвещения в Сибири» Н. С. Юрцовского.²¹⁰ В своем исследовании он описал общий ход развития образования в России, школьного дела в Сибири, в работе показаны не только школы, но и средние, и высшие учебные заведения, классические и профессиональные, промышленные и коммерческие. Однако Н. С. Юрцовский основной акцент делает на развитие образования в Западной Сибири. Труд Н. С. Юрцовского представляет большую ценность в связи с данной в нем общей характеристикой положения народного образования в Сибири. Заслугой автора стало привлечение обширного статистического материала, ранее практически не вводившегося в научный оборот.

Н. С. Юрцовский приходит к заключению о неизменном повторении тенденций, факторов, условий развития образования Сибири и Европейской части России, о том, что история просвещения Сибири неотделима от истории просвещения России. Тем не менее, он выделяет специфические особенности развития сибирской школы. По его мнению, отставание Сибири в развитии образования по сравнению с земскими губерниями России не являлось чертой сибирской специфики, учитывая, что и в Европейской России такое же соотношение отмечалось между земскими и неземскими губерниями. В свою очередь, существенный рост правительственных школ в Сибири начала XX века вполне сравним с развитием народного образования в других неземских губерниях и окраинах, что превышало рост развития образования в земских губерниях. Монографии Н. С. Юрцовского присуща выдержанность, объективность оценок. Эти выводы звучат актуально и в наше время.

Раиса Павловна Митусова за годы работы на Севере собрала уникальный материал по этнографии народов Сибири, часть которого до сих пор находятся в коллекции отечественных музеев. Основная цель поездки сотрудника Русского музея из Ленинграда Р. П. Митусовой на Тобольский север заключалась в сборе этнографической коллекции и проведении антропологических исследований. Она проявила глубочайший интерес к особому образу жизни коренных народов севера. Научная работа «Год среди лесного народа» вышла в 1929 г.²¹¹

²⁰⁹ Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л., 1939.

²¹⁰ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1923. Вып. I. Общий ход развития школьного дела в Сибири (1703 – 1917 гг.).

²¹¹ Митусова Р. П. Год среди лесного народа. //Вокруг Света. 1929. №9—15

Круг научных интересов Сергея Владимировича Бахрушина был чрезвычайно широк: от Киевской Руси до XIX в., от характеристик отдельных исторических личностей до широких полотен исторического развития России, от пропагандистских и популярных статей для массового читателя до академических капитальных исследований. Но при всей широте научных интересов С.В.Бахрушина главное место в его творчестве занимают труды по истории Сибири. Ей он посвятил более 40 работ, которые составили целый этап в советском сибиреведении. Наибольшую ценность представляет та часть работ ученого, в которой исследовались пути русских людей в Сибирь и события, приведшие к включению Севера Азии в состав Русского государства.

В работах «Остяцкие и вогульские княжества в XVI – XVII вв.», «Самоеды в XVII веке» он показал жизнь и быт местного населения на переломном этапе его развития.²¹² Характеризуя социально-административное устройство народов Северо-Западной Сибири в XVII в., С. В. Бахрушин первым поставил вопрос о соотношении системы административного деления народов Северо-Западной Сибири с их традиционной социальной структурой. В своих работах он широко использовал архивные, этнографические и другие источники. Первые крупные работы, посвященные начальному этапу русского заселения Сибири, были созданы крупнейшим знатоком истории Сибири С. В. Бахрушиным. Уже в первой своей работе по истории Сибири – «Очерки колонизации Сибири в XVI – XVII вв.» – он подробно исследует этапы проникновения русских в Сибирь и пути, которым оно осуществлялось.²¹³ С. В. Бахрушин отметил, что коренное население Западной Сибири уже давно знакомо с русскими, вместе с ними участвовало в освоении новых земель в XIV – XVII вв. В дальнейшем он уделил много внимания русскому населению сибирских уездов, специфике его хозяйства и быта, и обосновал свое понимание характера заселения русских Сибири в целом.²¹⁴

Большое значение для понимания духовной культуры ненцев имеют работы Григория Давыдовича Вербова.²¹⁵ В 1928 г. состоялась его первая экспедиция на острова Новая Земля и Колгуев. Интересные сведения по духовной культуре ненцев были собраны им в 1931—1932 гг., а в 1934 г. был опубликован материал по этнографии и языку лесных ненцев. В 1935—37 гг. ученый ознакомился с населением полуострова Ямал до пролива Малыгина, с районом побережья Гыдаямского залива и устья рек Надым, а в 1938—1939 гг. совершил большую экспедицию по изучению ненцев, начиная от западных притоков реки Пясины через всю занимаемую ненцами территорию до Белого моря. Большой интерес, прежде всего, как источник оригинального фактического материала представляют его записи о верованиях ненцев, посвященные представлениям о загробной жизни, шаманских мистериях, которые хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Петра Великого. Материалы эти очень ценны и во многом уникальны, что свидетельствует о высоком профессионализме Г. Д. Вербова как собирателя этнографической информации.

Крупной фигурой в плеяде отечественных североведов довоенного периода является Георгий Николаевич Прокофьев. В 1921 г. его командировали от Северной промысловой экспедиции для изучения ненцев (самоедов), сбора этнографических материалов и т. д.²¹⁶ В журнале

²¹² Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв.»; он же: «Самоеды в XVII в.», Научные труды, М. 1955, т. III, ч. 2

²¹³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М. 1955; Т. IV. М. 1959

²¹⁴ С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI – XVII вв. М., 1928, стр. 198; Он же. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. «Советский Север». М., 1929, стр. 66—97.

²¹⁵ Вербов Г. Д. Лесные ненцы. //СЭ, 1936, №2, С. 57—70; он же: Пережитки родового строя у ненцев, //СЭ, 1939, №2, С. 43—66; он же: О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. //ИВГО, 1943, Т. 75, вып. 5, С. 16—23

²¹⁶ Прокофьев Г. Д. Три года в самоедской школе // Советский Север. 1931. №7—8. С. 143—160; Он же. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. 1929. Т. 2. С. 365—373.

«Этнография» выходит научная статья об «остяко-самоедах» Туруханского края.²¹⁷ Г. Н. Прокофьев активно участвует в создании письменностей для народов Севера. Непосредственно им и под его кураторством была создана письменность для ненцев — сначала на латинице, а позднее и на кириллице. Им составлены первый ненецкий букварь «Edej Wada» («Новое слово»), первый самоучитель ненецкого языка, он опубликовал первые грамматические очерки ненецкого и селькупского языков.²¹⁸

Ведущим специалистом по археологии, этнографии и языкам хантов и манси в первой половине XX века был Валерий Николаевич Чернецов. В 1923—1925 гг., находясь в экспедиции на Северном Урале, он подолгу жил среди обских угров, выучил язык манси, собирал их фольклор. Главным объектом его внимания были манси и лишь частично ханты. В сфере мифологии В. Н. Чернецов исследовал родовых и фратриальных духов, представления о душе, культ медведя, связь угорской мифологии с востоком и наскальными изображениями Урала.²¹⁹ Большую ценность представляют и его дневники научных путешествий.²²⁰

В 1944 г. вышла в свет работа Андрея Александровича Попова, содержащая описание ненецкого шаманского костюма.²²¹ Основное внимание А. А. Попов уделял материальной культуре и религиозным верованиям изучаемых северных народов. Отличительной чертой его работы было стремление описывать виденное с максимальной точностью, со всеми подробностями, с приведением местных терминов.

Особый интерес для понимания культа «онгонов» северных народов Сибири и Дальнего Востока стала книга Дмитрия Константиновича Зеленина.²²² Для достижения своей цели автор подвергнул объективному научному анализу пережиток тотемизма у коренного населения, который предшествовал господствующему в Сибири шаманству. Он считал культ «онгонов» прямым преемником и наследником сибирского тотемизма. Особый интерес в работе представляет описание процедуры передачи болезни с человека на животное. Свои болезни ненцы передавали оленям, камням и деревьям. Это было настолько широко распространено и настолько обычно, что оно сохранилось и до наших дней в виде обыкновенного домашнего медицинского средства и в шаманских обрядах жертвоприношений. Д. К. Зеленин подробно рассмотрел культы религиозных и промысловых «онгонов», в которых, благодаря консерватизму религиозных традиций ненцев, проступали черты древнейшего тотемизма.

Традиционной духовной культуре ненцев посвятил свое исследование Лев Николаевич Гейденрейх.²²³ Им подробно были описаны свадебный и погребальный обряды, свидетелем, которых он был сам. Единообразную красочную свадебную церемонию у различных групп ненцев он объясняет ассимилированием коренного населения на рубеже I – II тыс. н.э., к середине II тыс. давшего единую этническую общность. Кроме того, автор дает подробное описание погребального обряда и предметов, отмечая наземный способ захоронения, которое ненцы переносили в глухие уголки тундры. В своей работе он также дал оценку роли шамана, раскрыл

²¹⁷ Прокофьев Г. Д. Остяко-самоеды Туруханского края // Этнография. 1928. №2. С.96—103.

²¹⁸ Прокофьев Г. Д. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Вып. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л., 1937. С. 5—52; Селькупский (остяко-самоедский) язык // Там же. С. 91—124.

²¹⁹ Чернецов В. Н. Жертвоприношения у вогулов // Этнограф-исследователь. 1927; он же: Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939, №2, 20—42; он же: Очерк этногенеза, обских угров // КСИИМК. М.-Л.; 1941. Вып. 9, С. 18—28; он же: К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. №6—7. 159—183; он же: Быт хантов и манси по рисункам XIX века П СМАЭ: М.-Л.: 1949. Т. 10, 7—33; он же: Представление о душе у обских угров // ТИЭ, нов. сер. М. – Л.: АН СССР, 1959. Т. 51. 114—156.

²²⁰ Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987

²²¹ Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки). // Изв. ВГО. 1944. №2—3

²²² Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. Л. 1936

²²³ Гейденрейх Л. Канинские ненцы. // Советский Север. М. 1930. №4. С. 24—38

иерархию духов и божеств, ввел в научный оборот богатый материал о религиозных традициях ненцев.

В послевоенный период исследования отдельных вопросов этнической истории населения региона, проблем русской колонизации и некоторых вопросов духовной культуры шорцев и северных алтайцев были проделаны З. Я. Бояршиновой, Б. О. Долгих и других ученых.

Начало нового этапа развития исторического сибиреведения, было связано с именем Бориса Осиповича Долгих. С 1954 года он возглавлял сектор этнографии народов Севера Института этнографии АН СССР, занимался изучением современного развития хозяйства, быта и культуры народов Севера. В 1960 г. вышел капитальный труд Б. О. Долгих «Родовой и племенной состав народов Сибири вXVIIв.»,²²⁴ явившийся результатом тщательного изучения многочисленных архивных материалов, относящихся к этому периоду. Подробно освещена этнотерриториальная особенность сибирских уездов, родоплеменной состав и социальная организация аборигенного населения, его динамика роста и расселение. Большое внимание уделял Б. О. Долгих углубленному изучению сложной социальной структуры, соотношению административных и кровных родов, специфике соседско-территориальных и родственных общинных объединений.

Монография Зои Яковлевны Бояршиновой заложила добротную основу изучения формирования населения и расселения в Приобье, показав, в частности, формы взаимодействия в этом процессе русского и нерусского населения района, способы сочетания индивидуального и коллективного начал в образовании аграрных поселений.

О развитии хозяйства и культуры северных народов в условиях совместной жизни с русскоязычным населением прекрасно свидетельствуют материалы коллективного труда серии «Народы мира»: «Народы Сибири», «Историко-этнографический атлас Сибири».²²⁵ В монографии «Народы Сибири» в разделе «Ненцы» с использованием материалов Г. Д. Вербова рассматривается религиозное мировоззрение ненцев. Прямым результатом развития исторической науки в Сибири и одним из этапов разработки проблемы в этот период был выход в свет многотомной «Истории Сибири», в третьем томе которой раскрываются вопросы культурно-просветительной деятельности, литературы и театра. Для работы над этим изданием привлекались ученые из всех сибирских вузов.²²⁶

Исследованию материальной и духовной культур ненцев, ханты, манси, истории их формирования как этнических общностей посвятили свои труды В. И. Васильев, В. М. Кулемзин, Г. И. Пелих, Л. В. Хомич, Ю. В. Симченко, Н. В. Лукина, З. П. Соколова и др.

Людмила Васильевна Хомич, известный специалист по этнографии ненцев, внесла существенный вклад в изучение религиозных традиций. Она была первым исследователем, завоевавшим доверие оленеводов, получившим возможность лично наблюдать и фиксировать их повседневную жизнь, быт и обряды. Благодаря ее профессионализму и активности удалось собрать материал по родовым пережиткам, религиозным представлениям, погребальным обрядам; были записаны также поверья, приметы и обряды, связанные с охотничьими и рыболовными промыслами, а также другие жанры народного творчества: «ярабцы», «хынабцы», «сюд-бабцы», «тадибе се».²²⁷ В работе «Влияние христианизации на религиозные представления и культы ненцев»²²⁸ Л. В. Хомич делает вывод, что причина неуспеха христианизации ненцев

²²⁴ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в ХУП в. М. 1960,

²²⁵ Народы Сибири (ред. М. Г. Левин и Л. П. Потапов). М. 1956; Историко-этнографический атлас Сибири, (ред. М. Г. Левин и Л. П. Потапов). М. 1961

²²⁶ История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л. 1968, Т. 1—5

²²⁷ Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М., Л. 1966; Она же. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л. 1976; Она же. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб. 1995

²²⁸ Влияние христианства на религиозные представления и культы ненцев //Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л., 1979. С. 12—28

заклучалось в уровне их общественного и хозяйственного развития. Низкий уровень хозяйственного развития соответствовал шаманистским воззрениям и культу. Христианская религия, являющаяся развитой классовой, была непонятна ненцам, как и другим народам Крайнего Севера.

Владимир Иванович Васильев в монографии «Проблемы формирования северо-самодийских народностей»,²²⁹ используя новейшие данные по этнографии, антропологии, языку и фольклору, показал становление и развитие культурных связей самодийских народов с другими этническими группами и русским населением. Он проследил этническое развитие северных народов на протяжении трех столетий. Объектом его исследований являются проблемы формирования и развития ненцев, историческая судьба которых тесно связана с русскоязычным населением и другими этносами. Автор в своих работах показал, как на протяжении XVIII и особенно XIX вв. наряду с военными столкновениями, набегами на чужие территории шел процесс культурного взаимовлияния, благодаря смешанным бракам развивались языковые контакты, в хозяйствовании происходили крупные изменения, в результате которых оленеводство стало играть главную роль. По материалам В. И. Васильева видно, как длительные культурные и языковые контакты, культурно-бытовое сближение ненцев, северных хантов, коми-зырян и русских Обдорского края способствовали синтезу нескольких культур в единую общность – обдорское население.

В 1976 году выходит монография Юрия Борисовича Симченко «Культура охотников на оленей Северной Евразии», в которой на основе широкого круга источников (этнографических, письменных, лингвистических, фольклорных, археологических) дана этнографическая реконструкция доолленеводческой культуры древнего населения тундровой зоны Северной Евразии.²³⁰ В своей работе он делает анализ взаимовлияния и взаимодействия культур северных народов, который предоставляет возможность говорить о сходстве культур. В качестве основных специфических элементов культур северных народов им были выделены следующие: тундровые способы добычи, сложные в изготовлении орудия промысла – лук и лодка, основные предметы быта – жилище и одежда, черты общественного устройства, представления о мироздании.

Изучением истории Северо-Западной Сибири в XVIII—первой половине XIX в. занималась Нина Адамовна Миненко, затронувшая сложные вопросы, связанные с продвижением на восток русских землепроходцев, их взаимоотношениями с коренными жителями Сибири, учреждением местных органов управления, организацией сбора податей и повинностей, – прежде всего ясака.²³¹ Н. А. Миненко рассмотрела не только вопросы хозяйственных занятий народов Сибири, особенности их обрядовой жизни, но и проблему взаимодействия религиозных традиций коренного населения и церкви, связанной с деятельностью духовных миссий. Она проанализировала социально-политический строй и культурный уровень коренного населения, чтобы ответить на вопрос, почему ханты подвергались христианизации и русификации в большей степени. По ее мнению, крещение северных народов стало этапом в процессе развития культурного взаимодействия между русскоязычным и коренным населением. Отметила развитие торговых отношений русско-зырянского населения с коренными народами севера Западной Сибири, административное деление и систему управления крупных населенных пунктов.

Обстоятельно изучено Н. А. Миненко русское население Обского Севера. Хотя автор не ставила специальную задачу анализа также и расселения, однако фактически работа содержит достаточный материал для представления о размещении населения. При этом данная

²²⁹ Васильев В. И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М. 1979

²³⁰ Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976

²³¹ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX века. Новосибирск, 1975

проблема рассмотрена в тесном переплетении с проблематикой особенностей хозяйственного уклада, социального и семейного строя «русских старожилов» Нижнего Приобья. Особая роль торговли, выступавшей «не только для купцов, но и для... представителей других сословных групп» определила, с одной стороны, крайне высокую концентрацию русского населения в городах Березове и Сургуте, а с другой – расселение относительно небольшими группами, равномерно и, соответственно, на огромных расстояниях друг от друга, размещенных по всей протяженности долины Нижней Оби.

Из специалистов, занимающихся этнографией ханты, следует отметить работу по материальной культуре Надежды Васильевны Лукиной,²³² по религиозным представлениям труд Владислава Михайловича Кулемзина «Человек и природа в верованиях хантов».²³³ Социальной организации посвящена монография Зои Петровны Соколовой «Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.».²³⁴

В работах Зои Петровны Соколовой рассмотрены вопросы происхождения угров, их этническая история, материальная культура, социальные отношения, религиозные верования и культы, а так же некоторые аспекты духовной культуры.²³⁵ Она подробнейшим образом описывает типологию жилища, связывает архитектурную форму постройки с мировоззрением и мифологией народов Сибири.²³⁶ З. П. Соколова анализирует изображения умерших, приводит данные о женских и мужских священных местах. Ей принадлежат и обобщающие работы, посвященные погребальной и свадебной обрядности в коллективных трудах.²³⁷ Несколько описательных и аналитических работ З. П. Соколовой, относятся к погребальному обряду отдельных групп северных хантов. Важный вклад внесла З. П. Соколова и в изучение таких феноменальных явлений обско-угорской этнографии, как культ медведя и медвежий праздник. Опираясь на труды своего учителя В. Н. Чернецова, она показала сложность происхождения этого культа, впитавшего в себя религиозные представления разных периодов (фратриальный тотемизм, промысловый культ, почитание высшего божества Нуми-Торума, представления о культурном герое и др.), и превращение этого культа в зоолатрический, при этом на материалах не только обских угров, но и других народов Евразии. Она продолжала исследования В. Н. Чернецова, рассматривавшего формирование культуры хантов и манси как результат слияния аборигенных северных и пришлых южных племен. По этой тематике ею написаны яркие статьи о культе лягушки, происхождении манси, происхождении обычая ношения платка как женщинами, так и мужчинами, о феномене сочетания северных и южных черт в культуре.

Основная часть опубликованных работ другого известного ученого Владислава Михайловича Кулемзина касается традиционных верований хантов, вопросов шаманизма, погребальной обрядности, изображений умерших, которые близки и порой переплетаются с обрядами и мировоззрением манси.²³⁸ Работы В. М. Кулемзина написаны по материалам восточных хан-

²³² Лукина Н. В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов. //Культурные традиции народов Сибири. Л. 1986; она же; Кулемзин В. М. Лукина Н. В. Знакомьтесь: Ханты. Новосибирск. 1992

²³³ Кулемзин Н. В. Человек и природа в верованиях хантов. Томск. 1984

²³⁴ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов. //Общественный строй у народов Северной Сибири. М. 1970; она же; Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М. 1983

²³⁵ Соколова З. П. Ханты и манси //Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. М., 1980; она же; Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М. 1983

²³⁶ Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М. 1998

²³⁷ Народы Западной Сибири. М. 2005

²³⁸ Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984; он же: Представления восточных хантов о живых и неживых предметах // Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. Вып. 19. 234—239; он же: Об изображении умерших у северных хантов // Материалы по этнографии Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1972. 93—98; он же: Обряды перевода из реального мира в потусторонний у народов Западной Сибири в XVII – XX вв. // Очерки культуры народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 334—422.

тов.²³⁹ В книге «Человек и природа в верованиях хантов» даны описание и анализ представлений о жизненных силах, сверхъестественных существах, о живых и неживых предметах, об общем жизненном пути человека, его болезнях и смерти, а также об окружающем мире; рассмотрены промысловые культы и погребальный обряд. Свои исследовательские задачи автор видит в том, чтобы дифференцировать религиозные представления хантов на более ранние и более поздние, вычленив в них доанимистические взгляды.²⁴⁰

Основные элементы традиционного мировоззрения манси и хантов были систематизированы Надеждой Васильевной Лукиной в предисловии к публикации обско-угорского фольклора к книге «Мифы, предания и сказки хантов и манси».²⁴¹ В предисловии дается краткий очерк цельной системы религиозных верований обских угров и общая характеристика их фольклора с анализом публикуемых текстов. Вместе с комментариями это раскрывает мифологическую традицию хантов – содержание и структуру основных мифов, перечень и функции главных мифологических личностей, их имена и связанную с ними обрядность.

В исследованиях Виктора Андреевича Зибарева рассматриваются административно-судебное устройство и гражданско-правовой быт коренного населения.²⁴² Изучая книги для записи приговоров по разбирательству тяжб, споров и проступков коренного населения Обдорской остяцкой и самоедской управ 1881—1901 гг., автор выявляет недостатки правовых отношений между русским и коренным населением, например в вопросе о землепользовании.²⁴³

Заметным вкладом в изучение шаманских атрибутов стали подробные очерки Екатерины Дмитриевны Прокофьевой о шаманских бубнах и особенностях костюмов народов Сибири.²⁴⁴ Большой интерес представляет работа Е. Д. Прокофьевой, посвященная шаманским бубнам, которые были важным атрибутом шаманов у народов Сибири. Как справедливо отмечает автор, исследования бубнов имеют значение как для понимания исторических связей между народами севера, так и для изучения развития религиозных представлений этих этносов. Изучение шаманских костюмов народов Сибири дает ценный материал для выявления путей формирования северных народов. Ее работы содержат не столько исторический анализ предназначений шаманских атрибутов, сколько являются ценными непосредственными сведениями деятельности шаманов.

Несомненный вклад в историю и этнографию коренных народов Севера и Дальнего Востока внес Сергей Васильевич Иванов, который посвятил себя изучению изобразительного творчества, в первую очередь – религиозной скульптуры народов Сибири.²⁴⁵ В своей монографии он ввел в науку малоизвестный материал, дал краткую характеристику религиозной скульптуре северных народов, выявил семантику и ее типы, раскрыл ее роль и значение в жизни этноса, и показал значение ее как исторического источника. Наиболее полно сюжетный рисунок и скульптура хантов и ненцев рассмотрены в его книгах. В фундаментальном труде С. В. Иванова «Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начало

²³⁹ Кулемзин В. М. Шаманство васюгано-ваховских хантов (конец XIX-начало XX века) // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3—154; он же: Материалы по шаманскому костюму хантов // СЭ. 1978. №2.

²⁴⁰ Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984

²⁴¹ Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М.: Наука, 1990

²⁴² Зибарев В. А. Об изучении управления малых народностей Севера в царской России // Соавт. В. Г. Марченко // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973; он же: Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX вв.) // под ред. И. С. Вдовина; Томск, 1990; он же: К вопросу об административном устройстве малых народностей Севера в дореволюционной России // Соавт. В. Г. Марченко // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978

²⁴³ Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901 гг.) Из истории обычного права и суда обдорских ненцев и хантов конца XIX-начала XX в. Томск, 1970.

²⁴⁴ Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны. // ИЭАС. М.-Л. 1961; Она же: Шаманские костюмы народов Сибири. // МАЭ XXVII. Л. 1971

²⁴⁵ Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX вв. Л. 1970

XX в.» представлено и проанализировано огромное количество образцов рисунков, выполненных в различных этнических традициях.²⁴⁶ В работе «Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.)» изучены в соотнесении с археологическими материалами формы и виды орнаментальных узоров, характерных для традиций декорационного искусства народов Сибири.²⁴⁷

В 1979 г. вышла книга Аркадия Дмитриевича Евсюгина, основанная на архивных и литературных материалах, а также свидетельствах информаторов о старинных обычаях и верованиях ненцев.²⁴⁸ Собранные им материалы, свидетельствуют о том, что архаические религиозные представления у них частично утрачены, а частично отошли в область воспоминаний. Так, например, представления, связанные с промысловыми церемониями, приобрели расплывчатый вид. Семейные духи-хранители отчасти утратили свой статус и превратились в реликты, сохраняемые в некоторых семьях женщинами старшего поколения. Более стойко бытуют в народе некоторые представления о потустороннем мире, переселении душ и возможности их возрождения.

Работа Галины Николаевны Грачевой посвящена анализу обрядов погребального культа ненцев, представляющих собой, по мнению автора, единую систему.²⁴⁹ Особый интерес представляет рассмотрение похоронного процесса в связи с целым комплексом обрядов и обычаев, где отмечается присутствие шамана. Ей удалось собрать уникальные материалы по традиционной и современной культуре коренных северных народов.

К проблемам этнокультурных взаимодействий в Обдорском крае обращались такие видные ученые как Николай Дмитриевич Конаков (1984, 1987) и Олег Васильевич Котов (1989). Они плодотворно работали по исследованию коми переселенческих групп в Сибири. В 1991 г. вышла в свет их совместная работа.²⁵⁰ В ней освещаются такие вопросы, как этнические и историко-культурные взаимоотношения коми-зырян с представителями коренного населения Нижнего Приобья. Авторы раскрыли специфику этнокультурных связей коми-зырян с каждым из них в отдельности, отмечая взаимозаимствования. Все это способствовало развитию экономики и культуры народов севера, охватывая самые различные стороны народной жизни и обогащая их язык. Исследователи отметили, что группы коми-зырян Обдорского Севера, характеризуются компактным проживанием, сохранением традиционной хозяйственной специализации, родного языка и этнического самосознания, что позволяет им до сих пор в значительной степени сохранять этнический облик. По мнению Н. Д. Конакова, в ходе этнокультурных контактов коми-ижемцев на Обдорском Севере у них выработались «стойкие этнические стереотипы», важнейшим из которых является межэтническая коммуникабельность, подкрепленная знанием языков соседей. Наличие этого стереотипа позволяло коми переселенцам мирно внедряться на иноэтническую территорию и избегать длительного и стойкого антагонизма со стороны коренного населения.

Работы Любомира Николаевича Жеребцова начинаются с освещения этнической истории народа коми: вопросов его расселения, формирования этнических групп, взаимоотношений с соседними народами.²⁵¹ Переселение коми в другие регионы занимает центральное место и в его исследованиях. Он проследил этнические и историко-культурные взаимоотно-

²⁴⁶ Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начало XX в. – М.-Л., 1954.

²⁴⁷ Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.). – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963

²⁴⁸ Евсюгин А. Д. Ненцы Архангельских тундр. М. 1979

²⁴⁹ Грачева Г. Н. Погребальные сооружения ненцев устья Оби. //Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л., 1971

²⁵⁰ Конаков Н. Д., Котов О. В. Этнореальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М. 1991

²⁵¹ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. 1982.

шения коми с ненцами, хантами, русскими до начала XX в., показал разнообразие этих взаимосвязей, раскрыл их специфику с каждым из перечисленных народов, отметил заимствования, сделанные коми из культур указанных народов, выявил их значение в формировании этнографической специфики северных коми. Им прослежена роль русских в процессе этногенеза коми, влияние русификации на формирование языковых и культурных особенностей, сделан анализ заимствований в различных сферах культуры хантов и ненцев, выявлено наличие встречных хозяйственных и культурных заимствований. Л. Н. Жеребцов показал, как развивалось население северного региона, как происходили контакты между различными народами, в результате чего осуществлялся взаимообмен достижениями в области хозяйства, культуры и быта, вырабатывался совместный опыт адаптации к сложным естественно-географическим условиям Обдорского Севера. Влияние коми-зырян на ненцев, хантов прослеживается на многих сторонах их жизни.

Среди исследований, посвященных религиозным традициям северных народов, следует назвать работу Валерия Владимировича Евсюкова.²⁵² В центре внимания – важные проблемы духовного мира древнего человека, попытка обобщить доступные ему знания об окружающей действительности, свести их в целостную гармоничную систему. Рассматривается такой важный аспект религиозно-мифологического мирозерцания, как его органическая связь с зарождающейся наукой. На основе большого историко-этнографического материала автор показал происхождение и эволюцию религиозных верований и обрядов финно-угорской и самодийской групп, выделив их особенности. Исследователь приводит сравнительный материал по самодийской мифологии, указывая на сходство с ранним финно-угорским представлениям о мироздании. Он обращает внимание на то, что космологические представления образуют если не ядро, то, во всяком случае, один из важнейших составных элементов мифологического мировоззрения, а значит, и древней духовной культуры в целом. Сопоставляя и анализируя, В. В. Евсюков делает вывод, что концепция многоэтажной вселенной универсальна, т.е. самостоятельно появилась в самых различных культурах мира, а не исходит из какого-либо общего источника. Ее возникновение знаменует собой определенный этап развития религиозно-мифологических представлений о вселенной. Очевидно и то, что это одна из наиболее архаичных космологических моделей, так как мы встречаем ее уже на весьма ранних стадиях религиозного сознания.

Исследователь, анализируя космогонические мифы, приходит к выводу о наличии у всех финно-угорских и самодийских народов мифологического образа творца мира в виде утки. Первоначально, вероятно, существовало сказание о соперничестве в добывании земли утки и гагары. Причем птицы группы «утка» ассоциировались с небом, с небесными богами, добрыми духами верхнего мира, а птицы группы «гагара» – с водой, с землей, подземным миром мертвых. Сходны по смыслу предания есть и у тюркоязычных народов. Более глубокий анализ позволяет обнаружить в мифах строгую, гармоничную систему взглядов и понятий, основанную на тонкой, если не сказать изысканной, логике. Основная задача В. В. Евсюкова состоит в реконструкции мировоззрения на основе космогонических мифов, сравнительного их анализа у различных финно-угорских, самодийских и других народов мира.

Ценность работы заключается в том, что в ней дается эволюция сюжетов космогонических мифов, сделана попытка определить истоки возникновения и различного рода влияния и возможные заимствования основных сюжетов. В. В. Евсюков подчеркивает, что исследование мифов должно вестись с учетом исторических, географических, климатических условий, которые оказывали решающую роль на формирование поэтики легенд и мифов народов мира.

Заслуга советской историографии, несмотря на ее марксистско-ленинский идеологический подход, заключалось в том, что ей удалось, во-первых, ввести в научный оборот значи-

²⁵² Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. Новосибирск, 1988

тельный комплекс архивных документов, и, во-вторых – обозначить актуальные темы для дальнейших научных изысканий. Историография по христианизации и религиозным традициям коренного населения в советский период весьма лаконична как по количеству исследований, так и по характеру преподносимой тематики: исследования ограничивались борьбой против религиозных традиций северных народов и русской православной церкви в годы становления на севере Западной Сибири Советской власти. В целом необходимо отметить, что литература 1970-1980-х гг. по истории народов Сибири значительно расширила круг изучаемых вопросов и глубину исследований по теме, были введены в научный оборот новые фактические данные и использованы работы дореволюционных авторов.

Резюмируя советский период, можно сделать следующие выводы, что советская историография продолжала традиции дореволюционных историографов при анализе сведений и записок западных путешественников и исследователей Западной Сибири.

Постсоветский период

В 1990-х гг. начинается период развития историографии, который условно можно назвать постсоветским. Он обусловлен кардинальными политическими переменами в стране, открывшими перед научным сообществом новые исследовательские перспективы, тесно связанные со стремительной деидеологизацией, широким доступом к архивным источникам. В этот период появилась целая серия работ, посвященных изучению традиций, обычаев, жизни, быта и духовной культуры северных народов, подготовленных на основе привлечения как этнографических, так и исторических источников.

Михаилом Федоровичем Косаревым было реконструировано и описано древнее религиозное видение и понимание мира сибирскими народами, основанное, преимущественно, на данных археологических и этнографических исследований.²⁵³ Рассмотрены представления о жизни, смерти, душе, структуре мироздания. Значительное внимание уделено особенностям древних сибирских культов, обрядово-ритуальным практикам, психологическим аспектам шаманства, проблемам генезиса шаманизма, функциям и роли шамана в жизни общества.

Развитие хозяйства разных групп населения Обдорского Севера и их взаимовлияние рассматривается в работе Андрея Владимировича Головнева.²⁵⁴ Освещены некоторые аспекты влияния коми-зырян на хозяйство ненцев и хантов. На основе всестороннего изучения хозяйства коренного населения Обского Севера автор выделил ведущие типы хозяйственных комплексов и раскрыл основные аспекты экологической обусловленности экономики таежного и тундрового коренного населения. Им выделены ареалы распространения разных типов рыболовства, промысла копытных, пушного промысла, промысла мелкого зверя и дичи, оленеводства и собаководства, а также ареалы типов комплексов охоты и, в целом, хозяйственных комплексов. В работе охарактеризованы факторы внешнего воздействия на хозяйство коренного населения севера Западной Сибири в XVII – XIX веках и показаны последствия этих воздействий. Монография «Говорящие культуры» посвящена этнографическому описанию культур коренных народов Северо-Западной Сибири.²⁵⁵ Широко используя сравнительные материалы, автор дает квалифицированный анализ традиционной культуры ненцев, хантов, всесторонне описав как особенности материального быта, так и этническое самосознание, обряды, верования. Особую ценность данному исследованию придает достаточно частое обращение автора к фольклорным материалам. Так, например, при описании народных верований А. В. Головнев приводит в качестве подтверждающего материала целый ряд текстов, из записанных им сюдбабцев и ярабцев. Конечно, далеко не все явления жизни ненцев получили в данной работе детальное описание, поскольку она носит обобщающий характер, и задача углубленного изучения различных сторон материальной и духовной культуры нескольких этносов – дело сложное. Несмотря на спорные позиции ученых, эта книга представляет определенный интерес для исследователей, прежде всего, как собранные воедино сведения по самым различным вопросам культуры народов севера.

Труд Елены Петровны Мартыновой «Очерки истории и культуры хантов» – это первое обобщающее исследование о формировании и культуре хантов, которое основано на архивных и полевых материалах, где рассматриваются расселение и изменение их численности в XVII – XIX вв., этническое взаимодействие друг с другом, социальная организация.²⁵⁶

²⁵³ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003

²⁵⁴ Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск. 1993

²⁵⁵ Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 1995

²⁵⁶ Мартынова Е. П. Очерки истории и культуры хантов. М. 1998

Книга Елены Геннадьевны Федоровой посвящена проблемам формирования культуры обских угров (ханты и манси). На археологическом и этнографическом материалах автор рассматривает пути сложения хозяйственных занятий и материальной культуры хантов и манси, а также некоторые аспекты их религиозных представлений. В работе использованы данные литературных источников, полевые материалы автора, музейные коллекции. При рассмотрении ряда вопросов привлекался сравнительный материал по другим народам.²⁵⁷ Статья Е. Г. Федоровой «Обские угры: вехи этнической истории» охватывает временной период истории хантов и манси с XV по XVII века. В ней рассматриваются основные события из истории присоединения западной Сибири к русскому государству, обсуждается проблема территории и этнонима Югра, а также дается очень содержательный и основанный на богатом фактическом материале очерк исторической этнографии обских угров, включающий этническую историю отдельных групп, хозяйство, социальную организацию и различные компоненты материальной и духовной культуры. В качестве отличительной особенности данной работы хочется особо отметить прекрасное знание автором разнообразных исторических источников и материалов по исторической этнографии хантов и манси.²⁵⁸

Необходимо отметить работу Михаила Олеговича Акишина, которая позволяет раскрыть наиболее острые вопросы государственно-религиозных отношений дореволюционного периода.²⁵⁹ Опираясь на источниковую базу архивов России, он старается обосновать утверждение, что крещение северных народов, в т.ч. и в Обдорской волости проводилось только «тихой евангельской проповедью».²⁶⁰ А насилие по отношению к коренному народу надо понимать только как психологическое давление со стороны отдельных невежественных и недобросовестных служителей церкви. А ненцы, по его мнению, облеченному в терминологию уголовного права, были «бандитами», которые занимались «умышленными убийствами, нанесением тяжких телесных повреждений, изнасилованиями, лишением свободы людей и грабежами».²⁶¹ Мы считаем, что этот вопрос является дискуссионным. Если были даже единичные случаи давления на «язычника», зафиксированные в официальных документах, то это уже считается нарушением прав человека в выборе веры. А таких случаев насилия во время крещения ненцев, не учтенных администрацией Обдорской волости и церковью, было немало. Память о них хранят легенды, песни, сказания.

Книга Елены Михайловны Главацкой выполнена на стыке нескольких самостоятельных дисциплин: истории, этнологии и исторического религиоведения с использованием характерного для каждой из них круга источников и методов научного познания.²⁶² В центре внимания исследования – история изменений, которые произошли в религиозных традициях северных народов (хантов) на протяжении четырех веков их нахождения в составе Российского государства в результате политики правительства и межэтнического взаимодействия. Автор попыталась на основе новых методологических подходов доказать насильственное массовое крещение коренного населения. В противоположность М. О. Акишину,²⁶³ Е. М. Главацкая делает вывод о том, что коренное население не было до прихода русских примитивным народом, каким его представляли некоторые священники, миссионеры, историки и исследователи XIX— начала XX вв.

²⁵⁷ Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб. 2000.

²⁵⁸ Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории), СПб, 1999, с. 5—6

²⁵⁹ Акишин М. О. Роль православной церкви в межэтнических контактах в Обдорской волости в первой половине XVIII века. // Ямал в XVII – начале XX вв.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования), Салехард-Екатеринбург, 2006

²⁶⁰ Буцинский П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893, С 74

²⁶¹ Акишин М. О. Указ. Соч. С 93

²⁶² Главацкая Е. М. Указ. Соч.

²⁶³ Акишин М. О. Указ. Соч. С. 87

Особый интерес для исследователей представляют традиционные игры коренных народов Северного Урала и Сибири. Это связано с целым рядом причин: во-первых, с потребностями гуманизации воспитательного процесса, который невозможен без опоры на национальные традиции того или иного народа; во-вторых, с тем, что традиционные игры коренных народов до настоящего времени остаются малоизученными и в некоторой степени даже неизвестными.

Валерий Павлович Красильников выпустил книгу по этнопедагогическому воспитанию северных народов. Она была подготовлена на основе материалов, полученных в результате экспедиций в места компактного проживания одного из древних народов Сибири – хантов (Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа), а также изучения литературных и архивных материалов.²⁶⁴ Монография В. П. Красильникова на сегодняшний день является наиболее полным собранием народных игр и состязаний хантов – одного из древних народов Севера. Народные игры и состязания записаны автором в экспедициях по Западной Сибири от непосредственных участников состязаний и исполнителей игр – носителей традиционной физической культуры хантов.²⁶⁵

На базе многолетних исследований Виктор Иванович Прокопенко раскрывает воспитательно-образовательные возможности разнообразных игровых средств хантов, представляющих собой основу трудового и физического воспитания.²⁶⁶

Материалы по религиозным традициям ненцев отражены в работах Леонида Алексеевича Лара.²⁶⁷ Результаты его многолетних исследований традиционного мировоззрения ненцев в целом и особенно наиболее архаичных его пластов, были обобщены в двух монографиях «Шаманы и Боги», «Культовые памятники Ямала. Хэбидя'Я», где проанализирована структура и содержание архаичных космогонических мифов.²⁶⁸ Эти книги дают полную, детальную характеристику религиозных верований ненцев, содержат богатый фактический материал.

Изучением домашних святилищ, скульптур, жертвенных покрывал обских угров занимается Аркадий Викторович Бауло.²⁶⁹ Домашние (семейные) святилища на протяжении XVIII – XX вв. выполняли важную функцию поддержания контактов между миром людей и миром богов в условиях существования локальных, небольших по размеру поселков северных хантов. Подвергшись последовательно натиску насильственной христианизации, атеистической идеологии, вмешательству государственных органов в частный мир хантской семьи, святилища в итоге смогли остаться тем островком стабильности, на котором основан традиционный уклад жителей Сибирского Севера.

Игорь Васильевич Побережников на основе архивных материалов, освещающих различные аспекты заселения Севера, рассмотрел историю присоединения к России земель коренного населения на основе сравнительного анализа.²⁷⁰ Первоначальное освоение европейцами Канадского севера и Крайнего севера Западной Сибири имеет как схожие черты, так и несомненные

²⁶⁴ Красильников В. П. Этнопедагогические основы традиционного физического воспитания коренных народов Сибири. Екатеринбург. 2004.

²⁶⁵ Красильников В. П. Игры и состязания в традиционном физическом воспитании хантов. Екатеринбург. 2002.

²⁶⁶ Прокопенко В. И. Этнопедагогика народов ханты: физическое воспитание и игры. Екатеринбург. 2005

²⁶⁷ Лар Л. А. Шаманы Верхнего и Нижнего миров. //Шаманизм как религия: Реконструкция, генезис. Якутск, 1992; Он же: Пантеон богов в религии ненцев Ямало-Ненецкого округа //Традиционные культуры и среда обитания. М., 1993; Он же: Основные черты современной религии ненцев. //Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994, Вып. 1 и др.

²⁶⁸ Лар Л. А. Шаманы и Боги. Тюмень, 1998; Он же: Культовые памятники Ямала. Хэбидя'Я. Тюмень, 2003

²⁶⁹ Бауло, А. В. Домашние (семейные) святилища северных хантов. //Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. №1. С. 89–101; он же: Жертвенные покрывала обских угров из Ханты-Мансийского музея //Народы Сибири: история и культура. Новосибирск. 1997. С. 90–101.; он же: К вопросу о влиянии древних культур Востока на религиозно- мифологические представления обских угров //Народы российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. М.1999

²⁷⁰ Побережников И. В. Ямал в XII – начале XX вв.: Периодизация русского освоения. //Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005, С. 3–44

различия. Как отмечает И. В. Побережников, главным стимулом первоначального освоения являлся пушной промысел, хотя механизмы его различались.

Новейшие исследования различных проблем истории, этнографии и религиозных традиций ненцев, многовековых взаимодействий русскоязычного и коренного населения севера Западной Сибири содержатся в обобщающих изданиях конца XX—начале XXI вв.: «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири»,²⁷¹ там можно найти информацию о ритуальных действиях, связанных с представлениями перехода человека из реального в потусторонний мир и многое другое.²⁷² В монографии «Этнография и антропология Ямала» обобщены материалы по традиционной духовной культуре сибирских ненцев, описана система религиозных представлений. «Остров Вайгач. Культурное и природное наследие»²⁷³ свидетельствует о многовековом взаимодействии и взаимовлиянии русской и ненецкой культур. В сборнике «Русское освоение Ямала до начала XX века»²⁷⁴ существенное внимание уделено проблеме христианизации севера Западной Сибири. Книга «Ямал в XVII— начале XX вв.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования)» посвящена роли православной церкви в освоении Ямала, проблеме христианизации и миссионерской деятельности в крае. Монография «Народы Западной Сибири»²⁷⁵ рассматривает духовную культуру, семейную обрядность, мировоззрение, культовую практику и шаманизм северных народов.

В книге «Очерки истории традиционного землепользования хантов» представлены материалы к атласу истории традиционного землепользования хантов. История хантов рассматривается комплексно в разных аспектах: археологическом, историческом, лингвистическом, топонимическом, этнографическом, этносоциологическом, экономическом и экологическом. Статьи сборника, основанные на материалах многолетних полевых исследований авторов, данных литературы и архивных источников, иллюстрированы рисунками и картами.²⁷⁶

В постсоветское время развития отечественной историографии происходит расширение предмета исследования, возникают альтернативные точки зрения как на культуру, традиции коренных народов, историю конфликтов, колонизации, так и на их отдельные аспекты, в том числе отношение к ней различных слоев русского общества.

– Источники исследования

Выбор источников продиктован целью и основными задачами исследования истории, культуры, традиций и обычаев коренных народов Березовского края. Для решения поставленных задач привлечен широкий круг источников, часть из которых впервые вводится в научный оборот. Источники можно разделить на несколько групп. К первому виду источников относятся законодательство.

Первая группа – законодательные акты и справочно-статистические издания. Наиболее значимым и основополагающим из опубликованных источников по церковному законодательству можно назвать «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), первым изданием которого руководил непосредственно М. М. Сперанский.²⁷⁷ Различные собрания законодательных актов и другие официальные распоряжения, которые издавались на основе ПСЗ.²⁷⁸

²⁷¹ Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994, Т. 2

²⁷² Этнография и антропология Ямала. Новосибирск, 2003

²⁷³ Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Памятники истории освоения Арктики. М, 2000, Кн. 1

²⁷⁴ Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005

²⁷⁵ Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005

²⁷⁶ Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург. 2002.

²⁷⁷ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т. 51. СПб., 1878

²⁷⁸ Руководящие для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода 1721—1878. М. 1879; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб.; Пг.,

Большое значение имеют также тематические сборники постановлений по церковному ведомству.²⁷⁹ Используются акты дореволюционного периода, регулирующие религиозную жизнь населения Империи, опубликованные отдельно (Своды законов Российской империи, уголовное законодательство) и в специальных сборниках.²⁸⁰ Ценность источников этой группы заключается в том, что они освещают события и содержат статистические данные, позволяющие нам делать выводы, которые не всегда вытекают из известных опубликованных источников.

Вторая группа – делопроизводственные документы: протокольная документация, переписка и отчетные документы. Деловая переписка между государственными учреждениями содержит информацию о храмах, методах крещения и христианизации, об отношении северных народов к представителям светских и духовных властей. К их числу относятся сообщения, донесения, приказы, отчеты официальных лиц, судебные-следственные документы. Таким образом, материалы делопроизводства представляют широкий круг, содержащий разнообразную информацию, которая освещает жизнь коренного населения. Переписи содержат информацию о численности населения, его составе, дает возможность выявить этнический состав населения, возрастную-половую и брачную структуру населения XVIII – XIX вв., среднюю продолжительность жизни различных категорий населения и др.

В фондах Тобольского общего губернского управления (ф. 152), Тобольского губернатора (479), Березовского уездного комиссара Тобольской губернии (ф. 729) содержится переписка администрации с департаментом государственного казначейства, министерством финансов, Главным Управлением Западной Сибири, высшими духовными лицами и губернаторами о состоянии духовных дел; рапорты и сведения губернаторов о строительстве и содержании тюремных камер; отчеты чиновников о командировках, о постройке церквей, часовен, сведения о жизни коренного населения, анализ отношений северных народов с русскими и коми-зырянами. В фонде Березовского окружного полицейского управления (ф. 738) содержатся жалобы, прошения и обращения коренного населения, следственные материалы. В прошениях и жалобах коренного населения описывается их положение, нужды, обиды, которые появлялись в результате определенных конфликтов.

В рапортах военно-окружного начальника Березовского округа Г. Колпаковского и исправника В. Никитина содержится анализ ярмарочной торговли, приводится перечень и цена товаров, привозимых на ярмарку хантами, ненцами, русскими и коми-зырянами. Проанализирован механизм торговли, пути доставки товаров. Г. Колпаковский в рапорте показал роль коми-зырян в развитии торговли и товарно-денежных отношений в Березовском крае, отметил положительное отношение Обдорского начальства к их деятельности и отразил динамику миграций коми-зырян (ФФ. 417, 152).

В докладе пристава Обдорского стана В. Тарасова о поездке с ветеринарной экспедицией на Ямал охарактеризовано состояние оленеводства ненцев, хантов и коми-зырян (Ф. 152). В материалах переписки Сосьвинско-Ляпинской земской управы «О доставлении сведе-

1885—1916. Т. 33.

²⁷⁹ Собрание постановлений Святейшего Синода 1867—1874 гг. относительно устройства духовных училищ. СПб., 1875; Устав духовных консисторий. М., 1883; Ивановский Я. И. Обзорение церковных узаконений. СПб., 1883; Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по Ведомству православного исповедания. СПб., 1885; Завьялов А. Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода 1867—1900. СПб., 1901; Руновский Н. П. Церковно-гражданское законодательство относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898; Климов Н. Постановления по делам православного духовенства и Церкви в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1902

²⁸⁰ Свод законов Российской Империи. Т.1. Ч.1. СПб., 1857; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.51. СПб., 1878; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства 1822—1944 гг.) Тюмень, 1994; На стыке континентов и судеб. //Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах). Екатеринбург, 1996, Ч. I; Устав об управлении инородцев. //Сословно-правовое положение инородцев и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. правовых актов и документов. Тюмень, 1999;

ний о жизни коренного населения» приводится перечень селений с указанием численности жителей, описываются их системы управления, участие разных групп населения в использовании земельных угодий, характер промыслов, дается анализ отношений хантов, русских, коми-зырян, ненцев (Ф. 735).

Документы по истории религиозной жизни населения Березовского края отложились в фондах Обдорской церковноприходской школы (ф. 702), Мужевской Михайло-Архангельской церкви (ф. 707), Хэнского миссионерского стана (ф. 703). Они дают представление о деятельности православных храмов, священников, миссионеров и об организации учебно-воспитательного процесса в школах Крайнего Севера. В этих же фондах содержатся указы по назначению и увольнению церковнослужителей по хозяйственным делам, разрешение крестных ходов, справки о разрешении на крещение детей.

Фонд Тобольского епархиального Комитета православного миссионерского общества (ф. 58) содержит документы о деятельности Церкви по распространению православия, материалы, характеризующие участие населения в жизни церкви, сведения о школе и учителях, о назначениях на церковные должности, перемещениях по приходам и иерархии, системе поощрений и наказаний, биографические данные священников и миссионеров.

Особенно многочисленен и разнообразен фонд Тобольской духовной консистории (ф. 156, ф. 700), включающий метрические книги, клировые ведомости; ведомости учета исповедовавшихся (т.е. всю документацию церкви информационного характера); указы; переписку церковных клиров с благочинными (т.е. взаимоотношения всей церковной иерархии); дела о строительстве церквей, включающие прошения крестьян о строительстве, их обязательства по содержанию клира, все процедуры, связанные со строительством, проблемы, возникающие при этом, механизм их решения. Эти документы воссоздают картину религиозной жизни всего края, позволяют выявить наиболее острые вопросы государственно-религиозных отношений дореволюционного периода.

Значительная часть документов по культуре коренного и русскоязычного населения сосредоточена в фондах Тобольской духовной консистории (Ф. 156). Рапорты, доношения священнослужителей, отчеты Обдорской миссии, миссионеров о своей деятельности, журналы миссионеров и другие источники представляют широкий круг проблем, помогают восстановить процесс реализации политики правительства, представить отдельные результаты миссионерской работы в Обдорском крае. Отчеты обдорских священников А. Тверетина, П. Попова, Н. Герасимова содержат сведения о крещении ненцев и северных хантов Обдорского Севера (Ф. 156). Переписка настоятеля Обдорской духовной миссии с Хэнским миссионерским станом и Тобольской духовной консисторией содержит указы по назначению и увольнению церковнослужителей по хозяйственным делам, разрешение крестных ходов, справки о разрешении на крещение ребенка (Ф. 703).

Клировые ведомости позволяют получить информацию о территории прихода, населенных пунктах, входивших в его состав в определенное время, о численности мужского и женского населения, а также определить сословный состав населения, численность раскольников, количество дворов и др. Они включают сведения о зданиях церквей, имуществе, доходах, наличии походных церквей; информацию об учителях, численности учащихся; послужные списки причта с указанием фамилии, сословного положения, образования; характеристики церковнослужителей, состоящие из перечисления всех мест службы, сроков переводов и занимаемых должностей, наград, наказаний и т. д.

Исповедные росписи представляют собой специальные книги-ведомости, в которых фиксировалось все наличное православное население волостей, относившееся к приходу данной церкви, делались отметки о выполнении каждым прихожанином церковных обрядов и приводились посемейные списки.

Метрические книги содержат сведения о естественном движении населения, количестве браков, сезонности заключения браков, брачном возрасте, соотношении возрастов супругов. Материалы метрик позволяют проследить основные тенденции демографического развития на протяжении длительного периода времени как в целом по уездам, так и по отдельным приходам. Метрические книги обдорских православных церквей дают возможность выявить «график» пребывания священников в стойбищах. Чаще всего священники совершали обряды над «иногородцами» в январе-феврале и в июле-августе. В первую очередь в поле зрения священников попадали стойбища коренного населения, расположенные неподалеку от факторий, селений, где были часовни, церкви. В 80-х гг. XIX в. среди принявших христианство в метрических книгах упоминаются, в основном, северные ханты и ненцы, кочующие в районах Куноватской и Ляпинской волостей Березовского уезда, а также в низовьях рек Пура и Надыма. Из ненцев Каменной стороны принимали крещение единицы.

Третью группу составляют нарративные источники – записки путешественников, историко-этнографические описания, путевые журналы миссионеров П. Попова, Е. Пономарева, А. Тверетина, Н. Герасимова. Эти материалы дают возможность воссоздать реальную картину религиозной жизни общества и деятельности священников на севере Западной Сибири, хотя необходимо учитывать их официально-клерикальную направленность. В то же время их путевые журналы наполнены зарисовками этнографического характера, наблюдениями за бытом и нравами населения Березовского края. Рапорты П. Попова²⁸¹, А. Тверетина²⁸², Н. Герасимова²⁸³ отражают их трудную повседневную жизнь, отношение к ним коренного населения, восприятие нового мировоззрения, образа жизни, святых икон и молитв. Ценность работ перечисленных авторов заключается в возможности получить более глубокую и полную духовно-нравственную оценку событий того времени.

В четвертую группу источников входят материалы периодической печати, которые являются дополнением характеристики религиозных традиций ненцев и политики правительства и церкви. Для работы над темой использовались статьи из «Тобольских губернских ведомостей», «Тобольских епархиальных ведомостей», «Сибирского листка», «Православного вестника».

Газетные площади состояли из официальной части и неофициальной. В официальной публиковались Указы Синода, Императора, известия и распоряжения епархиальных властей, данные о назначениях и перемещениях священнослужителей по епархии. В неофициальной – статьи, путевые заметки архиереев и священников.

Тематика их разнообразна: об истории сел и деревень, о народах Крайнего Севера, их обычаях и обрядах, исторических традициях, фольклоре, о жизни сельских школ. Периодически помещалась и информация из записок, дневников, мемуаров и публикаций путешественников, исследователей и других авторов XIX— начала XX вв. Также освещались подробности хозяйственной жизни Обдорского края, среди которых наибольший интерес представляли данные об эпизоотиях, вызывавших падеж оленей, сведения о развитии рыбной промышленности и условиях работы рыболовецких артелей.

Самым интересным и впервые вводящимся в оборот комплексом источников являются отчеты, заметки, статьи священников, исследователей, корреспондентов, опубликованные в губернских и епархиальных ведомостях, «Православном благовестнике». Эта группа источников по характеру наиболее субъективна, она служит дополнением к документам других групп, позволяя более зримо представить действия миссионеров, степень религиозности населения.

²⁸¹ Там же: ф. 156 оп. 25 д. 127 (5) л. 386

²⁸² ГУТО ГА г. Тобольск Ф. 156. Оп. 26. Д. 542. Л. 44 – 54; Ф. 156. Оп. 26. Д. 643. Л. 13 – 24 об

²⁸³ Там же: Ф. 156. Оп. 26. Д. 707. Л. 96—130 об.

Сообщения, донесения, прошения и рапорты являются самым эмоциональным источником. Тематика их определялась либо деловыми соображениями (например, описание обменной торговли между ненцами, хантами и коми-зырянами, или отношений между коренными народами и русскими торговцами), либо «экзотикой» жизни северных народов (описание свадебного обряда и др.). Свидетельства очевидцев, путешественников, торговцев и т.п., как правило, не предназначались для публикации или чтения посторонними и поэтому непредвзято отражали непосредственные наблюдения и впечатления их авторов.

Ценность этих материалов целиком определяется наблюдательностью их составителей и соответственно степенью достоверности и точности фиксации описываемой действительности, что выявляется путем сопоставления с другими подобными материалами. Степень объективности описываемых явлений зависела также от социальной принадлежности, уровня образования и интеллектуальности авторов, и для нашей работы не так важна.

Среди периодических изданий наибольший интерес представляет «Тобольские губернские ведомости». Значительный объем и широкую тематику имел неофициальный отдел в 1893—1897 гг., при губернаторах Н. М. Богдановиче и Л. М. Князеве и редакторах Е. В. Кузнецове и Л. Е. Луговском. В этот период неофициальная часть «Ведомостей» приобрела характер общественно-политической газеты и привлекла к сотрудничеству многих интересных авторов. Газета много раз публиковала общие описания Березовского края и разнообразные путевые заметки. Здесь опубликовал свою работу Н. А. Абрамов «Описание Березовского края», В. Н. Шавров «Записки штаб-лекаря о жителях Березовского края». На страницах газеты опубликован очерк К. М. Голодникова «От Тобольска до Обдорска летом и зимою». Нельзя не заметить, что о Березовском крае «Ведомости» давали значительно больше сведений, чем о Сургутском. Это вполне соответствовало разнице в экономическом весе того и другого.

Преобладал большой интерес газеты к коренному населению Севера в сравнении с русским, где регулярно предлагали читателю разнообразные сведения об хантах (остяках), манси (вогулах) и ненцах (самоедах). На страницах газеты рассказывалось о их быте, верованиях, юридических обычаях, экономическом положении, традиционных промыслах, введении христианства, исследованиях их языков, культуры, попытках просвещения. Из публикаций этого ряда можно назвать сообщение Е. В. Кузнецова о верованиях и обрядах ненцев (самоедов)²⁸⁴, работу А. И. Якобия «Остяки северной части Тобольской губернии».²⁸⁵

Из наиболее заметных авторов материалов северной тематики нужно назвать прежде всего Н. А. Абрамова, И. Я. Тверитина, К. М. Голодникова, А. И. Иконникова, Е. В. Кузнецова, А. Г. Демина, В. Е. Клячкина, М. П. Путинцева, К. Д. Носилова, И. И. Суханова, В. Н. Герасимова, Н. Л. Скалозубова.

На фоне светского краеведения, плотно смыкавшегося с наукой, шел процесс развития церковного краеведения. Базой для священников, в какой-то мере касающихся краеведения, являлись «Тобольские епархиальные ведомости». Таковы публикации священников И. Кузнецова, И. Голошубина, В. Герасимова, П. Закомельского, З. Козлова, А. Соколова, И. Тверитина и др. Представляют интерес статьи о первых русских поселенцах в Западной Сибири, крещении инородцев, миссионерской деятельности митрополита Филофея Лещинского А. Сулоцкого, профессора А. И. Якобия.

Глава II. Территориально-хозяйственное заселение и освоения Обдорского края коренным и русско-зырянским населением

– Путешествие во времени

²⁸⁴ Кузнецов Е. О верованиях и обрядах самоедов. //ТГВ, 1868. №1. С. 17, 18,

²⁸⁵ Якобий А. И. Остяки северной части Тобольской губернии. //ТГВ. 1895

В летописных записях первой половины XI века встречаются первые упоминания о проникновении новгородцев за Уральские горы. В 1032 году новгородцы под начальством Улеба ходили к Железным Воротам.²⁸⁶ В 1079 году на Северном Урале погиб новгородский князь Глеб Святославович. В летописи Нестора под 1096 годом впервые появляются этнонимы «югра» и «самоед». Разные этапы бытования цикла отражают 1-я и 2-я редакции летописи. Особенность летописи состоит в том, что она сообщает о финно-угорских народах, до того не упоминавшихся, например, самоедах. Известно, что введение присоединили к летописи во время составления ее первой редакции в 1113 году. Его автором традиционно считается Нестор. Информация о поездке отрока Гюряты Роговича появилась в летописи в процессе последней редакции, позже времени написания введения, т.е. в 1118 г. Этой редакции мы обязаны сведениями о финно-уграх, появляющимися в описании поездки отрока Гюряты Роговича.

Югра — страна и одновременно собирательное название народностей, проживающих на указанной территории: предков современных хантов (остяков), северных манси (вогулов), северных селькупов (остяко-самоедов) и ненцев (самоедов). Располагалась она по обоим склонам Северного и Полярного Урала, а также в восточной части современной Республики Коми. Новгородцам в то время уже были известны пути за Камень (Урал).²⁸⁷ Сведения летописи указывают на то, что экспансия русских имела направление на северо-восток и восток. Узнается и о том, что до земли югры можно дойти со стороны Печоры. Также впервые встречается в летописи название Печора в качестве топонима и этнонима.²⁸⁸ Так, по всей вероятности, отрок Гюряты ехал по Верхней Печоре и через Югринский переход. Значит, река Печора служила важным путем, которым пользовались путешественники, ехавшие с запада и востока. При установлении контактов с новыми народами и столкновении с нетронутой общественной системой финно-угорских общностей, новгородцы принимают эти племена или народы самостоятельными единицами и так о них и упоминают в летописи. Составитель летописи упоминает о своей поездке в Ладогу. Очевидно, тогда он мог побывать и в Новгороде и слышать историю Гюряты Роговича.

Сведения, собранные новгородцами после походов за Камень, были объединены в «Сказание о человецех незнаемых...». Основной сюжет рассказа отрока — немой торг новгородцев с северными народами: «Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоедью в северных странах».²⁸⁹ При этом происходил обмен пушнины на изделия из железа: «... в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они взамен дают меха».²⁹⁰ Из этого рассказа Н. М. Карамзин сделал вывод, что новгородцы переходили за Урал уже в XI в. и собирали дань.²⁹¹ В дальнейшем «Сказание о человецех незнаемых...» был использован в легендарной части дорожника С. Герберштейна,²⁹² «Трактате» М. Меховского 1517 г.,²⁹³ «Записках» К. Адамса, сделанных со слов Р. Ченслера в 1554 г.,²⁹⁴ в сочине-

²⁸⁶ Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей, т. III, СПб. 1841

²⁸⁷ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882, Сургут. 1993, С. 16

²⁸⁸ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882, Сургут. 1993, С. 16

²⁸⁹ Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» // Древности: Тр. Имп. моск. археолог. о-ва. 1890. Т. 14. С. 235

²⁹⁰ Щеглов И. В. Указ. Соч.; Новгородская первая летопись. Полное собрание русских летописей, т. III, СПб. 1841

²⁹¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Тома II – III. М., 1991 г. С. 390.

²⁹² Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем.: А. И. Малеина, А. В. Назаренко; вст. ст. А.Л. Хорошкевич; под ред. В. Л. Янина. – М., 1988. – С. 430.

²⁹³ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л. АН СССР. 1936

²⁹⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1938

нии Р. Барберини 1565 г.²⁹⁵ Первый перевод на английский язык русского произведения был сделан в 1558 г. Ричардом Джонсоном. Им стал перевод текста XV в. «О человецех незнаемых в восточной стране», напечатанный в Лондоне в 1598 г. в собрании путешествия Ричарда Гаклейта (R. Hakluyt).²⁹⁶

Упоминание о северных народах найдено в Лаврентьевской летописи: «Вверх тоя ж реки великия Оби есть люди, ходят под землю иною рекою день да ночь с огни, и выходят на озеро и над тем озером свет пречюден и град велик, а посаду нет у него. А ездят на оленях и на собаках; а платье носят соболие, а товар их соболи».²⁹⁷ В летописях описывается 9 различных «самоядей». Их трудно сопоставить с конкретным народом, но самодийский облик племен прослеживается хорошо. Упоминается меховая одежда, употребление оленей и собак в качестве ездовых животных и т.д. Из летописей выясняется и то, что первые экспедиции в направлении Югры отправлялись из Новгорода. Именно по этой причине о дальнейших русских походах против Югры, об их успехах, неудачах получаем сведения из Новгородских летописей. Во второй половине XII в. в летописях отмечено два похода новгородцев за данью в Югру: в 1187 г. и в 1193 г.

В Югорскую землю шли как промышленники за «драгоценной рухлядью», так и военные отряды для сбора дани или просто для разбоя. Меха были главной целью русских в этом районе. К этому времени Печора и Югра (область нижней Оби) составляли государственные «волости», где новгородцы собирали дань с коренного населения хантов (остяков) и ненцев (самоедов). Новгородский путь на Югру шел по Сухоне до Устюга, далее на Печору и через Камень (Урал) на Обь. К началу XIV века новгородцы уже утвердились в этих землях. По мере продвижения новгородцев на восток и северо-восток цикл устных известий о неведомых землях вбирал в себя впечатления, полученные купцами и путешественниками в результате контактов с коми-зырянами. Слухи о Сибири пронесли по Московии и привели на Урал людей из центральных земель. Во второй половине XIV века наряду с новгородцами все более активно стали проникать в Югорскую землю «охочие люди», посылаемые великим князем московским.

Весьма интересен Устюжский летописный свод, который был составлен в первой четверти XVI в. Этот свод содержит ценнейшие сведения об экстремальных природных явлениях на русском Севере, в Приуралье и Поволжье с начала XIII и до конца XVI в. Именно в его составе находится неизвестная и необычайно интересная древнейшая летопись, первая часть которой содержит древнюю редакцию Начального свода, текст Начального свода и «Повести временных лет». Устюжский летописный свод донес до наших дней запись о походе в Сибирь войска Федора Курбского и Ивана Травина, которые выступили из Великого Устюга 9 мая 1483 г., перевалили через Урал, спустились до города Сибири, а затем направились по Иртышу на Обь и Югорскую землю.

О более ранних контактах Древней Руси со страной где «ночь меньше часу» рассказали арабские авторы. Арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан ибн аль-Аббас ибн Рашид ибн Хаммад, живший в X в. В своих путевых записях он описал страну Вису, где болгары производили обмен железных изделий на меха.²⁹⁸ Ибн Фадлан в 921—923 гг. в качестве секретаря багдадского посольства совершил путешествие через Хорезм, плато Устюрт и Приуральские

²⁹⁵ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск. 2006

²⁹⁶ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. 1932.; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1938

²⁹⁷ Анучин Д. Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака: Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточной стране» // Древности: Тр. Императорского археологического общества. 1890. Т. 14. С. 235; Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882, Сургут. 1993, С. 16; Лаврентьевская летопись. Л. 85а середина. 27. С. 234—235

²⁹⁸ Ахмед-Заки Валиди. Мешхедская рукопись Ибн аль Факиха // Известия Российской Академии наук. Л., 1924, Т.18; Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. Л. 1937, С. 17; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, С. 130

степи в Булгарию Волжскую. По возвращении в Багдад весной 923 г. составил официальный отчет, в основу которого легли путевые записки: «Ночь у них менее часа. Когда бывает зима, то ночь делается по длине такой же, как летний день, а день делается таким коротким, как ночь. Так что, право же, если кто-либо из нас выходит к месту, называемому Атыл— а между нами и им расстояние пути менее фарсаха, – во время появления зари, то он достигает его ко времени полного наступления ночи. Когда появляются все звезды настолько, что покроют все небо. И мы не покинули страны, пока ночи не удлинились, а дни не сократились».²⁹⁹ В этом отрывке легко узнать описание северных летних белых ночей и коротких зимних дней, которыми славится российский север.

О большом спросе на железные изделия со стороны северных народов «Югры» сообщил арабский ученый Абу-Исхак аль Фарси в своей «Книге климатов».³⁰⁰ Арабские писатели Абу Али Ахмед Ибн-Омар Ибн-Русте и Абу-Хамид-эль Андалуси упоминают о пушнине, которую русские получали, в частности, путем обменной торговли с северными народами и привозили на продажу в страны Востока.³⁰¹ Абу Али Ахмед Ибн-Омар Ибн-Русте в работе «Ал-А'лак ан-нафиса» (книгадрагоценных сокровищ) писал, что у русских «Главное богатство составляет куний мех. Чеканенной монеты своей нет у них; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиною. Белые, круглые диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены за их товары».³⁰²

Абу Хамид Мухаммад ибн Абд ар-Рахим ал-Гарнати ал-Андалусиза сорок лет странствий повидал столько необычайного, сколько не снилось его собеседникам в Багдаде.³⁰³ Все эти впечатления были отражены в сочинениях ал-Гарнати. Весьма интересно описание Абу Хамидом меновой торговли, пожалуй, одно из лучших в этнографической литературе, очень ясное, несмотря на краткость и лаконичность: «А за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них, и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем —большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. И каждый человек находит около своего товара что-нибудь из тех вещей; если он согласен, то берет это, а если нет, забирает свои вещи и оставляет другие, и не бывает обмана. И не знают, кто такие, у кого они покупают эти товары».³⁰⁴ Абу-Хамид эль-Андалуси говорит о торговле Болгар простыми необделанными клинками, которые покупали в исламских владениях и возили к северному племени «Юра»: «И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфахане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. И, эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных —только огромные деревья и леса. И соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату

²⁹⁹ Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков. 1956. С. 480; Путешествие Ибн-Фадлана на волгу. //Перевод и комментарий. Под редакцией академика И.Ю.Крачковского. М.Л., 1939.

³⁰⁰ Ващенко П. Т. О времени прихода самодийских народов на Обь-Енисейский Север, //В кн. Сибирский исторический сборник, Иркутск, 1975, Вып. III, С. 37,38

³⁰¹ Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. Л. 1937, С. 17,18; Ващенко П. Т. О времени прихода самодийских народов на Обь-Енисейский Север, //В кн. Сибирский исторический сборник, Иркутск, 1975, Вып. III, С. 38

³⁰² Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах. Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста //Хвольсон Д. А. Спб., 1869, С. 19—20, 22—25, 35

³⁰³ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. М. 1971

³⁰⁴ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. М. 1971. С. 104

за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль».³⁰⁵ В сочинении ал-Гарнати находим подробное описание лыж: «А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег; и люди делают для ног доски и обстругивают их; длина каждой доски ба, а ширина — пядь. Перед и конец такой доски приподняты над землей, посередине доски место, на которое идущий ставит ногу. В нем отверстие, в котором закреплены прочные кожаные ремни, которые привязывают к ногам. А обе эти доски, которые на ногах, соединены длинным ремнем вроде лошадиных поводьев, его держат в левой руке, а в правой руке — палку длиной в рост человека. А внизу этой палки нечто вроде шара из ткани, набитого большим количеством шерсти, он величиной с человеческую голову, но легкий. Этой палкой упираются в снег и отталкиваются палкой позади, как делают моряки на корабле, и быстро двигаются по снегу. И если бы не эта выдумка, то никто не мог бы там ходить, потому что снег на земле вроде песка, не слеживается совсем. И какое бы животное ни пошло по этому снегу, проваливается в него и умирает в нем, кроме собак и легких животных вроде лисицы и зайца, а они проходят по нему легко и быстро. А шкуры лисиц и зайцев в этой стране белеют так, что становятся в виде ваты, таким же образом белеют и волки. В области Булгара их шкуры белеют зимой».³⁰⁶

Во время продолжительных странствий Абу Абдаллах Мухаммед Ибн Абдаллах ал-Лавати ат Танджине вел систематических записей. На покое ибн Баттута продиктовал книгу «целиком полагаясь на свою память». Книга странствий ибн Баттуты получила название «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий».³⁰⁷ В Астрахани и Сарае ибн Баттута слышал много удивительных рассказов о севере, где зима длится много месяцев: «В Булгаре рассказывали мне о земле мрака, и возбудили было большое желание посетить ее. Слышал я, что ездят туда на маленьких санях, запряженных собаками, ибо дороги покрыты льдом, по которому скользит человеческая нога и конское копыто, и только собаки могут держаться. Купцы отправляются туда, запасаясь пищей, питьем и дровами, ибо нет там ни дерев, ни каменьев, ни домов. Путеводителем бывает опытная собака, которую ценят иногда в 1000 динаров. К ее шее привязывают санки, и три собаки помогают ей везти их. Другие санки следуют за первыми. Проводники погоняют собак, и когда старшая остановится, все они останавливаются. Тут поскорее спешат кормить собак, ибо иначе они взбесятся и разбегутся, а путешественники без них погибнут. Приехавши в землю мрака, купцы кладут товар свой в известные места, и на другой день находят там, вместо него, соболей, горностаев и других зверей. Если они довольны обменом, то забирают товар, а не то оставляют его, и потом находят прибавку к нему, или свой товар на прежнем его месте, в знак несогласия. Таким образом торгуют они, с народом или с духами, никому неизвестно, ибо покупателей своих не видит из них никто и никогда».³⁰⁸

Шихабуддин Абу аль-Аббас Ахмед ибн Фадлалла Эломари сведения о Сибири собирал из рассказов купцов, путешественников и государственных деятелей, слышавших такого рода рассказы: «Купцы наших стран, говорил он, не забираются дальше города Булгара; купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят до земель Югорских, которые на окраине Севера. Позади их нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а [находятся] только мраки. Спросили его: „Что это у тебя за мраки?“ Он сказал: „Пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут растения и не живут никакие животные; они тянутся вдоль до Черного моря; там непрерывно бывают дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце“. Рассказывают, говорит Номан, что Искендер, проходя мимо

³⁰⁵ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. М. 1971. С. 150

³⁰⁶ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати. М. 1971. С. 90, 96

³⁰⁷ Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века // Русский вестник, Том 2. 1841

³⁰⁸ Путешествие шейха Ибн-Батуты в Золотую Орду, в половине XIV века // Русский вестник, Том 2. 1841. С. 466

крайних, ближайших к населенным местам предгорий „мраков“, увидел там людей тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им гор. Когда они подвергаются засухе, то поедают друг друга. Он [Александр Великий] прошел мимо них и не тронул их». ³⁰⁹

Источники дают все основания утверждать, что на первом месте среди товаров, вывезенных из Руси, стояли меха. В летописях об этих богатствах повествуется с фантастическими подробностями: «Спаде туча велика, и в той туче спаде веверица, млада, явы топерво рождена, и взрастити и расходятся по земле и паки бывает вторая туча, и спадают оленцы мали в ней, и возрастают, и расходятся по земле». ³¹⁰ Торговля мехами приносила большие прибыли купцам, купленных у русских охотников. Меха составляли предмет и внутренней и внешней торговли. Русские люди одевались в меховые одежды и украшали мехом одежды из материи. Богатые люди носили бобровые и соболиные шапки и шубы, куньи меха, укрывались в собольи одеяла и т.д. Меха в Древней Руси выступали в роли меховой денежной системы, столь ярко представленной в Русской Правде, хотя в те времена она уже начала отходить в область предания. Охотиться за пушным зверем заставляла охотников и необходимость уплаты дани. Дань взималась чаще всего мехами белок (по веверице от дыма) и куниц (по черне куне). В тех местах, где водились соболи, дань собиралась собольими мехами. Немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн, посетивший Русь в 1517 и 1526 годах пишет: «Там великое множество птиц и разного зверя, каковы, например, соболя, куницы, бобры, горностаи, белки и в океане животное-морж. Кроме того, белые медведи, волки, зайцы, киты, рыба по имени семга. Эти племена не приходят в Московию, ибо они дики и избегают сообщества и сожительства с другими людьми». ³¹¹

Начало передвижения русских на север следует отнести к XI в., а появление их на Югорской земле—не позже конца XIV в. Новгороду подчинялись и платили дань большие северные территории Поморья от границы с Норвегией до Обской губы, куда входили Печора (Печорский край), Югра и др. Новгородцы подчиняли эти территории постепенно, «проведывая новые землицы» по суше и по морю. После падения независимости Новгорода Москва не только наследовала все его владения, но и существенно их расширила. После включения Великого Новгорода в состав Московского государства (1456г.) походы новгородцев за Урал прекратились. Им на смену пришли московские воеводы, они стремились закрепить за Москвой новгородских данников. В 1456г. воевода Василий Скрыба ходил за Камень, а в 1483г. московские воеводы Федор Курбский и Иван Салтык-Травин повторили его путь. Однако эти войны почти не затронули территорию самодийцев. В 1499г. состоялся крупный поход тремя отрядами. Воевода Василий Бражник шел самым северным путем – через Полярный Урал. Уже на первом перевале ненцы (самоеды) дали бой, но были разбиты. Русский отряд захватил 200 оленей и использовал их как транспорт. Однако отсутствие на этой территории русских административных центров, постоянных представителей царской администрации и постоянного русского населения делало эту данническую зависимость непрочной.

С XV века стали происходить и более тесные торговые контакты. Русские купцы появлялись на югорских землях, выменивая здесь пушнину. По мере распространения рассказов о Сибири, все определеннее и сильнее становилась «...великая охота к совершенному проведыванию такой земли, которая такие сокровища производит». ³¹² Вся пушнина, добывавшаяся на северо-востоке, почти целиком шла в Поморье, где в XVI веке шла бойкая торговля с ино-

³⁰⁹ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 240—241.

³¹⁰ Щеглов И. В. Хронологический....., С. 17

³¹¹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 160.

³¹² Миллер Г. Ф. Указ. Соч. С. 68—69

странцами, и был устроен ряд торговых гаваней. По всем путям, ведущим в Югру, возникли русские промысловые поселения.

Ледяные просторы морей, снежные пустыни, безграничные леса и недоступные горы Западной Сибири уже с давних времен тревожили воображение западных путешественников и ученых-исследователей. Чем затруднительнее казался доступ в эти отдаленные края, тем сильнее разгоралось желание разведать их тайны и тем причудливее громоздились друг на друга рассказываемые о них сказки – об удивительных явлениях северной природы, о странных свойствах населяющих их людей и животных. Представление европейцев о Сибири как о стране, населенной необычными людьми и животными, дополнялось сообщениями о Золотой бабе—идоле, которому поклоняются народы Югры.³¹³ «Золотая баба (Slata baba), т. е. Золотая старуха – это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на берегу. По берегам Оби и по соседним рекам расположено повсюду много крепостей, правители (domini) которых, как говорят, все подчинены государю московскому».³¹⁴ Оно встречается в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя 1418 г., у Матвея Меховского, А. Вида, А. Дженкинсона и др.³¹⁵ Длинной цепью идут эти вымыслы сквозь почти всю европейскую историю.

С середины XVI в. наблюдается ряд настойчивых попыток англичан, как и голландцев, достигнуть Сибири, которая живо интересовала правительства и наиболее энергичные круги торговой буржуазии двух самых передовых европейских стран той эпохи. Освоившись в Архангельске, англичане вскоре же начали стараться морем и сушей пробиться на восток: по поручению агента «Московской компании» А. Марша русские мореходы в 1584 г. предприняли путешествие к Оби за пушниной. Ф. Черри ездил на северо-восток, добравшись, по-видимому, до северного Урала.³¹⁶ В Смутное время, пользуясь разрухой, безвластием и ослаблением контроля, англичане попробовали завязать непосредственные отношения с такими северными центрами, как Пустозерск, чтобы добраться оттуда и в Сибирь. Д. Логан и В. Персглоу в 1611 г. смогли описать путь к Оби через Югорский шар и получить сведения об Енисее, Пясине и Хатанге.³¹⁷

«Рассказывают, – пишет в своем сочинении Ахмед Инбфадлаллах Эломари, – что Искендер, проходя мимо крайних, ближайших к населенным местам предгорий „мраков“, увидел там людей тюркского племени, весьма похожих на зверей; никто не понимает языка их. Когда кто-нибудь схватит одного из них, то они ускользают из рук его. Питаются они растениями соседних им гор».³¹⁸ С. Герберштейн в своей книге описывает, что «живут люди чудовищного вида: у одних из них, наподобие зверей, все тело обросло шерстью, у других собачьи головы, третьи совершенно лишены шеи и вместо головы у них грудь или (у других) длинные руки, но без ног. В реке Tachnín водится также некая рыба с головой, глазами, носом, ртом, руками,

³¹³ Малин М. Англо-русские культурные и научные связи (до основания Петербургской Академии наук) // Вестник истории мировой культуры. 1957. №3. С. 101; Плигузов А. И. Первые русские описания Сибирской земли // ВИ. 1987. №5. С. 45—46; Гайсина О. Б. Легенда о Золотой бабе в сочинениях иностранцев и на европейских картах России XVI-начала XVII вв. // Зеркало истории. М. 1992. С. 87; Прокофьева Н. Е. География Московии в записках английских путешественников конца XVI в.: тез. докл. XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI—XX вв.», посвященной 70-летию Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 47—49.

³¹⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156—161.

³¹⁵ Веселовский Н. И. Мнимые каменные бабы. СПб., 1905; Трубецкой Н. С. К вопросу о золотой бабе // Этнографическое обозрение. СПб., 1906. Кн. 1—2. С. 56—65; Бегунов Ю. К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе / Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. общ. наук. 1976. №11. Вып. 3. С. 11—13

³¹⁶ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв. // Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. 1947. Вып. 15. №95. С. 56.

³¹⁷ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. 1932.; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М. 1938

³¹⁸ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 240—241.

ногами и другими частями (тела) совершенно человеческого вида, но без всякого голоса; она, как и прочие рыбы, представляет собой вкусную пищу».³¹⁹

Рафаэль Барберинипо свидетельству двух татар рассказывает, что «есть за этой рекой какой-то народ, именуемый лукоморами (Locumogí), которые в ноябре месяце такие флегматики, что вытекает у них в большом количестве какая-то клейкая материя через поры. В особенности носом, так что захватывает им дыхание, и тогда погружаются они в глубокий сон до апреля месяца. Находя это довольно странным и чудным, я смеялся тому. Но татары мне клялись, что это сущая правда, и я, однако ж, не довольствуясь этим, расспрашивал о такой диковинке еще у разных лиц, которые все мне отвечали, что действительно ходит такая молва и что все, кто ни приедет оттуда, подтверждают это».³²⁰ Ричард Джонсон приехал в Москву, где собрал краткие заметки таинственной Сибири: «В восточной стране, за Югорскою землею, река Обь составляет ее самую западную часть. По берегу моря живут самоеды и страна их называется Молгомзей (Molgomsey). Они питаются мясом оленей и рыб, а иногда и едят друг друга. Если к ним заезжают купцы, они убивают одного из своих детей, чтобы угостить их им. И если купец умрет у них они не хоронят его, но съедают его. Они едят также и своих умерших. Они некрасивы на вид, имеют маленькие носы, но проворны, очень хорошо стреляют, ездят на оленях и собаках и одеваются в собольи и олени шкуры».³²¹ Квинт Курций Руф сообщал о стране, где почти полгода не бывает солнца и длится непрерывная ночь, после которой наступает непрерывный день, и где живут народы в полуземлянках, имеющих закругленную сторону в верхней части и отверстие для выхода дыма. В зимнее время, по его словам, эти жилища заносятся снегом, и жители выходят через дымовое отверстие, а также устраивают ходы под снегом из одного жилища в другое. Для освещения и отопления эти люди используют рыбий жир. Зимой они двигаются мало и только летом добывают себе питание и запасают его на зиму.³²²

Интересно и замечание Джовани дель Пьяно Карпини о ненцах (самоедах). Монахи Плано-Карпини и Гильом Рубрук, прибыв к монгольскому хану, встретились с людьми, которые бывали часто на Югре, и записали с их слов рассказ о фантастических людях, проживающих на берегу Ледовитого океана: «Продвинувшись туда далее, они пришли к Самогедам, а эти люди, как говорят, живут только охотами; палатки, платье их сделаны только из шкур зверей. Подвинувшись оттуда далее, они пришли к некоей земле над Океаном, где нашли неких чудовищ, которые, как нам говорили за верное, имели во всем человеческий блик, но концы ног у них были, как у ног быков, и голова у них была человеческая, а лицо как у собаки».³²³ Гильом Рубрук дополнил Плано-Карпини: «...Предел северного угла неизвестен в силу больших холодов. Ибо там находятся вечные льды и снега. Я осведомлялся, о чудовищах и чудовищных людях Татары говорили мне, что никогда не видали подобного, поэтому мы сильно недоумеем, правда ли это».³²⁴ По мнению д'Авезака, издававшего сочинение Плано-Карпини, речь шла о народе, проживавшем на территории Ледовитого океана до прихода туда самодийцев.

Адам Олеарий, посетивший Россию в XVII в., раскрыл загадку о людях с лицом на груди: он видел самодийцев в своеобразной меховой одежде с капюшоном – так называемых парках. И в своей работе «Описания путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» подробно описал одежду ненцев (самоедов). В своей книге коснулся вопроса, который вводил в заблуждение многих путешественников о «людях с лицом на груди». По утверждению А.

³¹⁹ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 156—161.

³²⁰ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск. 2006. С. 233

³²¹ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. I. Иркутск. Крайгиз. 1932. С. 90

³²² Симченко Ю. Б. Указ. Соч. С. 68

³²³ Кызласов Л. Р. Указ. Соч. С. 74; см. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. 1957, С. 48

³²⁴ Кызласов Л. Р. Указ. Соч. С. 75

Олеария, ненцы (самоеды), чтобы согреться, натягивали свои «кафтаны» на головы и вытаскивали руки из рукавов. При этом рукава свисали по обе стороны лица, и у путешественников в этот период могло сложиться впечатление, что у их владельцев нет шеи.³²⁵

Все эти легенды и фантазии ничего не давали для научного познания самодийских и угро-финских народов, их происхождения, а также о местонахождении Югорской земли. В сочинении Эльмелик-Эннасыре Шихабеддина Абулаббаса Ахмеда Ибнфадлаллаха Эломари, отмечено, что Югорские земли находятся «на окраине Севера. Позади их (уже) нет поселений, кроме большой башни, построенной Искендером. Позади ее нет пути, а только мраки». В 1661 г. в России побывал германский посол Августин фон Мейерберг, писавший об Югре: «Югория, или Югра, иначе Юхра – небольшая область, прилежащая к Сибири, жители которой, татары, ведут суровую и дикую жизнь, а со времени Ивана Васильевича-старшего признают московскую власть и платят дань великому князю драгоценными мехами».³²⁶ Курляндец Якобс Рейтенфельс, проживавший в России в 1671—1673 гг., писал, что «Обдория с рекою Обью, крайний предел европейской Сарматии, отличается почти постоянным холодом и грязью. Вогулы, угры и калмыки, т.е. волосатые татары, не столько живут оседло в ней, сколько кочуют по ней со всем своим скарбом. Кандиния, или Кандорская область, вдается в Гиперборейское море, получив название от мыса и острова Кандинских, и изобилует драгоценными мехами. Здесь находилась Золотая баба, идол, почитаемый невежественными племенами за бога».³²⁷ Местоположение Сибири Я. Рейтенфельс определяет согласно С. Герберштейну, который полагает ее в Приуральской области и отмечает, что «в ней берет начало река Яик».

А. Доббин, прослуживший в Сибири семнадцать лет, сообщает в своих записях, что «большой камень, называемый русскими Пояс (Poyes Nice), простирается до полуночного Ледовитого моря и отделяет Россию от Сибири, а также от Казани и Астрахани; идет она вплоть до Монголии и до полуденного моря через Монголию и Китай, разделяет также калмыков. Прежде всего, живущие около вышеупомянутого пограничного камня народы называются вогулы. Вслед за татарами, на реке Оби, живут так называемые остяки (Astacken), очень некультурный народ, одевающийся в рыбы кожи; питается рыболов. Вниз по реке Оби, в сторону моря, живут самоеды (Samojedzen), народ, похожий на лапландцев и так же [как они] одетый; ездят они зимой на оленях, молятся черту, как и остяки».³²⁸

Так, А. Н. Татищев и И. И. Болтин отнесли Югру к р. Югу, впадающей в Северную Двину и связали с названием этой реки.³²⁹ Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер считали, что Югра находится на берегах Ледовитого океана, в Пустозерском крае между Печерой и Уралом.³³⁰ И. Г. Георги полагал, что границы Югорской земли, охватывает пространство от Белого моря до р. Оби.³³¹ По исследованию фон-Бушена, Югра располагается на севере по побережью Ледовитого океана, от Югорского шара до устья р. Таз, а на юге достигла верховьев рек Лозьвы и Вишера.³³² А. Х. Лерберг считал, что «Древняя Угрия простиралась между 56° и 67°

³²⁵ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. 1906, С. 23—27

³²⁶ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена императорского придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу, в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М. Императорское общество истории и древностей Российских. 1874

³²⁷ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII – XVII вв. Новосибирск. Сибирское отделение Российской академии наук. 2006.

³²⁸ Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Ч. II. Иркутск. Крайгиз. 1936. С. 130

³²⁹ Татищев В. Н. Российская история. СПб. 1768. Кн. 1, С. 212; Щеглов И. В. Щеглов Хронологический перечень..., С. 16

³³⁰ Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особенно от покорения его Российской державе по наши времена. СПб. 1787, Кн. 1, С. 125; Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания этой земли российским оружием. СПб. 1774, С. 98

³³¹ Георги И. И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. 1799, Ч. III, С. 113

³³² См. Щеглов И. В. Хронологический перечень... С. 16

северной широты, от самого северного конца Урала на восток, через нижнюю Обь до реки Надыма, впадающей в Обскую губу, и до Агана, который выше Сургута, впадает в Обь. К ней принадлежали еще места, лежащие по нижнему Иртышу, Тавде, Туре и Чусовой. С южной стороны граничила она с татарскими владениями, а с северной – с землей прежде бывших самоедов; почему и занимала не малую часть северо-западной Азии, и состояла больше из мест, принадлежащих ныне к Тобольской и Пермской губерниям».³³³

А. Савельев полагал, что Югра лежит за Уральским хребтом, по обеим сторонам Оби, простирается до берегов Аян на восток, причем замечал, что «жители ее до сих пор вогулами, именем, которое по свойству финских наречий есть не что иное, как диалектическое изменение имени Угров».³³⁴ С. Герберштейн отнес Югру за Обь,³³⁵ а И. Завалишин считает, что «Югория между Обдорией и Кондою».³³⁶ В «Книге Большого Чертежа», основанного на источниках XVI в., территория «Югры» совпадают с Вологодской и Пермской летописями, от устья Оби идут верх «Обдорские города, а выше Обдорских городов Югорские, а выше Югорских городов – Сибирь... И те города по Сосьве и по Сысьве – Югра»³³⁷ Жители Югорской земли фигурировали в XV и в XVI вв. под именем «югричей».

Ф. И. Страленберг впервые публично выступил против заблуждения, которое ходило среди путешественников, исследователей о Югре, заявив, что оно возникло из-за незнания реальной картины этнического мира Сибири, ибо на этой территории проживают много различных народов. Сделал их описание и классификацию на основе сопоставления определенных слов, и была предложена в виде специальной таблицы «Свод языков северо-восточных народов, в просторечии татар» (*Gentium Boreo-Orientalium Vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum*). Для этого он сопоставил 60 одинаковых, таких важных для жизни слов и терминов, как отец, мать, род, огонь, числительные от 1 до 10 и т. д. на 32 языках, разбив их на отдельные 6 группы: 1) народы, составляющие в совокупности обро-венгерскую и финскую нацию, имеющие «единый диалект», живущие в Европе и Азии, прародителями которых были гунны или унны: венгры, финны, вогулы, мордва, марийцы, пермяки, вотяки остяки; 2) тюркские народности: якуты, чуваша, сибирские татары; 3) народы самодийские (самоедские); 4) народы «не состоящие под одним управлением», но родственные по вере – калмыки, маньчжуры и тангуты или тибетцы; 5) народы южносамодийские, тунгусские, палеоазиатские. В шестую группу выделены кавказские народы. Этот список неодинаков для разных народов. Страленберг первый предложил провести границу между Европой и Азией по Уральскому хребту, что впоследствии было принято всеми географами. Он же исправил некоторые заблуждения прежних исследователей: убрал с карты несуществующее Лукоморье, опроверг утверждения о заселении Северной Азии лишь одними татарами, дал классификацию некоторых народностей.³³⁸

Д. Г. Мессершмидт путешествовал семь лет по Сибири. И все это время планомерно проводил сбор этнографического материала, составляя коллекции различных предметов быта народов Сибири и делая зарисовки. На собственные средства он собрал богатую коллекцию одежды, оружия, культовых предметов эвенков (тунгусов) и хантов (остяков). Вернувшись в Петербург, путешественник сдал эту коллекцию в Кунсткамеру Академии наук. Ученый записывал в дневнике не только маршрут своего путешествия, но и результаты наблюдений

³³³ Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней сибирской истории. Спб. 1819, С. 65; См. Щеглов И. В. Хронологический перечень... С. 16; а также; С. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Тобольск, 1911, С. 2; также; Павловский В. Вогулы. Казань, 1907, С. 12; также; Финш О., Брэм А. Путешествие в Западную Сибирь. М. 1882, С. 448

³³⁴ Савельев А. Мухамеданская нумизматика, в отношении к русской истории. //Газета «Сибирь», 1847, №5; см. Щеглов И. В. Хронологический перечень..., С. 15

³³⁵ Герберштейн С. Записки о московских делах. М. 1908, С. 129; он же; Записки о Московии. М. 1988, С. 103

³³⁶ Завалишин И. Описание Западной Сибири, М. 1862, С. 278

³³⁷ Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в ХУ1-ХУП вв., Научные труды, М.1955, Т.Ш, Ч.П, С.86

³³⁸ Strahlenberg Ph. An historic description of the north and eastern parts of Europe and Asia. London, 1738.

над встречавшимися на его пути представителями разных народов. В дневнике содержатся обширные данные об хантах (остяках), эвенках (тунгусах) и других народах. Язык, одежда, пища и напитки, культ умерших и верования, если только они привлекали его внимание, изучались им, и результаты фиксировались. Большую научную ценность имеет подробный список слов различных народов, впервые составленный им путем опроса. На основании сходства или различия языковых данных ученый пытался устанавливать этногенез отдельных народов. Так, Д. Мессершмидт первым обратил внимание на родство языка одного из южносибирских народов – камасинцев с языком ненцев (самоедов). Писал ученый и о койбалах, относя их к кыштымским татарам, а их язык считал «искаженным» остяцким. Это и послужило основой для создания первой гипотезы о происхождении самодийских народов, их зарождении на севере Евразии.³³⁹

Гипотеза И. Фишера оказалась более правдоподобной. В самом деле, трудно представить себе, что какой-то народ зародился в районе Северного Ледовитого океана и расселился на огромной территории.³⁴⁰ В начале XIX в. финн М. Кастрен занялся обоснованием гипотезы о южном происхождении самодийцев. Он нашел на Саянском нагорье целую группу народов самодийского происхождения — моторов, койбалов, сойотов, карагасов и др. Блестящий лингвист, М. Кастрен собрал обширнейший материал о самодийских языках и убедительно продемонстрировал родство народов, живущих от Саян до Таймыра и Ямала.³⁴¹ Собранные во время длительных экспедиций материалы заставили М. Кастрена согласиться с высказанной И. Фишером точкой зрения о южном происхождении северных самоедов. М. А. Кастрен предполагал, что в IX вв. н.э. в связи с так называемым великим передвижением народов самоедские племена были вытеснены из пределов Саянского нагорья к северу.³⁴² Советский ученый Г. Н. Прокофьев, опираясь на теорию Фишера-Кастрена, внес в нее необходимые коррективы. Согласно его предположению «предками современных ненцев, нганасан, энцев и селькупов были не только самодийские (самоедские) племена Саянского нагорья, но также и некие аборигенные племена Крайнего Севера, заселившие территорию Обь-Енисейского бассейна с древнейших времен».³⁴³

– История расселения северных народов на территории Березовского края

Ко времени присоединения Сибири к России северные народы занимали территории в пределах северо-западной части Западной Сибири. Таежное Среднее и Нижнее Прииртышье с Притобольем, а также Нижнее и Сургутское Приобье занимали предки обских угров, хантов и манси, уже оформившиеся в самостоятельную этническую группу. Северные ханты занимали часть Прииртышья, ниже устья Тобола, и нижнего Приобья до Обской губы, а также бассейн Северной Сосьвы с прилегающими районами Северного Урала и северной части Печорского Приуралья. В низовьях Оби и на Северном Урале с хантами соседствовали предки ненцев (закаменская самоедь), населявшие тундру и лесотундру от Печоры до Енисея. Они сформировались как особый этнос в начале 2-го тысячелетия в результате смешения пришедших с юга, из Среднего и Верхнего Приобья, самодийцев и аборигенного населения тундры и арктического побережья, известного в легендах ненцев как «сихиртя». В генезисе ненцев приняли участие также северные группы хантов. Населенные манси и хантами Северное Приуралье и Нижнее Приобье фигурировали в древнерусских летописях под именем Югры.

³³⁹ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721—1725 гг. // Исторический архив, №2. 2003

³⁴⁰ Фишер И. Указ. Соч.

³⁴¹ Кастрен М. Указ. Соч.

³⁴² Хомич Л. В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. С. Петербург. 1995. С. 36—41.

³⁴³ Прокофьев Г. Н. Указ. Соч.

Самодийские народы наряду с финно-уграми составляют ветвь уральских народов. Они проживают редкими разрозненными группами на громадных пространствах тундровой и таежной зоны Сибири. К северной ветви самодийцев относятся ненцы, энцы и нганасаны. Кроме них, к самодийцам причисляют также селькупов.

Вопрос о происхождении ненцев окончательно не решен. Учеными предполагается, что начало формирования ненцев как этнической общности имело место в таежной зоне междуречья Оби и Таза во второй половине 1 тыс. н.э.³⁴⁴ Впервые эту гипотезу выдвинул швед Ф. Страленберг, где высказал предположение о приходе самодийцев на Саяны с севера.³⁴⁵ Это вызвало возражение Иоганна Фишера. Самодийцы, по его мнению, бежали с юга на север, «боясь татар».³⁴⁶ С конца 1 тыс. н.э. ненцы постепенно населяют тундровую зону. Здесь происходит завершающий этап их формирования, сложения основных черт материальной и духовной культуры. Она включила в себя черты культуры южносамодийских предков ненцев (язык, оленеводство, чум, распашная одежда, способ погребения), впитала некоторые черты культуры хантов, а также восприняла ряд элементов культуры доненецкого населения тундры «сихиртя» (навыки морской охоты, употребление в пищу сырого мяса, глухую одежду). В XVIII – начале XX в. эта территория вошла в состав Тобольской губернии.

До революции русские называли ненцев «самоедами» и «юраками»: «Слово „самоед“ сделался у россиян общим наименованием кочующих по упомянутым диким местам народов, и неизвестно, почему дано им такое название, которого они и сами не знают и которого не заслуживают по своему свойству», – пишет Евдоким Филиппович Зябловский.³⁴⁷ Это название было распространено на Европейском и Обском Севере, а «юрако-самоеды» — на Енисейском. Происхождение термина «самоед» трактовалось по-разному. Однако окончательное объяснение этого названия еще не найдено.

Территория расселения ненцев была очень велика и почти целиком охватывала европейскую тундру и лесотундру от реки Мезени на западе и до левых притоков реки Пясины—Пуры и Агапы на востоке в Сибири. С XIX века незначительное число ненцев проживало на Кольском полуострове (главным образом в Левоозерском и Понойском районах Мурманской области). Их небольшие группы заходили и на запад от Мезени до Северной Двины. На севере ненцы расселялись до берегов Баренцева и Карского морей, жили на островах Колгуев, Вайгач, Новая Земля. Хотя уже довольно ранние летописные сведения говорят о ненцах-олeneводах, имеющих упряжное оленеводство, однако некоторые группы самодийцев (пян-хасаво, селькупы), по-видимому, имели вьючно-верховое оленеводство, предшествовавшее современному санному.

Несколько слов о ненцах, проживающих на Таймыре. Исторические источники свидетельствуют, что еще в начале XVII века ненцев в бассейне нижнего Енисея не было. Эту территорию населяли предки нынешних тундровых и лесных энцев. Первые попытки проникновения ненцев на восток, к Тазу и Енисею, относятся к середине 30-х годов XVII века. С 1651 г. предки енисейских ненцев стали регулярно платить ясак в Мангазее и в Хантайском зимовье. С того времени начались военные столкновения между ненцами и энцами. Наиболее известны три столкновения: первое, предположительно, между 1645 и 1673 гг., второе – в конце XVII века и третье – зимой 1849—50 гг., в районе оз. Туручедо (близ Потапово). Основными причинами, побудившими ненцев продвинуться к Енисею, были скудность промыслов в местах прежнего жительства, исчезновение северного дикого оленя, отсутствие хлеба и других русских товаров, особенно после переноса центра Мангазейского уезда с Таза на Енисей. Впро-

³⁴⁴ Хомич Л. В. Указ. Соч.; Васильев В. И. Указ. Соч.

³⁴⁵ Strahlenberg Ph. Указ. Соч. С. 200

³⁴⁶ Фишер И. Указа. Соч. 150

³⁴⁷ Зябловский Е. Ф. Новейшее землеописание Российской империи, сочиненное Зябловским, Санкт-Петербургского педагогического института экстраординарным профессором. СПб. 1807. С. 122—124

чем, в низовьях Таза и на Гыдане имело место и простое включение энцев и целых энецких групп в состав ненецких родов.

Бурные события XVII – XIX веков, происходившие в тундре от полуострова Канина до Енисея, почти не коснулись лишь одной группы ненцев – лесных, живущих в западносибирской тайге верховьев рек Пур, Надым, Полуй и Казым, на озере Нум-То. В русских документах лесные ненцы известны с XVII века под именем кунных (до начала XVIII века) или казымских самоедов (употреблялось до XX века). На протяжении XVII – XX веков ареал расселения лесных ненцев изменялся незначительно (они проникли в верховья реки Аган, отдельные группы, возможно, выходили в тундру, продвигались на восток, в бассейн Таза, к Енисею). Едва ли их численность когда-либо превышала 10% общей численности ненцев.

Численность и расселение ненцев в период с XVIII в. до начала XX в. представляли следующую картину. К началу XVIII в. сибирские тундровые ненцы, основная часть которых была кочевыми оленеводами, образовывали две территориальные группы: одна кочевала по левую сторону Оби от верховьев р. Сось до Карского моря – Каменные ненцы; вторая обитала по правую сторону Оби, вдоль побережья Ледовитого океана до бассейна Енисея — Низовые.³⁴⁸ Деление тундровых сибирских ненцев на «каменных» и «низовых» стало складываться в XVII и окончательно оформилось в XVIII веке.³⁴⁹

Особые группы составляли войкарские ненцы, которые кочевали в пределах Куноватской и Ляпинской волостей, где преобладающим населением были ханты и манси; и казымские (кунные)³⁵⁰ обитавшие в бассейне верхнего и среднего Пура, а также в верхнем и среднем течении Надыма. Войкарские ненцы, в свою очередь, делились на сынских и ляпинских.

На начало XVIII – XIX вв. численность ненцев на территории Тобольского Севера по сведениям ясачных ревизий, переписей, донесениям частных комиссаров, отчетов путешественников, исследователей, священников была примерно следующей:

³⁴⁸ Завалишин И. Указ. Соч. С. 288; Зуев В. Ф. Указ. Соч. С. 22

³⁴⁹ Васильев В. И. Указ. Соч. С. 91; Миненко Н. А. Указ. Соч. С. 17

³⁵⁰ Вербов Г. Д. Лесные ненцы. //СЭ. №2, 1936, С. 57—70

Годы и численность ясачного населения ¹							
Годы							
1701	1712	1763	1783	1795	1811	1816	1829
Количество населения							
1011	1313	1643	3387	3543	1982	4393	3494

В 1801 г. чиновниками Тобольской казенной палаты было отмечено 3341 ясашных.³⁵¹ Ревизскими переписями за 1816 г. ненцев Обдорской волости было учтено 4393 человек.³⁵² И. Суханов в своем очерке за 1816 г. указал 7911 ненцев.³⁵³ В донесении частного комиссара в 1820 г. ненцев, заплативших ясак, было зарегистрировано 3107 человек.³⁵⁴ В 1827—1830 гг. в ведомости Тобольской казенной палаты было зафиксировано 3661 человек, внесших ясак в доход кабинета его Императорского Величества.³⁵⁵ Вторая ясачная комиссия в 1829 г. учла 3494 обдорских ненца, но сюда не вошло несколько родов.³⁵⁶ В ревизских сказках мы находим сведения за 1851 г., когда было зарегистрировано 3705³⁵⁷ ненцев, а в 1858 г. их насчитывалось уже 5078³⁵⁸.

Следует отметить, что численность ясачного населения то заметно сокращалась, то увеличивалась. Об этом свидетельствуют материалы ревизий и всероссийских переписей, которые, однако, не обладали особой точностью. Это объяснялось трудностью учета кочевого населения, которое фиксировалось лишь во время сдачи ясака. Причинами этих колебаний также являлись эпидемии, процессы ассимиляции и миграции населения из одних административных районов в другие. Даже не очень значительный повод мог заставить ненцев сняться с насиженного места и быстро перебраться на другой конец тундры, даже за пределы Обдорской волости на территорию Туруханского края. Каменные ненцы с легкостью переходили в состав Низовых, и наоборот: «Они снимаются с места, как стая птиц, спугнутая человеком».³⁵⁹ Отмечены и некоторые другие причины и недостатки в системе подсчета численности населения, приводившие к серьезным погрешностям.

Общая численность населения по группам и годам из ведомостей Тобольской казенной палаты:

³⁵¹ ГУТО ГА г. Тобольск Ф. 156 оп. 1 д. 2 л. 43об.

³⁵² Там же. Ф. 154 оп. 8 д. 289 л. 90

³⁵³ Суханов И. Очерки Березовского края. //ТГВ, 1894, №31, 413

³⁵⁴ ГУТО ГА г. Тобольск Ф. 154 оп. 1 д. 6 л. 8—9об.

³⁵⁵ Там же. Ф. 154 оп. 1 д. 17 л. 19об.

³⁵⁶ Васильев В. И. Указ. Соч. С. 159

³⁵⁷ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 756 л. 97

³⁵⁸ Там же. ф. 154 оп. 8 д. 992 л. 640

³⁵⁹ Бахрушин СВ. Самоеды в XVII в. //Научные труды. М., 1955, Т. 3, Ч. 2, С. 5

	1783 г.	1795 г.	1851 г.	1858 г.	1897г.
Каменные	2075 ¹	2212 ²	2333 ³	3239 ⁴	2331 ⁵
Низовые	1212 ⁶	1231 ⁷	1375 ⁸	1741 ⁹	1148 ¹⁰
Куноватские	41 ¹¹	66 ¹²	21 ¹³	24 ¹⁴	72 ¹⁵
Ляпинские	162 ¹⁶	179 ¹⁷	128 ¹⁸	120 ¹⁹	100 ²⁰
Казымские	476 ²¹	504 ²²	476 ²³	606 ²⁴	467 ²⁵

¹ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 92 Там же: С. 92

² ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 756 л. 7-80

³ Там же: ф. 154 оп. 8 д. 992 л. 519-613

⁴ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 170

⁵ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 92

⁶ Там же: С. 92

⁷ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 756 л. 80-97

⁸ Там же: ф. 154 оп. 8 д. 992 л. 306

⁹ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 170

¹⁰ Там же. С. 94

¹¹ Там же. С. 94

¹² Там же. С. 174

¹³ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 992 л. 306 л. 718

¹⁴ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 172

¹⁵ Там же. С. 95

¹⁶ Там же. С. 95

¹⁷ Там же. С. 172

¹⁸ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 992 л. 613-640

¹⁹ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 176

²⁰ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 176

²¹ Васильев В.И. Указ. Соч. С. 176

²² Васильев В.И. Указ. Соч. С. 102

Данные ведомости приблизительно подтверждают число кочующих ненцев с 1820 по 1830 гг., указанное в материалах ревизских сказок по Обдорской волости за 1851—1858 гг.

Населенные манси и хантами Северное Приуралье и Нижнее Приобье фигурировали в древнерусских летописях под именем Югры: «есть тот же самый народ, который теперь нам известен под названием вогулов и обских остяков... они населяли прежде Обдорские страны».³⁶⁰

Ханты – один из древних народов Западной Сибири, широко расселившийся по Обско-Иртышскому бассейну от линии Демьянка-Васюган на юге до Обской губы на севере. В Сургутском Приобье на реках Васюгане и Вахе проживали предки восточных хантов, в формировании которых участвовали группы северных и южных хантов, мигрировавших на юго-восток и восток с нижней Оби и Иртыша. В XIII – XIV вв. под давлением тюркоязычного населения из лесостепи граница расселения хантов и манси отодвигается к северу. Ханты относятся к угорской группе народов уральской языковой семьи. Это самый северный из угорских народов, издавна населявший районы Среднего и Нижнего Приобья. Среди ханты выделяются три этнические группы – северная, южная и восточная. В каждой из них обособляется ряд подгрупп, получивших свои названия по названиям рек, в бассейнах которых они локализованы: ханты аганские, тромьеганские, ваховские, казымские, кондинские, салымские, среднеобские (сургутские), юганские, нижеобские пимские и др. Каждая из этнических подгрупп отличается языковым диалектом, особенностями в хозяйстве и культуре, эндогамией (заключением браков в своей группе).

Северные ханты – одна из крупных групп обских угров, представители которой проживали на территории Березовского уезда, в составе которого выделялась самая северная – обдорская (усть-обская) группа, которые относились к Обдорской волости. В составе нижеобских хантов выделяются группы обдорско-куноватская, березовско-казымская и атлым-шеркальская. На протяжении XVII в. – в начале XX в. обдорско-куноватская группа хантов проживала по Малой и Большой Оби с притоками Полуй, Сось, Куноват, Сыня, Собтыеган и Войкар. В их составе выделяются южная группа – «малай ех», охватывающая территорию Куноватской волости и часть Обдорской, и северная – «нум хапи», проживающая ниже Обдорска на реках Сось и Собтыеган. На нижнем Оби известны родовые группы, причисленные обдорско-куноватским хантам к «лев охаль» —реки Сосьвы и «ай лев ех» – малой Сосьвы народу.

О ней можно говорить как об относительно компактной и самобытной общности, сложившейся в сочетании угорской, таежно-самодийской и тундрово-ненецкой культур. Соответственно северные ханты распадаются на ряд локальных групп, которые чаще всего объединяют людей, проживающих в бассейне одного из притоков Оби – Сыни, Куновата, Казыма, Войкара и др. С середины II тыс. н.э. северные ханты испытали сильное влияние ненецкой оленеводческой культуры. В зоне непосредственных территориальных контактов ханты частично подверглись ассимиляции со стороны тундровых ненцев (т.н. семь ненецких родов хантыйского происхождения).

Этнонимы «ханты» образованы от самоназвания народа «хантэ», «кантах». В качестве официальных названий был принят после 1917 года, а в старой научной литературе и в документах царской администрации народ ханты называли «остяками». Этноним объясняют по-разному, в том числе возводят к самосознанию «ас-ях» (обские люди) по названию основной реки, которую в фольклоре ханты величают «двадцатью оленями избеганная, великая обильная Обь»: «Остяки на р. Оби называют себя „Ysstiach“, а русское слово остяк происходит от слова „Ass“ (или по-русски Обь) и „jack“ (или по-русски житель), и значит поэтому „житель

³⁶⁰ Лерберг А. Х. Указ. Соч. С. 73

Оби“. Каждая волость имеет свой особый язык; нарымские остяки совершенно не могут говорить с лумпольско-сургутскими и их язык больше имеет сходства с языком самоедов». ³⁶¹ Проживающие в устье Полуя, чуть выше Обдорска (Салехард) северная группа хантов известна как «пастэр ех». Приобщение северных хантов к оленеводству повлекло за собой восприятия основных элементов ненецкой культуры. Особенно заметно ненецкое участие в культуре северных хантов обдорско-куноватской группы. Ханты, проживающие на правых обских притоках Куновата, Питляра и Собтыегана имели небольшие стада. У ханты, живших в устье Оби и на побережье Обской губы, сочетались тундровый крупностадный тип оленеводства. Часть хантов вошла в состав тундровых ненцев: Неркагы – «Выл посл ех» – большой протоки народ; Тибичи – «Осяс ех»; Пандо – «Охсар юган ех» – лисьей реки народ; Поронгуй – «Похрын ех» – проточные; Салиндер – «Пульновыт ех» – устья Полуя народ; Лар – «Поль ех» – реки Полуя народ. ³⁶²

Хантов в начале XVII в. было 7859 чел. Численность хантов по данным IV ревизии 1782 г. было зафиксировано 2927 человек, по данным VII ревизии – 3339, по X ревизии – 3180 человек. В 1850 г. в Обдорской волости, кочующих 1716 мужчин и 1464 женщин, из них:

Юрт Обдорского городка – 130 муж., 104 жен., из них некрещеных – 99.

Юрты Пашерцовые – 103 муж., 94 жен.

Роду Тобольчина – 78 муж., 61 жен., из них крещенных – 22 муж., 14 жен.

Юрты Ендырские – 303 муж., 265 жен.

Полуйский городок – 152 муж., 128 жен., из них крещенных – 86 муж., 71 жен.

Шурышкарский городок – 100 муж., 111 жен.

Вандязские юрты – крещенные: 23 муж., 18 жен.

Войкарский городок – 134 муж., 126 жен.

Аспугольский городок – крещенные: 63 муж., 60 жен.

Собский городок – крещенные: 66 муж., 57 жен.

некрещенные: 151 муж., 115 жен.

Войтважские – некрещенные: 89 муж., 81 жен.

Воксаровские – некрещенные: 83 муж., 68 жен.

Ворважские – 69 муж., 68 жен.

Казымские – 21 муж., 22 жен.

Надымские – 100 муж., 99 жен. ³⁶³

В Куноватской волости Обдорского отделения кочующих хантов 958 мужчин и 884 женщин, в том числе:

Сынского городка – 247 муж., 199 жен.

Мужинского – 40 муж., 41 жен.

Войкарские – 48 муж., 54 жен.

Куноватские городки – 129 муж., 152 жен.

Киеватские – 47 муж., 41 жен.

Качегатские – 24 муж., 20 жен.

Тегинские юрты – 24 муж., 26 жен.

Усьсосвинские – 20 муж., 10 жен.

Кушеватские городки – 72 муж., 52 жен.

Лангивожские – 22 муж., 28 жен.

Кыжгорские – 75 муж., 89 жен.

³⁶¹ Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта – исследователя народов Сибири. 1721—1725 гг. // Исторический архив. №2. 2003

³⁶² Обдорско-куноватские ханты, //Ямал: Грань веков и тысячелетий, СПб. 2000, С. 143—189

³⁶³ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 756 Л. 180

Войтские юрты – 44 муж., 41 жен.

Питлярские – 44 муж., 54 жен.

Вандязские – 78 муж., 75 жен.

Собские – 23 муж., 17 жен.³⁶⁴

По материалам V ревизии в Казымской волости числилось 794 ханта; по VII – 865; по X – 1254. В 1897 г. насчитывалось 1331 хантов, 15 манси. В конце XVIII в. в волости перечислено 25 фамилий, в середине XIX в. – 18. В 1680 г. В волости Казым было 209 плательщиков ясака. В Куноватской волости в 1795 г. Насчитывалось 1938 человек; в 1816 г. – 1811, а в 1897 г. проживало 1684 ханта, 108 манси. По материалам V ревизии зафиксировано 51 фамилия, по X – 24. В 1680 г. В Куноватской волости числилось 271 плательщик ясака. За XVIII в. население увеличилось вдвое. На протяжении XIX в. численность куноватских хантов отличалась стабильностью. По данным V ревизии в Обдорской волости численность населения составляла 2927 человек. По данным VII ревизии проживало 3339 хантов, по X – 3180. В 1897 г. в Обдорской волости проживало 2533 ханта, 30 манси, 183 ненца. В конце XVIII в. в Обдорской волости было зафиксировано 83 фамилии, в середине XIX в. – 50. В 1680 г. в Обдорской волости насчитывалось 308 плательщиков ясака. К концу XVIII в. население возросло в три раза.³⁶⁵ К концу XIX в. их численность возросла до 16256 чел. – не столько за счет естественного прироста, сколько за счет выявления новых ясачных плательщиков. В этот период продолжалось переселение хантов на север и восток. Шли миграции с Иртыша на Конду, Нижнюю и Среднюю Обь; вверх по Средней Оби и на Вах; с Северной Сосьвы и Ляпина на Обь и Казым; с Оби на притоки, с Казыма на Назым, Лямин, Пим и Среднюю Обь, с Демьянки на Юган, с Иртыша на Салым, Аган, Пим и Юган.³⁶⁶ Миграции способствовали усилению межэтнических контактов, взаимному проникновению традиций.

Селькупы – народ самодийской языковой группы. Исторически в составе селькупов различают две территориально изолированные группы – северную (тазовско-туруханские) и южную (нарымские). Самоназвание северных селькупов — «солькуп», «шолькуп» (таежный человек). В дореволюционной этнографической литературе их называли обычно «остяками» или «остяками-самоедами». Русская колонизация дала толчок к существенным изменениям в территориальном расселении селькупов. Крайне южные группы и ранее испытывавшие демографическое давление со стороны соседей-тюрков отходят на север или ассимилируются; к концу XVIII в. фактически исчезают селькупы Томского уезда. Одновременно, однако, происходит переселение «сургутских» селькупов (в основном, из бассейна реки Тым) на север. Первые сведения о проникновении селькупов в бассейн реки Таз, на территории, заселенные до того лесными энцами, относятся к середине XVII в. В течение XVIII в. здесь формируется достаточно многочисленная и активная группа северных селькупов, которая расселяется далее на северо-восток (в бассейн реки Турухан и других притоков Енисея), ассимилирует остатки энецкого населения, а также захваченные миграцией семьи восточных хантов. Северных селькупов в конце XIX в. насчитывалось около 800 человек.

Манси (вогулы) – один из малочисленных народов Севера: «Вогулы, называющие себя мансы, занимают теперь северную часть Уральского хребта по обеим сторонам его, между реками Камою, Печорою и Обь».³⁶⁸ Как этнос манси сложились в процессе слияния местных племен уральской неолитической культуры и угорских племен, двигавшихся во втором-первом тысячелетиях до н.э. с юга через степи и лесостепи Западной Сибири и Северного Казахстана.

³⁶⁴ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 154 оп. 8 д. 756 л. 180; л. 183

³⁶⁵ Долгих Б. О. Указ. Соч. С. 57, 65, 80

³⁶⁶ Мартынова Е. П. Указ. Соч. С. 187

³⁶⁷ Пелих Г. И. Селькупы XVII века. (очерки социально-экономической истории). Новосибирск. 1981; Хомич Л. В., Ириков С. И., Аюпова Г. Е. Тазовские селькупы. Очерки традиционной культуры. СПб. 2002. С. 25

³⁶⁸ Завалишин И. И. Описание Западной Сибири Империала Завалишина. М., 1862. С. 248,

До сих пор у народа манси сохраняется сочетание культур таежных охотников и рыболовов и степных кочевников-скотоводов. Язык – финно-угорская группа урало-юкагирской семьи языков.

Самоназвание «мяньчи», «маньсь», «маньси» происходит от древней формы, что и самоназвание венгров – «мадьяр». Старое русское название «вогул» происходит от названия реки Вогулки – левого притока Оби. Данный этноним начинает употребляться в русских документах с XIV века, прежде всего, по отношению к манси, которые жили на западных склонах Урала, в верхнем течении Печоры и на востоке Верхнего Прикамья и постоянно тревожили своими набегами русских и коми на Верхней Каме и Вычегде – вплоть до Великого Устюга. Еще в XVII – XVIII вв. население на Северной Сосьве и р. Ляпин, низовья Оби, называлось «остяками», а не «вогулами». По-видимому, здесь происходили процессы становления современных манси на основе слияния мансийских (пришлых с юга и запада), местных аборигенных и хантыйских групп. Манси переселялись сюда из Прикамья и Приуралья, а также с Туры и Тавды, где в XVI – XVII вв. происходили процессы татаризации угорского населения. К середине XX в. манси остались лишь на территории Северной Сосьвы и Ляпина (вновь образовавшаяся северная группа), Конде, Лозье. На востоке они продвинулись до Оби, смешавшись в нижнем течении этой реки с хантами. В начале XVI в. земли Тюмени вошли в состав созданного татарами Сибирского ханства с центром в Кашлыке. Манси были обложены ясаком, с татарами они развивали и торгово-обменные связи (за меха они получали оружие, хлеб, ткани и другие товары). Е. Г. Федорова выделяет у манси несколько комплексов элементов культуры: 1 – оседлых таежных рыболовов и охотников; 2 – кочевого скотоводческого населения; 3 – кочевого таежного и тундрового населения; 4 – коми-зырянский; 5 – татарский; 6 – русский.³⁶⁹

Северная группа манси занимает бассейн Северной Сосьвы с притоком Ляпин и верховья Лозьвы и Пельма. Часть северных манси оказалась на территории правобережья Оби; северные манси считаются поздним этническим образованием, относящимся к XVII – XVIII вв. Особенности культуры каждой из групп манси определяются не только физико-географическими условиями, но разными традициями как следствием генезиса и путей эволюции культуры. Ранее территория их расселения была гораздо шире и находилась в значительной мере западнее и южнее современной.

Ляпинская волость занимала бассейн р. Ляпин. По данным V, X ревизий население волости записывалось в переписях до середины XIX в. как «остяки». В 1795 г. в волости проживало 1458 человек, в 1816 г. – 1533; в 1858 г. – 1249, а в 1897 г. числилось 1086 манси. В V ревизией было зафиксировано – 58 фамилий, а X – 63. Сосьвинская волость располагалась в бассейне Северной Сосьвы и ее притока Тапсуя. До середины XIX в. население записывалось как «остяки», в переписи 1897 г. оно значится уже как «вогулы». В 1795 г. в волости проживало 2450 человек, в 1816 г. – 1098, в 1858 г. – 995, в 1897 г. насчитывалось – 1098 манси. Численность северных манси в целом с 1795 по 1816 г. увеличилось на 15%, а к концу века сократилось на 7%.³⁷⁰

Контакты между хантами, манси, селькупам и ненцами уходят в далекое прошлое. Тем не менее, у каждого народа есть своя территория и границы, отделяющие его от других народов. Такая граница между ненцами и хантами условно проходит по широте лесотундры Нижнего Приобья. В XVIII – XIX веках на Войкаре, Сыне, Лялине, Куновате еще сохранялись группы «самоедов». Позднее они влились в состав хантов и манси, переняв их культуру. Но в средние века северотаежные территории Приобья были заселены ненцами. Эти таежные ненцы – охотники на дикого оленя —осваивали, преимущественно, районы верхнего и среднего течения

³⁶⁹ Федорова Е. Г. Указ. Соч. С. 120

³⁷⁰ Соколова З. П. Социальная организация обских угров и селькупов //Общественный строй у народов Северной Сибири в XVII – начале XX. М. 1970. С. 125

притоков Нижней Оби. Ханты, именовавшиеся в летописях «рыбоядцами», были по большей части рыболовами и занимали припойменные участки Оби, а также низовья ее притоков. Если ненцы были искусны в оленепромысле, а позднее оленеводстве, то ханты — в рыболовном промысле. Освоение рыболовных угодий по Оби и было главной причиной продвижения хантов на север. Включение северных земель в состав сильного русского государства имело прогрессивное значение. Постепенно росло население, менялось административное деление.

Соседство ненцев (самоедов) и хантов (остяков) носило мирный и взаимовыгодный характер. Это выражалось в совместных промыслах и оленеводстве, взаимных браках. Наиболее близкие ямальским ненцам некрещенные обдорские ханты проживали в селениях по берегам Оби и Обской губы — Пашерцовых, Харпоских, Ендырских, Лабытнангских, Вылпослинских, Войтважских, Воксарковских, Казымских, Ворважских юртах, Надымском и Обдорском городках. Ненцы, по каким-либо причинам потерявшие оленей и «осевшие» в юртах или на рыболовных песках, перенимали хантыйский образ жизни, и их потомки со временем считались хантами. Например, среди «остяков» в середине XIX в. числились люди, носившие ненецкие фамилии Адер, Яр. И наоборот, если ханты приобретали оленей, становились пастухами и кочевали в тундре, через одно-два поколения они назывались уже «самоедами».

Лесотундровая граница служила полосой связей между хантами и ненцами. В ее пределах располагались как «остяцкие» юрты, так и «самоедские» стойбища. При этом культурные различия между представителями двух народов оставались весьма отчетливыми и предопределялись, главным образом, особенностями хозяйственного уклада.

– История колонизации русскими и коми-зырянами территории коренных народов

С конца XI в., а также в XII—XIII вв. Западную Сибирь начинают осваивать русские, которых привлекали пушные богатства Югры: «Те, кто живут в горах и в долинах, большие охотники; ловят они много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль, и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц, и много других животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены... От великого здешнего холода их дома под землею, а иногда живут и над землею. На севере от этого царства есть темная страна; тут всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд; всегда тут темно, также как у нас в сумерки... Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль. Люди эти, скажу вам, рослые и статные; они белые, без всякого румянца».³⁷¹

Движение их шло Югорской дорогой, через земли коми по Вычегде, далее на Печору и с нее за Урал на лев. притоки Оби – Собь или Северную Сосьву. Слухи о богатствах Сибири пронесли по Московии и привели на Урал людей из центральных земель: «Спаде туча велика, и в той туче спаде веверица, млада, явы топерво рождена, и возрастити и расходятся по земле и паки бывает вторая туча, и спадают оленцы мали в ней, и возрастают, и расходятся по земле».³⁷² По мере распространения рассказов о Югре, все определеннее и сильнее становилась «... великая охота к совершенному проведыванию такой земли, которая такие сокровища производит».³⁷³

С XIII в. в борьбу за овладение Югрой вступают северо-восточные русские княжества и Москва, в связи с чем на пути в Югру в 1218 был основан г. Устюг.³⁷⁴ Русские прони-

³⁷¹ Книга Марко Поло. М. 1956, С. 225

³⁷² Щеглов И. В. Хронологический..., С. 17

³⁷³ Миллер Г. Ф. Указ. Соч. С. 68—69

³⁷⁴ Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал. Научные труды, М. 1955, Т. III, Ч. 1, С. 138; Карцов В. Г. Очерк истории народов Северо-Западной Сибири. Л. 1937, С. 22

кали в Сибирь по трем основным путям. Самый древний из них – в «Мангазейский морской ход» – освоили XVI веке мореплаватели-поморы. Они плыли вдоль полуострова Ямал, к Тазовской губе, низовьям Енисея и Таймыру. К XIII веку появился другой маршрут проникновения за Урал. Новгородцы проникли в так называемую Югорскую землю. Сейчас это западная часть Ханты-Мансийского автономного округа. Оттуда русские проникали в Нижнее Приобье и Северное Прииртышье. Этот путь называли раньше «чрезкаменным», так как путешественникам приходилось переправляться через Уральские горы, которые в то время называли Камень. Наконец, третий путь возник после похода Ермака. Он вел на восток через Тобольск или Тюмень, и именно он стал основным путем, по которому русские в XVII веке дошли до берегов Тихого океана.

До XVI в. особо ценную пушнину Русскому государству, в основном, давали печорские и пермские земли. В то же время спрос на дорогие меха увеличился, особенно за границей. Русский соболь издавна высоко ценился во многих европейских и азиатских странах. С середины XVI в. возможности выгодной продажи пушнины существенно возросли. Были установлены прямые торговые связи с Западной Европой через Белое море, а на короткий период – и через Балтийское, а включение в состав России всего волжского пути (после падения Казанского и Астраханского ханств) дало возможность вывозить русские товары непосредственно в страны Востока.

«Мягкая рухлядь» интересовала не только людей «торговых и промышленных», но и крепнувшее государство: «соболми и горностаями и черными кунами и песци и белыми волки и рыбьими зубами», спрос на которые уже тогда предъявляли рынки Южной Руси и Прибалтики.³⁷⁵ Его расходы увеличивались вместе с увеличением его мощи, но новые источники пополнения казны отыскивались с трудом. Пушнина, привозившаяся из Сибири, получила столь большое значение в бюджете Московского государства, что заставляла и московское правительство поощрять вышеупомянутые экспедиции служилых и промышленных людей и, так или иначе, закреплять за собой найденные ими земли. «Отписки» и «скаска» служилых и промышленных людей это не просто рассказы об их походах и описания открытых ими земель, это еще и важные документы. В них они предстают перед нами людьми, обладающими большим природным умом, жизненным опытом, закаленными в борьбе, проникнутыми духом предприимчивости и любознательности. Сибирь давала широкий простор для проявления этих личных качеств, их ума и воли.

Все это движение носило стихийный характер. Стихийная вольнонародная колонизация опережала правительственную. Среди них были разные люди: от крупных предпринимателей до «гуляющих людей», бежавших из европейской части России в поисках воли и «новых земель», свободных от крепостного гнета. Разными были и побудительные мотивы, руководившие ими. Впереди шли вольные промышленники. И лишь по их следам, путями, ими проторенными, в открытые ими «земли» шли отряды служилых людей, приводившие под «высокую государеву руку» местное население и облагавшие его ясаком. П. П. Буцинский по этому поводу заметил: «Я не разделяю того мнения, что будто бы алчность к наживе вела русских все далее и далее в глубь Сибири... Нет, помимо материальных интересов, ими руководил необыкновенный дух предприимчивости, страсть к рискованным предприятиям, жажда знания – что таится в неведомых местах. Об этом свидетельствуют неопровержимые исторические факты».³⁷⁶

Ко времени похода Ермака в Сибирь уральское население располагало немалыми сведениями об этой земле: «Слыша Ермак от многих Чюсовлян про Сибирьяко царь владелец, за Каменей реки текут на двое, в Русь и в Сибирь, с волоку реки Ница, Тагил, Тура пала в Тобол,

³⁷⁵ Бахрушин С. В. Русское продвижение.... С. 138

³⁷⁶ Буцинский П. П. Указ. Соч. С. 120

и по ним живут Вогуличи, ездят на оленях; по Туре же и по Тоболу живут татары, ездят в лодках и на конях. А Тобол пал в Иртыш; и на Иртыше царство близ устья и многие Татары, и Иртыш пал в Обь, а Обь река пала в море два устья, а по ней живут Остяки и Самоедь, ездят на оленях и псах и кормятся рыбами».³⁷⁷

В освоении и заселении русскими территорий проживания северных народов И. В. Побережников выделил 5 этапов, отражающих историю присоединения к России земель коренного населения, административно-политического, хозяйственного и культурного освоения края.³⁷⁸ Освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью. Почти две трети территории Сибири (таежная, притундровая и тундровая зоны) были мало пригодны для заселения, оставаясь сферой обитания коренного населения и местом пушного промысла.

Непригодный для земледелия и крайне суровый по климату край требовал специально выработанных многими поколениями хозяйственных и бытовых навыков, которыми обладало коренное население лесотундры и тундры. Они интересовали правительство исключительно как источник пушнины: «30—50 лет тому назад пушной товар здесь был в таком изобилии, что за штоф хорошей водки (ввоз, которой был воспрещен в улусы инородцев) можно было получить соболя, стоящего 7—8 рублей, чем тобольский промышленник и пользовался» – сообщал К. Голодников.³⁷⁹ Казна получала около 1/3 всей пушнины без всяких материальных затрат в виде десятинной таможенной пошлины.³⁸⁰

Заселение севера Западной Сибири совершалась во многом с Русского Севера. Это направление длительное время служило каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов.³⁸¹ Суровый климат и природа оказывали заметное влияние на хозяйственное развитие края, приводя к потерям урожая, затрудняя общение людей и перевозку грузов. Поэтому освоение этих земель шло неравномерно и во многом стихийно. Отсюда крайне низкая плотность русского населения, количество которого было явно недостаточно для создания развитой экономической базы. Тундровые и притундровые земли ненцев в хозяйственном отношении осваивались русскими мало: «От Березова до Обдорска совершенное безлюдье, пустыня. Если кое-где и кочуют остяки или самоеды, то едва ли можно считать их за людей промышленных».³⁸²

Целые поколения поморских промышленников традиционно были связаны с пушными промыслами в Обдорском крае. Как отмечал Н. С. Щукин, поиски корней большинства русского населения в Западной Сибири уводят в «Архангельск, Вологду, Тотьму, Устюг и другие северные города».³⁸³ В XVIII в. в составе переселенцев стали преобладать выходцы из центра России: Воронежской, Курской, Рязанской, Вятской и других губерний.³⁸⁴ П. Н. Павлов, проведя специальное исследование на основе таможенных десятинных книг, пришел к выводу, что

³⁷⁷ Летопись Сибирская краткая Кунгурская. СПб., 1880, стр. 4, ст. 9

³⁷⁸ Побережников И. В. Ямал в XII – начале XX вв.: Периодизация русского освоения. //Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005, С. 3—44

³⁷⁹ Голодников К. Указ. Соч. С. 5

³⁸⁰ Павлов П. Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. //Сибирь XVII – XVIII вв. (Сибирь периода феодализма), Новосибирск, 1962, Вып. 1, С. 134

³⁸¹ Шунков В. И. Указ. Соч.; Бояршинова З. Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1963; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964 и др.

³⁸² ТГВ, 1879, №7, С. 7

³⁸³ Щукин Н. С. Народные увеселения в Иркутской губернии. //ЗРГО по отношению этнографии. СПб., 1869, Т. 2, С. 383

³⁸⁴ Миненко Н. А. Этническая история русского населения Западной Сибири в конце XVI – XIX вв. //Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Исторический опыт и современность. Тобольск, 1995, С. 69

основная масса пушнины добывалась и вывозилась преимущественно выходцами поморских уездов.³⁸⁵

Период XVII по начало XIX в. И. В. Побережников охарактеризовал как «обдорский», когда шел процесс складывания специфической локальной этнографической группы русских, обладающих существенным культурным и языковым своеобразием.³⁸⁶ Освоение северных территорий диктовалось торговыми и промышленными интересами. Одним из важнейших стимулов продвижения русских за Урал являлась погоня за ценной пушшиной, потому что «горноста́й ценился, чуть ли не на вес золота, в Москве продавался в розницу по 1 рублю серебром».³⁸⁷ Цена чернобурой лисицы на мировом рынке составляла 8 руб.; соболя— 7 руб. Сибирская пушная казна давала свыше 600 000 рублей дохода, что составляло около 1/3 доходной части государственного бюджета: «А присылается из Сибири царская казна ежегодно – соболи, куницы, лисы черные и белые, и зайцы, и волки, и бобры, а, сколько той казны придет в году, того описать не в память, а чаёт тое казны приходу больше 600 000 рублей».³⁸⁸

Значение пушнины в хозяйстве российского правительства заставляло очень дорожить плательщиками ясака и заботиться не только о приобретении новых, но и сохранении имеющихся ясачных людей, которые «ловят много дорогих животных, высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены... Соседние народы оттуда, где свет, покупают здешние меха; им носят меха туда, где свет, там и продают; а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль».³⁸⁹

По данным ревизских сказок русских было зафиксировано:

По Обдорской волости:

³⁸⁵ Павлов П. Н. Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40-70-е годы XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. (Сибирь периода феодализма), Новосибирск, 1965, Вып. 2, С. 24

³⁸⁶ Побережников И. В. Указ. Соч. С. 34

³⁸⁷ ТГВ, 1863, №29, С. 260

³⁸⁸ Тарасенков Г. Н. На просторах Обь-Иртышья (природа, хозяйство, культура Тюменской области). Среднеуральское книжное издательство, 1964, С. 70

³⁸⁹ Книга Марко Поло. М. 1956, С. 225, 226

Год	Мужского пола	Женского пола
1794	357	371
1800	413	458
1810	509	546
1820	501	526
1830	501	525
1840	553	530
1845	569	547 ¹
1850	257	251 ²

Всего проживало в Обдорске: 1794 г. – 728 человек; 1800 – 871; 1810 г. – 1055; 1820 – 1027; 1830 – 1026; 1840 – 1083; 1845 – 1116.³⁹⁰

Русские расселились в пяти волостях: Кондинской, Елизаровской, Кушеватской, Обдорской и Подгородной вперемешку с хантами, коми-зырянами. Были и чисто русские поселения, непохожие на деревни центральной России: «Это какая-то кучка беспорядочно разбросанных домишек, с клетушками и амбарушками, и массой переулков. Улиц совсем нет; дворы неогорожены. Порядочных домов вы не найдете, а если и встречаются иногда, то дома эти, по большей части, принадлежат или причту, или местным торговцам, которых в каждой деревушке имеется 2—3 человека».³⁹¹ Русских на Обдорском Севере насчитывалось – 2245, которые расселились в 10 селениях, лежащих по Оби и ее притокам.³⁹²

Коми проникали за Урал еще в XI – XII вв. Этим временем датируются два городища, основанные коми-зырянами в низовьях Оби, у селений Перегребное и Шеркалы. В поисках пушнины коми-охотники надолго покидали родные места и уходили в Западную Сибирь, живя там в поставленных среди тайги зимовьях. В Нижнем Приобье были известны Уркар (белый город) и Войкар (северный город) – центры торговли с зауральскими ненцами, ханты и манси.³⁹³ Как лучшие знатоки ведущих туда путей коми стали проводниками в отряде Ермака. Коми были в числе первых жителей многих сибирских городов, возникших в конце XVI – XVII вв. Складывание основных этнографических групп коми народа происходило в XV – XVI вв. при взаимном смешении коми, русских, ненцев и манси: удорцев в верхнем течении Мезени и Башки, вымичей в бассейне реки Выми, пермяков в верхнем течении Лузы, сысоличей в бассейне Сысолы, вишерцев в бассейне Вишеры, печорцев на Верхней Печоре, ижемцев на Ижме.³⁹⁴

Наиболее выраженный миграционный поток коми в XVII в. шел в Зауралье.³⁹⁵ Они вступают в тесные контакты с ненцами в северном Приуралье, заимствуют у них навыки выпаса оленей и становятся оленеводами. Со временем они внесли некоторые изменения в практику оленеводства: выработали новый режим кочевания и окарауливания стад, выделку оленьей замши превратили в товарное производство. Сформировавшаяся группа коми-оленеводов (ижемцев) начала осваивать все новые пастбищные территории европейских тундр, а с середины XIX века уральские и сибирские угодья.³⁹⁶ В это время коми-ижемцы активно заселяют Обдорский край, Малую Обь и Ляпин, приток Северной Сосьвы, где привели к образованию этноареальной группы обских коми.³⁹⁷ Другой поток коми-зырян и коми-пермяков продвигаются на юг нынешних Тюменской, Томской и Омской областей. Миграционные маршруты коми оставили следы в виде названий населенных пунктов. Топонимы «...дают яркое представление о путях проникновения и передвижения зырян в Западной Сибири».³⁹⁸

подавляющее количество мигрантов были выходцами из населенных пунктов бассейна р. Ижма (территория Мохченской, Ижемской волостей), с 1850-х гг. появляются отдельные семьи

³⁹⁰ Там же ф. 704 оп. 1 д. 17 л. 3

³⁹¹ ТГВ, 1894, №21, С. 413

³⁹² ТГВ, 1894, №21, С. 413

³⁹³ Морозов В. М., Пархимович С. Г. Миграции древних коми в Нижнее Приобье // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. №7. С. 54—61.

³⁹⁴ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 80

³⁹⁵ Мамсик Т. С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск, 1989. С. 208

³⁹⁶ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. С. 80

³⁹⁷ Филатова Н. В. Освоение коми районов Восточного Зауралья // Этнограф. обозрение. 1994. №5. С. 93—103; Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное этнокультурное состояние. М.: Наука, 1991. С. 23

³⁹⁸ Жеребцов Л. Н. Указ. Соч. С. 90

из селений Печорского бассейна (Усть-Кожвинская волость). В 1885 г. численность коми-зырянского населения по данным исповедных росписей составляла 467 человек. В 1897 г. в исповедных росписях уже числилось 509 человек. По данным первой Всероссийской переписи насчитывалось 737 человек. К 1917 г. она возросла до 919. Среди коми-переселенцев фиксировались отдельные крестьяне, приписанные к местному крестьянскому обществу. В 1883 г., по данным исповедных росписей, уже 102 человека являлись крестьянами. С 1885 г. 137 человек из 467 коми-зырян, живущих в с. Мужы, были зафиксированы как крестьяне Березовского городского общества. К 1917 г. их количество возросло до 244 человек.³⁹⁹ Первая семья в Обдорске поселилась в 1853 г., в Березове обосновались в 1863 г., в Кушевате зафиксированы в 1840—1860 гг., а с. Мужы стали заселять в 1860—1870 гг.⁴⁰⁰ В районе р. Ляпина коми-зыряне появились в 1842 г., основав селение Саранпауль.⁴⁰¹ В своих записках финский лингвист и этнограф М. А. Кастрен отмечает, что коми-зыряне бывали ранее и заселили с. Обдорск, когда торговля стала играть первостепенную роль: «Очень может быть, что зыряне и основали этот малый поселок, исторически достоверно, по крайней мере, то, что они издавна предпринимали торговые поездки в Обдорск».⁴⁰² В 1859 г. в Обдорске поселились еще 4 семейства. С 1863 по 1899 гг. почти ежегодно в Обдорск переселялись от 1 до 5 семей (в 1873 г. приехало 8 семейств, в 1893 г. – 7). На рубеже столетий, в 1900—1901 гг. в Обдорске появилось 22 коми-зырянские семьи из-за Урала. С 1875 г. зыряне стали оседать в селе Мужы. Поначалу там появились 4 семьи, в 1879 г. – еще 4, в 1881 г. – 2, в 1882 г. – 1 и т. д. Больше всего переселенцев прибыло в 1891 г. (10 семей), 1895 г. (7), 1897 г. (8), 1898 г. (9), 1899 г. (8), 1901 г. (8), 1902 г. (7). В начале XX в. в Мужах проживало 88 коми-зырянских семей, в Обдорске – 101 семейство.⁴⁰³

Со второй половины XIX в. численность коми-зырян стала увеличиваться быстрыми темпами. Если в 1850 г. их насчитывалось 65 человек, то в 1860 г. стало – 200, в 1897 г. по первой Всероссийской переписи было зарегистрировано – 2023.⁴⁰⁴ Большинство коми-зырян были оседлыми и являлись государственными крестьянами, приписанными по месту своего рождения.⁴⁰⁵ С середины XIX в. коми-зырян стали приписывать к местному крестьянскому обществу. В 1883 г. 9 семей являлись крестьянами с. Мужы,⁴⁰⁶ многие проживали по паспортам.⁴⁰⁷ К 1913 году в Березовском уезде находилось 500 человек коми-ижемцев, к 1924 году их стало 959 человек, а к концу 1925 года в Березовском районе имелось 250 коми хозяйств, в которых обитало 1140 жителей, в том числе в Сартынье – 46, в Саранпауле – 582, в Казыме – 34, в Няксимволе – 86, в Подгорном – 146, в самом Березове – 246 человек.⁴⁰⁸ По данным переписи 1897 г. в Березовском уезде числилось 2023 зырян. В Куноватской инородческой волости проживало 828, в Ляпинской – 415, в Обдорской – 561, в Сосвинской – 52, в Березове – 132 человека. Основная часть коми-зырянского населения была расселена в крупных населен-

³⁹⁹ ГУТО ГА г. Тобольск. ф. 700. оп. 1. Д. 10. л. 192—210об.; там же: Д. 23. Л. 57—69об.; там же: ф. 700. оп. 1. д. 10. л. 257об.-259об.; Патканов С. Указ. Соч. С. 32—34

⁴⁰⁰ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: «Наука». 1982, С. 180

⁴⁰¹ Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев, М. 1996, Т. 3, С. 112; Жеребцов Л. Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами: Сыктывкар, 1974, С. 27

⁴⁰² Кастрен М. А. Сочинения в двух томах: Т. 1. Лапландия. Карелия. Россия. Тюмень, 1999, С. 211

⁴⁰³ Жеребцов Л. Н. Указ. Соч. С. 23; Конаков Н. Д. Котов О. В. Этноареальные группы коми, М. 1991, С. 34; Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края, Сыктывкар, 1958, С. 120

⁴⁰⁴ Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, // Зап. ИРГО, СПб., 1911, Т. 11, Вып. 2, С. 2; ГУТО ГА г. Тобольск ф. 156 оп. 20 д. 743—766 л. 2—5

⁴⁰⁵ Жеребцов И. Л. Коми край в середине XVIII — середине XIX век: территория и население. Сыктывкар, 1998, С. 26

⁴⁰⁶ Повод Н. А. Коми Северного Зауралья (XIX – первая четверть XX в.), Тюмень, ИПОС, 2006, С. 188

⁴⁰⁷ Козлов З. Указ. Соч. С. 396; Баргнев В. Указа. Соч. С. 128; Скалозубов Н. Л. Дневник. // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург, 1998, С. 363

⁴⁰⁸ Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: «Наука». 1982, С. 181

ных пунктах: в с. Мужы – 737 человек, в с. Обдорском – 539, в зырянских чумах пределах волостей проживало 305 человек.⁴⁰⁹

Важнейшим этническим поведенческим стереотипом коми-зырян являлась межэтническая коммуникабельность, подкрепленная знанием языков соседей: «Почти все они говорят и по-зырянски, и по-самоедски, и по-остяцки, и по-русски».⁴¹⁰ Наличие этой особенности народного характера позволяло коми-зырянам мирно сосуществовать с этносами – хозяевами территории освоения.

Динамика численности народов севера Западной Сибири в XIX – начале XX в., чел.⁴¹¹

№	Народы	1795 г.	1816-1830	1850-1858	1897 г.	1911 г.
	Ханты	16 435	17 015	17 364	16 745	19 418
	Манси	6 446	6 996	7 242	6 937	6 814
	Ненцы	4 435	5 162	6 055	5 049	6 091
	Селькупы	-	5 795	-	4 557	6 559

На протяжении трех веков на территории Обдорского края сложились обширные районы русского и коми-зырянского населения, и в тундровой полосе образовались локальные группы промыслового населения. К XX веку это население численно стало превосходить местное разнплеменное население. На новых местах в ходе сложных этнических процессов в культуре и быту русских вырабатываются некоторые специфические черты, хотя продолжали сохраняться и старые, принесенные из «родных» мест и служащие своего рода историческими вехами в памяти народа. Непрерывность этого процесса составляет одну из характерных черт этнической истории русских. В едином русском массиве с ярко выраженной общностью самосознания, языка и культуры постоянно наличествуют различия уровня этнического подразделения, возникшие в разное время под влиянием различных причин и более или менее заметно различающиеся между собой.

Основными этносами, представленными на территории Обдорского края в изучаемый период, являлись коми-зыряне, русские, северные ханты (остяки) и ненцы (самоеды). Зыряне, ханты и русские проживали на территории Куноватской, Обдорской, Ляпинской волостей, Березовского уезда. Русские также проживали на этой же территории, но, как правило, в отдельных поселениях. Ненцы проживали на территории кочевий Уральского хребта до водораздела между Тазом и Енисеем, на севере до Карского моря, включая низовья рек Таза, Пура и Надыма.

Включение Западной Сибири в состав многонационального Российского государства отвечало жизненным потребностям не только русского народа, но и коренных народов Севера. Освоение ранее не использовавшихся природных ресурсов Обдорского Севера Березовского края, значительное увеличение численности трудового населения привели к принципиальным сдвигам в экономике Северо-Западной Сибири, к резкому скачку в развитии производительных сил, к прогрессивным изменениям в жизни ее коренных народов, совершавшихся под влиянием трудовой деятельности русских и коми-зырян.

⁴⁰⁹ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 417 оп. 1 д. 638

⁴¹⁰ ГУТО ГА, ф. 695, оп. 1, д. 52, л. 14

⁴¹¹ Источники: Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М., 1994. С. 42—43; 46—49; 52, 55, 56, 191—193; Объяснительная записка к этнографической карте Сибири. Л., 1929. С. 37—39.

Глава III. Обдорский край в составе Российского государства

– Роль северных городков в развитии Обдорского края

Присоединение Сибири и Березовского края привело к грандиозному расширению границ Российского государства и явилось одной из важных предпосылок к образованию Российской империи. Это обстоятельство весьма содействовало распространению русской власти в Сибири, так как привлекало туда множество людей, которые приезжали из России не только ради выгодной торговли, но также для охоты на ценных пушных зверей. Таких людей называли общим именем промышленных людей. Они отважились заходить в самые отдаленные места Березовского края и благодаря этому получали сведения о местных условиях и жителях, в которых нуждались воеводы уже построенных городов. Если отряды служилых людей были недостаточно сильны, то промышленные люди добровольно помогали им.

Располагаясь на пересечении водных магистралей, первые сибирские города и остроги выполняли роль опорных пунктов. К середине XVII века весь северо-восток Сибири, вся обширная территория в бассейнах трех великих рек – Оби, Енисея и Лены – находилась в руках русских. Ханты (остяки) жили по среднему течению Оби и Иртышу с его многочисленными притоками. В Тобольской губернии – на севере Тобольского округа (7 волостей), в южной половине Березовского (11 волостей) и Сургутского (14 волостей) округов; в Томской губернии в бассейне реки Васюган (1 волость). Часть их осела по Оби и Иртышу, но большинство продолжало вести кочевой или полуоседлый образ жизни. В конце XIX в. в их волостях стали селиться русские (6,8%), зыряне (5,4%) и манси (1,9%).⁴¹²

Первые сибирские города возникли в северной полосе, так как именно здесь пролегали первоначальные трассы проникновения русских на восток. Первые города выросли, по большей части, из острогов и зимовий и выполняли административные и военные функции —обеспечивали сбор ясака и защищали завоеванную русскими территорию. Как отметил Д. Я. Резун, «сибирский город в своем происхождении и по своим функциям не мог быть ни монастырским, ни частным, и только лишь „государевым“, „служилым“. Отсюда вытекали его закономерности социально-экономического, административно-политического и культурного развития».⁴¹³ Термины «город», «острог» имеют разное значение. Официальное название «город» получали те населенные пункты, особенно на первых порах присоединения Западной Сибири, которые были административными центрами больших регионов – «разрядов», как, например, Тобольск, Томск, Якутск или же центрами значительных уездов, имевших важное оборонное или торгово-хозяйственное значение: Березов, Верхотурье, Тара и т. д.

Н. И. Костомаров, так охарактеризовал значение слова «город»: «Первоначально, это слово означало огороженное место, т.е. то, что ныне ограда, огорожа. В старые богатырские времена людским жилищам часто угрожали то нашествие чужих, то свои домашние неприятели, при частых неурядицах и междоусобицах, поэтому их старались укреплять – огораживать. Для такой цели достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово «город» (город, огород), в смысле огорожи, означало и огорожу, охранявшую домашнее жильё от животных, и твердыню от неприятельского нашествия».⁴¹⁴ В. О. Ключевский подтверждает, что город«был, прежде всего, огороженным местом, в котором окрестное население искало

⁴¹² Народы Сибири и Севера России в XIX веке. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 158—193

⁴¹³ Резун Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири //Городская культура: история и современность: Сб. науч. трудов. Омск, 1997. С. 25.

⁴¹⁴ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни... С. 112

убежище во время неприятельского нашествия».⁴¹⁵ На основании этого местности для укрепления представляли более надежды на безопасность в случае внешних нападений и эти местности тщательно ограждались, таким образом города получили значение преимущества перед не укрепленными поселениями и последние подпали им в зависимость, которая по духу того времени, когда владычествовала сила, заменялась легко и часто порабощением.

У ненцев укрепленные поселения с языческими святынями назывался «мар». Укрепленный частоколом и обнесенный земляным валом «городок», на языке манси обозначался «уш». Селькупы называли свои укрепления – «коч» или «кэтты». Ханты свои небольшие поселения называли «вош» или «ват», более укрепленные и большие – «вош-пай», а городки, окруженные земляным валом, обнесенные деревянным частоколом «ситан-ваш», и укрепленные крепкими воротами «вош-хотон» – «Пытыр-вах-вош».⁴¹⁶

Слово «острог» на протяжении ряда столетий имело несколько значений. В древней Руси острогом назывался постоянный или временный деревянный оборонительный пункт для размещения «воинских людей», обнесенный заостренной сверху деревянной оградой. Такие укрепления появились на Руси еще до XII века. В отличие от городов остроги были первоначально населенными пунктами второстепенного значения. На территории Сибири большая часть острогов возникает в конце XVI – начале XVIII века. Остроги как крепостные сооружения различались между собой по технике сооружения стен, наличию и количеству башен. Одним из первых этапов строительства острога были земляные работы. Различались они по способу постройки и по сроку существования. «Стоячий острог» — это сооружение отвесно вкопанным тыном (бревнами). У «косого острога» бревна (тын) вкопаны с наклоном внутрь, а «жилой острог» был постоянным поселением. «Стоялый острог» – временный укрепленный пункт для размещения «воинских людей».

Значение слова «острог», мы находим у Н. А. Костомарова: «Кроме городов постоянно населенных, существовали еще укрепленные места, называемые острогами; они находились преимущественно в отдаленных от средоточия власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения: из города посылались туда служилые люди для стражи, на перемену. Мало-помалу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались в города».⁴¹⁷ А. Лебединский отмечал, что положение сибирских острогов было опасным, и: «обязанность их была более военная. В мирное время воеводы собирали со своих уездов яsak».⁴¹⁸

Прежде чем возводить оборонительные сооружения, следовало оценить качество грунтов, на которых предполагалось строительство. Наиболее простой разновидностью острога была ограда из заостренных бревен – «тына», ограждавшая определенную замкнутую территорию. Тыновая стена могла быть «стоячей» (прямой) или «косой» (наклонной вовнутрь). Деревянные укрепления острогов могли дополняться земляным валом и рвом. Первоначальный смысл слова «острог» сводился к особенностям конструкции оборонительных стен. Неслучайно в Сибири до начала XVIII столетия острогом называлась стена из заостренных тыновин (кольев) между башнями. Позднее на русском севере острогом назывался укрепленный населенный пункт. Правительство, сибирская администрация и служилые люди к строительству острогов относились со всей серьезностью. Сибирским приказом был издан специальный «наказ», который предписывал «...на реке в пристойных местах, где б от внезапного неприятеля».

⁴¹⁵ Ключевский В. О. Сказание иностранцев о московском государстве, М. 1991, С. 190; см. также: Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Издание книгопродавца М. Березина, 1880. С. 449

⁴¹⁶ Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь, М. 1965; Пелих Г. И. Селькупы ХУП века... С. 138; Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря... С. 16

⁴¹⁷ Костомаров Н. А. Очерки домашней жизни... С. 113

⁴¹⁸ Лебединский А. Историческое обозрение сибирских острогов и городов с конца ХУ1 – и до начала ХУШ в. //ТГВ. 1863, №39, С. 316

тельского приходу было безопасно и к селению крестьян осмотра пригодные и хлебопахотные места в близости к лесам и ко всяким местам... поставить острог». По заведенному правилу, опробованному по всей Сибири, остроги возводили в устье реки, там, где одна река впадает в другую.

На раннем этапе заселения Березовского края малые крепости имели произвольную форму плана, целиком подчиненную рельефу местности, затем эта форма постепенно приобретает геометрически правильные очертания. Часто форма острога зависела от расположения в нем изб, амбаров и других построек. Обычно они включались в контуры стен острога, либо выступали наружу, либо были вставлены заподлицо со стеной. Такая постановка диктовалась требованиями сокращения трудоемкой работы по возведению острожных стен, а также необходимостью компактной планировки. Иногда размещение некоторых построек в стенах было обязательным, как, например, аманатской избы. Это делалось для того, чтобы при необходимости можно было показать заложников родственникам, которые приходили платить ясак, в то же время не допуская их в пределы острога. С этой целью в стене аманатской, выходящей наружу, обязательно устраивалось небольшое оконце, которое одновременно служило для переговоров с «ясачными людьми». Любопытно, что кормление аманатов было предметом заботы их сородичей, поэтому специальный амбар «для аманатского корму» почти всегда располагался за пределами острога. Возможно, такое размещение амбара было вызвано отсутствием свободного места в небольшом острожке. Известны случаи, когда такие же амбары в крупных острогах и городах находились рядом с аманатской избой или даже совмещались с ней. Размеры и набор элементов первых острожков были настолько небольшими, что практически различий между планировочными композициями укрепленных зимовий и острожков не существовало. Усложнение планировочной структуры острога происходило наряду с увеличением его размеров и изменением количества построек в нем. Нельзя не отметить также, что появление в Сибири небольшого укрепленного пункта было жизненной необходимостью.

Со временем многие остроги, имевшие крупные уезды и ставшие в хозяйственном отношении городами, получили административный статус города и городскую печать и герб, как, например, Березов, Сургут, Обдорск и др. Волостные и уездные остроги чаще всего выполняли в основном функцию военных постов и земледельческих центров. Различались эти поселения и в плане оборонительных сооружений и планировки. Остроги, особенно уездные и волостные, не имели как такового кремля, а все поселение было просто обнесено оборонительными укреплениями. В городе были обычно четыре проезжие башни-ворота (несколько выше угловых). Некоторые из них могли также служить и колокольной, а на главных проезжих башнях устанавливались городские часы. Они с самого начала носили ярко выраженный торгово-ремесленный характер. Если в метрополии они возникают в результате естественного процесса разделения труда между сельским хозяйством и ремеслом, то в колонизируемой стране, каковой была Западная Сибирь в XVII в., толчок к развитию ремесел дала торговля, в процессе которой из метрополии поставлялись необходимые в хозяйстве предметы, орудия труда и другие товары.

Березовский край составлял две трети Тобольской губернии и заключал в себе огромное пространство: все нижнее течение Оби до Ледовитого океана. Первыми русскими селениями на территории Березовского края были города, городки, острожки и зимовья, устраивавшиеся на землях коренного населения. В этих пунктах поселялся, прежде всего, разный вольный люд – казаки, стрельцы, различные иноземцы и другие служилые люди. Торговые, промышленные и гулящие люди, время от времени появлявшиеся в городах, не оседали здесь на постоянное жительство. Одновременно с ними или несколько позже селилось духовенство, а позже поселились крестьяне и посадские люди. Поэтому именно служилые люди вплоть до второй половины XIX в. были преобладающей категорией населения северных городов и зачастую являлись основным источником формирования других сословий.

После основания Тобольска московское правительство распорядилось построить городок на р. Лозьве, притоке Сосьвы, впадающей в Тавду в том месте, откуда начинается за Уралом водный путь в Сибирь. Здесь предполагалось строить суда для отправления служилых людей, съестных и боевых припасов в Сибирь и держать склады этих припасов. На нижней Оби был построен Березов (хант. «Сумгут-вош»; манс. «Халь-ушь»; нен. Ху-харнь) для того, чтобы держать в покорности «вогульских» и «остяцких» князьков. Большинство исследователей считают датой основания Березова 1593 г., когда по распоряжению Москвы из Тобольска вниз по Иртышу и Оби был отправлен отряд Н. В. Траханиотова вместе с князем Михаилом Волконским и Иваном Змеевым. На берегу Северной Сосьвы, в 20 км от впадения ее в Обь, был основан город Березов. Однако Н. А. Миненко придерживается версии А. И. Андреева и считает датой основания Березова 1587 г., так как, по ее мнению, хантыйское и мансийское население левобережной части Северного Приобья было окончательно закреплено за Россией еще в результате похода Ермака.⁴¹⁹ Березовские служилые люди приняли активное участие в дальнейшем продвижении Российского государства на восток.

Одни и те же строительные приемы и методы возведения крепостей были распространены на всей территории Сибири от Урала до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. Именно поэтому вполне возможно воспроизвести целиком или его отдельные формы некоторых острогов, городков Березовского края. А. Лебединский писал о строительстве сибирского острога и города: «Вид города имел различную форму: иногда строился в виде треугольной, иногда четырехугольной, стены которого, то суживались внутрь, то расширялись в разных направлениях. По городской стене строились башни о четырех и о шести углах. Под некоторыми из них были ворота вышиною от одной до трех сажень, отчего такие башни назывались проезжими. Главная башня с большими въезжими воротами называлась востовою, потому что на ней висел колокол».⁴²⁰

Город Березов, бывший изначально острогом, основан в 1593 году, при царе Федоре Иоанновиче, близ бывшего хантыйского селения «Сумгут-вош»: «Березов — русская крепость, расположенная... недалеко от устья реки Оби, на 68 градусе, недалеко от моря. Здесь летом находится русский караул в 50 человек, который зимой из-за большого холода вынужден отправляться на юг. Отсюда едут в Архангельск чаще всего вдоль рек и по морям. Но лодки, на которых совершают это путешествие, время от времени приходится тащить по земле, исключая случаев, когда живут на морском побережье у острова Долгого или у Печоры, если идти до берега Двины, и таким образом доходят до Архангельска».⁴²¹

В ранней истории Березова можно выделить два этапа: первый с 1593 г. по 1642 г. и второй, после 1642 г. На первом этапе Березов развивался как центр местной торговли, сбор ясака и база снабжения мангазейского промыслового района. Второй этап – время упадка города, вызванного тем, что грузы в Мангазею шли теперь через Енисейск, и за Березовым осталось только управление прилегающими ясачным районом, к тому же обедневшем соболями. В 1782 году по Указу Сената, подписанному Екатериной II, Березову был присвоен статус уездного города. В XVII в. Березов – центр местного управления с воеводой во главе. В 1764 г. указом Екатерины II получил статус уездного города тобольского наместничества. В XIX в. – окружного города Тобольской губернии.⁴²²

В 1607 г. Березов одновременно с Тобольском и Верхотурьем получил городскую печать с запрещением воеводам употреблять в дальнейшем во всех публичных делах свои личные печати. Безусловно, эти города получили печати вследствие своего положения как конечные

⁴¹⁹ Миненко, Н. А. Указ. Соч. С. 35.

⁴²⁰ Лебединский А. Историческое обозрение сибирских острогов..., С. 315

⁴²¹ Витсен Н. Указ. Соч. С. 150

⁴²² Миненко Н. А. Березов и Сургут в 18-первой половине 19 в. // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск. 1974. С.88—89.

пункты на основных дорогах, соединявших Россию и Сибирь. Благодаря своему выгодному расположению Березов продолжал развиваться. Уже в 1605 г. из-за нехватки места в укрепленной части Березова за пределами пристроенного к городу острога была возведена на средства местных жителей Воскресенская приходская церковь. В 1637 г. в Березове была учреждена ямщицкая служба.

В 1642 году во время страшного пожара сгорела церковь «Рождества Пречистыя Богородицы да предел великомученика Федора Стратилата». Однако обстановка требовала скорейшего восстановления острога. Из спасенного во время пожара материала Березовский острог был восстановлен. Через несколько лет после этого крепостные сооружения Березова подверглись перестройке. Изображение «Березова» мы видим «Чертежной книге Сибири», сделанное в 1701 г. тобольским сыном боярским С. У. Ремезовым. На нем в Малом (городовом) остроге, у южной стены, сразу же за въездными воротами помещен рисунок двух церковных зданий, примыкающих к высокой колокольне. Это, несомненно, соборный храм Рождества Богородицы с приделом во имя великомученика Феодора Стратилата. Немного правее за ним нарисована еще одна небольшая церковь (судя по всему, Ильинская). В Большом (посадском) остроге, прямо напротив главной проезжей башни дано изображение третьего храма, который можно определить как Одигитриевский. В том же Большом остроге, у южной стены возле угловой башни сделан рисунок трехкупольной церкви. Вне крепости, напротив восточной стены Малого острога, за двумя оврагами обозначена пятая церковь, стоящая неподалеку от берега Вогулки в окружении нескольких строений. В 1708 году по административно-территориальной реформе Петра Первого Березов становится уездным городом Сибирской губернии.

План Д. Юрьева показывает, что уездный город Березов, восстановленный после пожара 1808 г., имел прямоугольную планировку.⁴²³ Эта планировка вполне соответствовала традиционной планировке уездных городов России второй половины XVIII — начала XIX в. Город имел четыре главные улицы, проложенные параллельно берегу реки Сосьвы, пересекаемые четырьмя поперечными переулками. Он размещался на высоком западном берегу реки Сосьвы, с севера и юга обрамлялся глубокими оврагами с протекавшими по дну ручьями: «Общий вид города производит какое-то уныние: всюду глыбы снегу, бедненькие домики, безжизненность, изредка только пробежит смененный с караула казак в „парке“ (остячком верхнем костюме) и оленьих сапогах (пимах) с ружьем на плечах, провезут дрова или воду на собаках. При этом вечные сумерки: солнце, как бы боясь морозов, только сквозит, а не светит».⁴²⁴

Центральная часть города также была прорезана оврагами. В центре всей застройки города — площадь, имевшая прямоугольные очертания и служившая главной городской площадью, на которую должны были выходить главные городские здания и сооружения. Но фактически она не была главной площадью города. Ведь важнейшие уездные учреждения: окружной и земский суды и окружное казначейство, городская полиция, духовное правление, городское хозяйственное управление, уездное училище, казенный магазин для пушных товаров и кладовая окружного казначейства, городской хлебозапасной магазин, пороховой погреб, а также соборная Воскресенская церковь и церковь Рождества Богородицы были сооружены вдоль берега реки Сосьвы, создавая сплошную линию уездных учреждений, размещенных между двумя каменными храмами. Только почтовая контора расположена западнее этой главной линии, в глубине городской застройки. В этом проявились значительные планировочные особенности города, показывающие, что именно река Сосьва и летом и зимой была для города важнейшей транспортной артерией при фактическом отсутствии значительных сухопутных дорог, ведущих в город.

⁴²³ Общий обзор путешествия Уральской экспедиции, составленный Корпуса топографов прапорщиком Юрьевым // Записки Военно-топографического депо. СПб., 1852. Ч. XIV. С. 25—27, 31—33, 82—90.

⁴²⁴ Губарев К. Указ. Соч. С. 18

За северной границей города, на высоком берегу Вогулки устроены казачий провиантский магазин, ссудный хлебный магазин для инородцев, соляной магазин. Традиционно для приречных городов с доминирующей водной транзитной и торговой функцией показано размещение пристани на берегу реки Сосьвы, но практически по главной композиционной оси всего города. Вне городской застройки, севернее и западнее его были расположены инородческая больница, городской лазарет, кладбище. Южнее городской застройки показана зона расположения юрт и чумов хантов (остяков).

Но К. Губарева архитектура Березова не привела в восторг. Вот что он пишет в своем дневнике: «Общий вид города производит какое-то уныние: всюду глыбы снегу, бедненькие домики, безжизненность, изредка только пробежит смена караула казак в „парке“ (остячком верхнем костюме) и оленьих сапогах (пимах) с ружьем на плечах, провезут дрова или воду на собаках. При этом вечные сумерки: солнце, как бы боясь морозов, только сквозит, а не светит. Далее, изолированность Березова от прочих городов, затруднительность сообщений, потому что почта приходит и уходит один раз в две недели, но в весеннее, летнее и осеннее время, по случаю одного водяного сообщения, когда подымутся ветры, опаздывает неделю и более. По вскрытии льда березовцы по шести недель сидят, точно в осадном положении или словно зачумленные. Всякое сообщение прекращается, в этот промежуток они не получают вестей, не увидят стороннего человека, в довершение всех „удовольствий“ питаются одною рыбою».⁴²⁵

У историков нет единого взгляда на точную дату основания Обдорска (хант. Пулноват-ваш; нен. Сале-харат). В разных источниках ее относят к 1593 или 1595 годам. Наиболее вероятно, что первая дата означает прибытие казаков на место основания Обдорска и устройство там временного зимовья, а вторая – непосредственное начало строительства деревянного острога: «Обдорск, по-самоедски Сале-Харат, мыс-город, находится в 375 верстах от Березова вниз по течению Оби и еще глубже на север, под 66°34' с.ш. и 84°15' в.д. на правом и высоком берегу реки Полуя, которая в 8 верстах отсюда впадает в Обь».⁴²⁶ С 1595 г. «Пулноват-ваш» теряет свой статус как княжеской резиденции Тайшиных и в официальных документах уже значится под новым названием «Обдорска», центра сбора ясака с местного населения, который «имел прежде деревянное укрепление с башнями (уничтоженное в 1807 г.) и составляет ныне особое земское отделение Березовского округа подобно отделениям Кондинскому и Сургутскому».⁴²⁷

Как выглядел Обдорск, можно реконструировать по описаниям других острогов. Строились сибирские остроги в XVI – XVII вв. на берегах крупных рек и состояли почти из однотипных построек. На севере Сибири архитектурный стиль во многом повторял деревянное зодчество русского севера. Прежде всего на территории острога сооружались воеводский дом, съезжая изба, или воеводческая канцелярия, тюрьма, аманакская изба (для заложников) и амбары ясашной казны (для мягкой рухляди). На воеводском дворе стояли людская изба, погреб, баня, амбар и другие хозяйственные постройки. Сам дом воеводы стоял в глубине устланной плахами усадьбы, куда вели нарядные ворота.

Для хранения пороха и свинца сооружались земляные погреба, а в особых амбарах хранился всевозможный скарб. Жилые дома в самой крепости не возводились, смены (годовальщики) располагались в жилых помещениях башен крепости, а постоянные служивые люди и другое население ставили свои усадьбы на посаде, т.е. на прилегающей к острогу территории. Церковь в виде надвратной постройки или отдельного здания также являлась обязательным элементом острожной застройки. Острожной оградой служила тыновая стена из бревен,

⁴²⁵ Губарев К. Указ. Соч. С. 13

⁴²⁶ Завалишин И. И. Указ. Соч. С. 25

⁴²⁷ Завалишин И. Указ. Соч. С. 50

которая могла быть «стоячей», «косой» или сочетаться с земляным валом. Часто вдоль стены острога с внутренней стороны сооружался помост для удобства при отражении нападения или штурма непосредственно через тыновое укрепление.

Значение пушнины в хозяйстве московского правительства заставляло очень дорожить плательщиками ясака и заботиться не только о приобретении новых, но и сохранении наличных ясачных людей. В 1635 г. Обдорск становится официально «Обдорской заставой». На Обдорскую заставу были доставлены с целью охраны государственного ясака и пошлины, 2 чугунные пушки, 444 картечи, 1 пуд и 5 фунтов пороху, 35 фунтов свинца, 15 корпей, 15 бердышей.⁴²⁸ В Обдорск каждый год направлялись на службу регулярно сменяемые государственные служилые люди из Березова, Тобольска: «В 1749 г. оберегали Обдорск 50 человек... при годовщике „сыне боярском“ и 14 человек при пушкаре Иване Никитине».⁴²⁹ Но так как служилые люди были неопытны в оценке товаров, то на заставу присылали сначала «целовальников» из посадских людей, а когда был возможен водный путь, то приезжал «таможенный голова», который отправлял «целовальников» по городкам и селениям, где происходил сбор ясака.

Теперь контроль за притоком пушнины стала осуществлять таможня. Через нее проходило до полутора-двух тысяч человек в год, которые отмечались и, сдавали пошлину в казну: «В Носовом городке в Обдоре, березовские служилые люди, посланные туда для сбора ясака и десятой пошлины, захватили торговых людей, человек 45 без проезжих грамот».⁴³⁰ Обдорск неоднократно обстраивался: «обретающемуся в Обдорском остроге в годовой бережи березовскому казачью сотнику Ивану Сверчкову. Березовская воеводская канцелярия определила учинить следующее: 1) казаков послать для добывания на обнесение Обдорского городка острогом и на строение около того острогу надолобь и рогаток и дву изб лесу бревенчатого, которые именно и посланы... как острог, так и надолобье и рогатки и избы и протчее строить незамедленно, чтоб конечно оные строением окончены были к наступающему впредь времени заблаговременно».⁴³¹

Укрепление крепости в то смутное время было необходимо: «Чтоб ты в бытность твою в Обдорске наивсегда имел в команде, – читаем в указе к боярскому сыну Михаилу Лихачеву, – своей от самояди, а в случае и остяков, яко от легкомысленных народов крепкую, а особливо во время их приезде к платежу в казну ясака, предосторожность и для того содержать в крепости достаточно с заряженным ружьем караул и в пристойных местах со умножением часовых и в ночное время в крепости никого из них не пускать, кроме калитки... не отпирать и многолюдством в крепость входить не впускать и то без всякого их оружия, артиллерия б всегда в исправности с припасами».⁴³² С 1754 г. число служилых людей увеличилось в Обдорске, в связи: «С целью охраны ясачных остяков от самоедов... высылались из Березова первоначально до 150 казаков».⁴³³ К этому времени Обдорск уже имел свою печать таможенной заставы: «Печать г. Обдорска имела, как видно из росписи печатей Сибирских городов и острогов, приложенной к наказу от 11 июля 1692 года, такую вырезку: лисица держит стрелу, кругом печати: печать Государева, Сибирские земли Обского устья».⁴³⁴

Но со временем число служилых людей в Обдорске сокращалось. До 1767 г. вся полицейская, судебная и административная власть в Березовском уезде была сосредоточена в руках воевод. С 1767 г. канцелярии стали именоваться комиссарствами. Первым частным комисса-

⁴²⁸ Абрамов Н. А. Указ. Соч. С. 43

⁴²⁹ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 20

⁴³⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков. 1889, С. 176.

⁴³¹ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 18,19

⁴³² Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 21, 22

⁴³³ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 20

⁴³⁴ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 18

ром Обдорской волости стал Василий Павлович Лагунов.⁴³⁵ Комиссары получили право непосредственно обращаться с любыми вопросами к губернскому начальству, что способствовало злоупотребление своим положением. Обдорск стал заселяться и обстраиваться. Первое население состояло из «годовиков» и духовенства. В 1771 г. в остроге было зафиксировано В. Ф. Зуевым 5 дворов.⁴³⁶ В результате реформы 80-х годов XVIII в. власть в северных уездах перешла к Нижним земским судам во главе с земским исправником и заседателем: «Обдорск очень невелик, в нем одна деревянная, ветхая церковь. Дома все деревянные. Жители состоят большей частью из проживающих временно иногородних купцов и мещан. В нем живет отдельный заседатель, при котором находятся несколько казаков, служащих переводчиками в сношении с инородцами и постоянно в Обдорске живущих».⁴³⁷ Отдельным заседателем Обдорска был Дмитрий Григорьевич Скорняков.⁴³⁸

В записях Обдорской церкви за 1794 г. было официально зарегистрировано 70 дворов с численностью 728 человек.⁴³⁹ На протяжении ХУШ – первой половине XIX в. происходит некоторый рост числа русских переселенцев из купцов, которые стали посещать в середине XVIIIв. Обдорск, промышленных и «гулящих» людей, добровольно оставшихся на севере. В 1800 г. было насчитано 871 человек, а к 1845 г. население увеличилось до 1116.⁴⁴⁰ С 1870 г. в Обдорске стали проживать зыряне, которые к 1890 г. уже составляли треть всего населения.

В течение XVIII—первой половине XIXвв. численность населения Обдорска менялась в связи с летними рыбными и охотничьими промыслами: «Нас поразила особенность Обдорска в эту летнюю пору, – пишет в воспоминаниях И. Завалишин, – почти все дома были наглухо заперты, и все селение казалось, околдовано непробудным сном. Это объясняется тем, что в летнюю пору все рыбопромышленники и туземцы уезжают с семьями на дальний север, даже до Обской губы и только с заморозком реки возвращаются в Обдорск».⁴⁴¹ В летний период в Обдорске оставались в основном старые люди, торговцы и люди, состоящие на службе государства: Ковальский в период летней экспедиции по Ямалу насчитал 270 человек, а Сидоров в 1863 г. отметил всего 150.⁴⁴² Путешественники О. Финш и А. Брэм, прибывшие на Ямал, записали по сведениям заседателя всего 458.⁴⁴³

По мере увеличения населения жители села стали селиться за пределами первоначальной таможенной заставы: «Село Обдорское расположено на крутом и высоком более десяти сажень, мысу, на правом берегу р. Полуя, в 7 верстах от впадения последнего в Обь. ...Несколько строений расположено под горой и по откосу, большинство же на высоком берегу».⁴⁴⁴ Уже в середине ХУШ в. застава не вмещала в себя не только избы горожан, но и казенные здания. За не надобностью, укрепления Обдорска, по указу Тобольского губернатора Корнилова, были разобраны «за ветхостью».⁴⁴⁵ Целые кварталы жилых домов с комплексом хозяйственных построек выросли за стенами острога. На берегу речки Шайтанки сформировался целый посад зырянских промышленников. По переписи объездного врача Я. И. Зальмунина, в Обдорске было подсчитано за ноябрь 1891 г.: «378 русских и 290 зырян».⁴⁴⁶ К этому времени Обдорск

⁴³⁵ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 27

⁴³⁶ Зуев В. Ф. Указ. Соч. С. 13

⁴³⁷ Белявский Ф. Указ. Соч. С. 39

⁴³⁸ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 27

⁴³⁹ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 3

⁴⁴⁰ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 704, оп. 1, д. 17, л. 3

⁴⁴¹ Завалишин И. Указ. Соч. С. 273

⁴⁴² Дунин-Горкавич А. А. Указ. Соч. С. 28;

⁴⁴³ Финш О. Брэм А. Указ. Соч. С. 495

⁴⁴⁴ Чугунов С. М. От Тобольска до Обдорска, летом 1915. //ЕТГМ, 1915, Вып. XXVIII, С. 13

⁴⁴⁵ Абрамов Н. А. Указ. Соч. С. 43; Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 26

⁴⁴⁶ ГУТО ГА г. Тобольск ф. 352 оп. 1 д. 342 лл. 59, 69

стал местом ссылки неугодных людей всех сословий. Ссылные, бродяги и уголовники с течением времени приписывались к местным обществам и были одним из источников пополнения северного населения.

Строили в Обдорске основательно, но строительство шло без всякого плана. Посетивший Обдорск тобольский столоначальник по архитектуре отмечал недостатки в строительстве в своем отчете губернатору: «При посещении мной села Обдорского я заметил, что постройки домов... этого села проводятся без всякого заранее составленного плана, чем объясняется неправильное расположение дворов и улиц». ⁴⁴⁷ Суровый климат края предъявлял свои требования к расположению домов. Обдорские дома некоторых обывателей поражали своей чистотой и опрятностью: «у них дома содержатся в опрятности; стены обиты шпалерами, на стене зеркало; на нем белое, из лучшего холста полотенце, с вышитыми или вплетенными краями; стол накрыт белой чистой скатертью или ковром; полы всегда чисты». ⁴⁴⁸ А. Кастрен отмечал, что в обдорских: «домах некоторых здешних купцов и мещан веет все-таки Тобольским духом или, по крайней мере, чем-то подобным. У них я видал и хорошие кафтаны, и прекрасные шали, и большие зеркала и мускатное вино, и приятное обращение, и суворовский табак №1». ⁴⁴⁹

Первые морские пути к Мангазею были проложены поморами еще на рубеже XV – XVI вв. В последней четверти XVI века эти плавания особенно участились. Через него в Архангельск и Холмогоры вывозились сотни тысяч шкурок пушного зверя, а из Беломорья в Сибирь доставлялись хлеб, мука, соль и другие товары. Большие обороты торговли привлекали сюда сотни купцов и промышленников. Из Березова через Обдорск в конце XVI в. русские военные отряды проникли дальше на восток, в Мангазею, т.е. в область по рр. Надыму, Пуру и Тазу, впадающим в Обскую и Тазовскую губы. На р. Таз, впадающей в Северный Ледовитый океан восточнее Оби, появилась Мангазея. В XVI в. русские поморы ходили в Мангазею северным морским путем — морем и по рекам п-ова Ямал. А через «Камень» шли туда русские с Северной Двины и Печоры и коми-зыряне. Их целью был сбор пушнины, причем они прибегали и к товарообмену, и к обмену под видом ясака, и к прямому насилию. Они освоили речной, так называемый Казымо-Надымский путь. По р. Казым, впадающей в Обь против г. Березова русские положили начало открытию Сибирских Увалов. Через короткий волок охотники за «мягкой рухлядью» переходили на истоки Надыма в его среднем течении. У устья р. Танловы (у 65° с.ш.) они поставили Надымский городок — один из промежуточных пунктов на пути к р. Таз. С верховьев Танловы промышленники достигали среднего течения р. Пур и немного южнее Северного полярного круга. Здесь заложили Пантуев городок, ставший, правда ненадолго, центром речного пути в Мангазею. Далее на р. Таз шла уже непрерывная водная дорога вниз по Пуру до Тазовской губы.

Когда бассейн Оби был покорен русскими, правительство решило прекратить незаконные операции с пушниной, наносившие огромный ущерб казне. Уже в 1598 г. для разведки «Мангазейских мест» Москва направила небольшой отряд Федора Дьякова. На четырех кочах он двинулся из Тобольска по Иртышу, Оби и Обской губе, но достичь Мангазеи ему не удалось. Ф. Дьяков и его спутники побывали в некоторых районах Обской губы и зазимовали в Надымском городке. К началу зимы туда же прибыл Юрий Долгушин с партией промышленников, воспользовавшись Казымо-Надымским путем.

В марте 1601 года здесь, на мысу при впадении речки Осетровки (Мангазейки) в Таз, началось строительство «государева острога», которое было окончено летом того же года. А спустя шесть лет, в 1607 году, на его месте воеводой Д. В. Жеребцовым был «зарублен город

⁴⁴⁷ ГАОО ф. 3, д. 5865, л. 1

⁴⁴⁸ Абрамов Н. А. Указ. Соч. С. 24

⁴⁴⁹ Кастрен М. А. Указ. Соч. С. 180

Мангазея». Целью его основания являлось установление правительственного контроля за Мангазейским морским ходом, ведущим в богатую пушниной страну, и создание базы для дальнейшего освоения севера Сибири. Мангазейский морской ход, соединявший Беломорье с Приобьем, являлся в те годы весьма оживленной торговой магистралью. О богатстве города ходили легенды, за Мангазеей прочно закрепилось прозвание «златокипящая». Только за период 1630—1637 гг. — время, для Мангазеи далеко не лучшее, — отсюда было вывезено около полутора миллиона шкурок соболей. Торговые связи города выходили далеко за пределы России: через поморские города он был связан с крупными компаниями Западной Европы.

Во времена расцвета города (первая треть XVII в.) здесь скапливалось до 2 тыс. промышленников. Большой наплыв людей заставил мангазейские власти заботиться об их размещении и о размещении доставленных ими товаров. Именно в этот период в Мангазее появились десятки строений: церкви, амбары, жилые дома для тех, кто оставался здесь жить, работая на рыбных промыслах, по заготовке дичи и мяса, на многочисленных откупках, занимаясь выделкой промыслового снаряжения, косторезным, портняжным или кузнечным делом. «Златокипящий» город просуществовал всего одно столетие. В 1672 году Мангазея была оставлена жителями. Причин для этого было много. В первую очередь, на судьбе города отразилось общее изменение путей колонизации Сибири. Кроме того, местные пушные промыслы оскудели, захирел «морской ход» из Поморья. Все это сделало экономически невыгодным содержание большого заполярного города. В это же время на реке Таз и на Нижней Тунгуске одно за другим начали вспыхивать восстания самодийских племен. Восставшие не раз подступали к стенам города. 65 стрельцов, составлявших постоянный гарнизон Мангазеи, были не в состоянии справиться с повстанцами.

Мангазея впитала в себя все новое и лучшее, что знало русское зодчество на рубеже XVI – XVII вв. Это, прежде всего, заключалось во внедрении принципов регулярной планировки города. Мангазея была хорошо спланирована: крепость четко отделена от посада, а сам посад разделен на две части: собственно ремесленную и торговую. Между частными постройками появились мощенные сосновыми досками судовой обшивки узкие улицы и переулки. Особое внимание уделялось застройке и благоустройству центральной части торговой стороны, где разместился большой гостиный двор в окружении сорока с лишним амбаров и таможня с амбарами.

К западу от гостиного двора было возведено новое культовое сооружение: церковь Михаила Малеина и Макария Желтоводского. К востоку разместились питейные заведения и городская торговая баня. Расширилось строительство новых домов в кремле. Это, прежде всего, коснулось воеводского двора, за массивной круговой оградой которого в дополнение к уже построенным в начале века возникло еще два строения. Зодчие соединили новые постройки воеводского двора со старыми избами висячими закрытыми галереями. Также были соединены воеводские хоромы с соседней съезжей избой. По существу была застроена вся селитьбенная территория городища, за исключением самых отдаленных северо-восточных частей.

В 1625 году общая протяженность стен Мангазейского кремля по периметру составляла около 280 м. По углам стояли четыре глухие башни: Давыдовская, Зубцовская, Ратиловская и Успенская. На южной стороне, между Зубцовской и Успенской башнями, находилась Спасская проезжая башня, достигавшая в высоту 12 м. Самой маленькой была Ратиловская башня — 8 м, а самой массивной — Давыдовская, каждая из сторон которой имела длину около 9 м. Все башни были четырехугольными. Главные улицы были замощены деревянными плахами. От пристани к Гостиному двору вела лестница. Позади него размещалась основная часть посада с ремесленными мастерскими. Мангазея являлась крупным ремесленным центром, в котором были представлены почти все ремесленные специальности, характерные для боль-

шого города: сапожники, косторезы, литейщики. Всего на мангазейском посаде, по подсчетам специалистов, могло постоянно проживать до 700—800 человек.⁴⁵⁰

Первые упоминания о Казымском остроге встречаются в летописном первоисточнике XVI века и в архивных документах, сохранившихся от XVII века.⁴⁵¹ Он относится к типу малых острожков. До начала XVII в. русской заставы для сбора ясака в Казымском городке, очевидно, не было. В. И. Кочедамов высказал довольно решительное предположение, что Казымский острог, как и ряд других селений, возник во время похода князя С. Курбского в 1499—1500 гг.⁴⁵² К этому выводу автор приходит только на том основании, что «ни один из источников не дает сведений о времени их возникновения. В то время как появление других сибирских городов, острогов и даже зимовий достаточно подробно освещено историческими документами».⁴⁵³ Казымские князья получили право, как уже говорилось выше, непосредственно доставлять его в Москву. Но с основанием Березова они постепенно утратили свою независимость, в частности, платить ясак стали туда.

В плане Казымский острог представляет собой четырехугольник, близкий по своим очертаниям к трапеции. Длина северной его стороны составляет 58 м, восточной и западной – 40 м, южной – 41 м. Тыновые стены из плотно пригнанных и заостренных сверху бревен диаметром 14—15 см поднимались на высоту более трех метров. В южной и северной стене находились две башни с воротами, причем створки ворот были устроены только с внешней стороны башен. В отличие от подобных острогов, здесь было много построек внутри крепостных стен, что свидетельствует не о большом служилом гарнизоне, а о том, что крепость «села» на давно существовавший здесь городок хантов, взяв их под защиту от нападавших ненцев. Таким образом, значительная часть жилых построек хантов оказалась в пределах крепости. Кроме функций по сбору ясака, острог призван был помирить враждовавшее население, взяв под защиту менее агрессивную сторону (хантов). Не случайно до сих пор ханты считают это место святым и поклоняются ему.⁴⁵⁴

На начальных этапах русского освоения Сибири остроги являлись форпостами тех регионов, которые представляли первоочередной интерес как для самих переселенцев, так и для государства. Тяжело было первым создателям острогов. Случалось, что, поставив острог, основатели его уходили назад, или, наоборот, шли дальше, оставляя во вновь поставленном остроге горстку служивых для удержания власти и сбора ясака, и сюда по несколько лет никто не заглядывал. Служилые занимались сбором ясака, присоединением новых территорий, освоением богатств и т. д. По этой причине они отправлялись воеводами из острогов надолго и на большие расстояния. В самих же острогах в Сибири оставалось мало людей, которые, к тому же, находились в постоянной опасности. Государство пыталось привлекать на службу в Западную Сибирь различными льготами. Но, несмотря на это, число желавших служить дольше положенного срока не увеличивалось, поэтому в большинстве гарнизоны острогов были малочис-

⁴⁵⁰ Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978; Белов М. И. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI – XVII вв. М. 1981. Ч. 1—2; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л. 1980. Ч. 1; Буцинский П. Н. Сочинения. Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 2000; Пархимович С. Г. Магические строительные обряды в Мангазее // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2004 г., г. Тобольск). Тобольск, 2004. С. 47—53; Визгалов Г. П. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазее) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2004 г., г. Тобольск). Тобольск, 2004. С. 19—25

⁴⁵¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979, С. 33—34.

⁴⁵² Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978, С. 112—116.

⁴⁵³ Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978, С. 112

⁴⁵⁴ Баландин С. Н., Вилков О. Н. Юильский городок на Казыме // История городов Сибири. Новосибирск, 1977. С. 275—280; Крадин Н. П., Ополонников А. В. Юильский городок на р. Казым // АН. 1978. Вып. 26. С. 67—74; Люцидарская А. А. Юильский острог на р. Казым (К вопросу о времени и причинах возникновения) // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 153—172;

ленны. Служивые люди были практическими проводниками этой правительственной политики, которая была достаточно продуманной и осторожной. Так, служивые люди следили за тем, чтобы местное население в Сибири жило мирно не только с русскими, но и между собой. В результате столкновений между родами и соседними народами многие из них уходили в леса, тундру, откуда было трудно их «выманывать». Местные власти при этом не всегда действовали достойно. Служивые выполняли также многочисленные административные функции: были приказчиками, острожными и таможенными головами, целовальниками, кружечниками, лавошными сидельцами и прочее.⁴⁵⁵

– Политика администрации по отношению к коренным народам

Присоединение Западной Сибири к России было не только политическим актом. Более существенную роль в процессе включения Обдорского края в состав России играло хозяйственное освоение территории русским народом. С 90-х годов XVI века развернулся массовый приток переселенцев из европейской части страны в Березовский край. Несмотря на огромные трудности для новых поселенцев, заселение и хозяйственное освоение Севера Западной Сибири в конце XVI века – начале XVIII века развивалось успешно. Хозяйственная деятельность русских оказала благотворное влияние и на совершенствование хозяйства коренного населения.

После присоединения Сибири к России постепенно сложилась система управления. В XVI в. Сибирь как новый край подчинялась Посольскому приказу. В феврале 1637 г. по указу царя Михаила Федоровича был образован специальный центральный орган управления – Сибирский приказ, который существовал с 1637 по 1708 и с 1730 по 1763 гг. Во главе его, как правило, стояли представители знатных боярских родов, приближенных к царю. Сибирский приказ занимался решением вопросов административного управления, контроля сибирских таможен, приема, хранения и торговли пушниной. Территория Сибири, как и вся Россия, для удобства управления была поделена на уезды. Вскоре большая территория потребовала ввести в Сибири дополнительную административную структуру над уездами. С этой целью в конце XVI в. был образован Тобольский разряд, объединивший все сибирские уезды. Тобольский воевода стал главным сибирским воеводой, которому подчинялись воеводы других сибирских острогов.

В ходе первой губернской реформы весь край в 1708 г. был объединен в одну Сибирскую губернию с центром в Тобольске. Сибирский приказ в 1710 г. упразднился, его функции переходили к сибирскому губернатору, воеводы сибирских уездов переименовывались в комендантов. Вторая губернская реформа 1719—1724 гг. внесла в сибирское управление более кардинальные перемены. Вводилось четырехстепенное административно-территориальное деление. Сибирская губерния была разделена на Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую провинции во главе с вице-губернаторами. Провинции в свою очередь разделились на дистрикты во главе с земскими комиссарами. Однако уже в конце 1720-х гг. на большей территории Сибири вернулись к старой системе местного управления: уезды во главе с воеводами. С 1760-х гг. начинается новый виток реформирования управления в Сибири, еще более унифицировавший ее с Россией и коренным образом изменивший всю структуру власти сверху донизу. В 1763 г. окончательно упраздняется Сибирский приказ, и Сибирская губерния начинает управляться на общих основаниях с прочими российскими губерниями. Сибирские дела распределяются по центральным правительственным учреждениям – коллегиям, а с 1802 г. – министерствам.

⁴⁵⁵ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988; Скалон В. Н. Русские землепроходцы-исследователи Сибири в XVII в. М. 1952. Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. XVII – начало XVIII в. Новосибирск, 1992 и др.

В 1796г. было проведено новое административное деление империи. Вся Сибирь была разделена на две губернии: Тобольскую и Иркутскую. В Тобольскую губернию вошли девять уездов: Тобольский, Тюменский, Туринский, Курганский, Ишимский, Ялуторовский, Тарский, Березовский, Сургутский. Целью всех преобразований был поиск оптимальной системы управления, более жесткая централизация и субординация, стремление к законности и правопорядку. Осуществляя реформы, правительство неизменно рассматривало Сибирь как неотъемлемую составную часть Российской империи.

По отношению к коренным народам севера администрация была весьма внимательна и заинтересована в их развитии. Это подтверждается частыми соответствующими рекомендациями местным воеводам. Вот наставление из архивного документа, адресованное в сибирские земли: «Ясак и пошлыны с ясашных людей брать, смотря по людям и по промыслам... давать в ясаке сроки насколько пригоже... выбирать с ясашных людей мягкую рухлядь (меха) ласкою, а не жесточью и правежем... чтоб тем ясашных людей от государева жалованья не отогнать и тем бы их не оскорбить».⁴⁵⁶ Ее целью было «замирение» северных народов: превращение их в исправных плательщиков дани, (ясака); даже за нередкими бунтами обычно не следовало чрезмерно жестких карательных санкций.

Отказавшись от методов силового принуждения и окончательно перейдя к методам административно-бюрократического контроля, государство нарабатывает новые приемы и формы взаимоотношений с коренным населением Севера. Ясачные волости были достаточно устойчивыми окладными и административно-территориальными образованиями. В 1823 г. губернские власти возродили институт старшины, статус и право родового управления. Ответственность за население лежала на родовых управлениях и на инородных управах.

Первым частным комиссаром Обдорской волости стал Василий Павлович Лагунов.⁴⁵⁷ К 1840 г. комиссарства переименовали в участки с теми же названиями, сохранившимися до конца XIX в. Они должны были «состоять из головы и двух выборных и если возможно, то завести письмоводство из письмоводителя; по Обдорской инородческой управе с давнего времени и едва ли с учрежденной оной, присутствуют двое вместо головы; обдорский князь в качестве председателя и один из ближних обдорских родовых остяцких старшин по избранию обдорского князя».⁴⁵⁸

⁴⁵⁶ РГИА ф. 560 оп. 27 д. 84 л. 161об.

⁴⁵⁷ Герасимов В. Н. Указ. Соч. С. 27

⁴⁵⁸ ГАОО ф. 3 оп. 3 д. 405.6 св. 529 л. 399

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.